Тихонов В. А.

Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I

Пополнение армии России солдатами в эпоху реформ в первой четверти XVIII века

Оглавление

Введение 5

Глава 1. Рекрутская система комплектования России в 1699 – 1705 гг. 25

Глава 2. Рекрутская система комплектования России в 1705 – 1711 гг. 61

Глава 3. Рекрутская система комплектования России в 1711 – 1718 гг. 108

Глава 4. Рекрутская система комплектования России в 1718 – 1725 гг. 156

Глава 5. Проблема бегства рекрут при Петре I 207

Заключение 229

Список литературы 237

Посвящаю моей дорогой Любе,
с благодарностью за всё,
что она для меня сделала.

Автор

Введение

Время правления первого русского императора Петра I стало переломным для российского общества и государства, эпохой реформ, сделавшей Россию из забытой окраины Европы великой европейской державой[1]. Реформы затронули очень многие сферы жизни России – экономику[2], технологию отдельных отраслей производства, законодательство, систему государственного управления[3], быт, систему просвещения, книгопечатание, науку, искусство, церковь.

Но ядром всех петровских преобразований и главным основанием их успехов были преобразования вооружённых сил страны, переход от средневекового поместного войска к постоянной армии Нового времени[4]. Такое значение военные аспекты преобразований приобрели ввиду необходимости решения нескольких острых внешнеполитических проблем России того времени. В условиях той эпохи эти проблемы могли быть решены только военным путём. Только военные победы в борьбе за выход России к более удобным для международной торговли морям могли в глазах общества, в большинстве своём не поддерживавшего реформы, оправдать те тяготы, которые пришлось перенести стране при Петре. Положение усугублялось ещё и тем, что военные реформы Петра должны были

пройти проверку на прочность в ходе войны с Швецией[5], имевшей одну из двух – трёх самых сильных и самых современных армий тогдашнего времени.

Одним из важнейших аспектов военных реформ в России конца XVII – начала XVIII вв., наряду с созданием флота, введением современных на тот период систем управления, обучения и обеспечения вооружённых сил было создание новой системы комплектования вооружённых сил, получившей название рекрутской.

До Петра большая часть вооружённых сил в России собиралась только на время военных действий. Лишь во второй половине XVII в. была сделана попытка создания войск, проходивших небольшое ежегодное обучение в мирное время – «полков нового строя». Однако к моменту военных реформ Петра эти первоначальные и недостаточно решительные попытки создания многочисленной армии постоянной боеготовности по разным и на сегодня до конца не выясненным причинам потерпели поражение.

Пополнение армии людьми постоянно было в центре внимания российского правительства при Петре. По выражению одного исследователя в петровское время «чуть что – собирали рекрут». Государственные документы эпохи петровских преобразований содержат многочисленные сведения о сборах рекрут. Все эти сведения нуждаются в обобщении и могут дать ответ на многочисленные вопросы, связанные с рекрутчиной при Петре I.

Рекрутская система комплектования при Петре не оставила равнодушным многие слои тогдашнего российского общества и введение её имело серьёзные не только военно – политические, но и социально – экономические последствия.

Главная цель представляемого исследования – выявить на впервые привлекаемом материале источников специфические особенности рекрутской системы комплектования русской армии при Петре и петровской рекрутчины для страны в целом.

Эта цель предлагаемого исследования может быть достигнута при решении ряда более частных его задач.

Первая задача исследования – установление связи системы комплектования русской армии и военных побед России. Рекрутская система при Петре была разной в разное время, можно ли установить зависимость изменений в рекрутчине и успехе вооружённых сил России в войне?

Вторая задача – выявление связи рекрутчины с социально – экономическим развитием страны. Можно ли утверждать, что есть конкретные факты негативного воздействия рекрутской системы Петра на экономику России?

Третья задача – установление внутренних закономерностей перемен в системе комплектования армии при Петре, обусловленных разными факторами экономического, военного и даже субъективного характера.

Новизна представляемой диссертационной работы состоит в разработке темы рекрутчины при Петре с привлечением широкого круга источников на современном уровне научной методологии, чего до сих пор в историографии не было сделано.

Хронологические рамки работы охватывают период 1699 – 1725 гг. Нижняя граница исследования определяется первым набором даточных (рекрут) в армию при Петре накануне Северной войны. До этого момента царь и его окружение не осознавали необходимости таких масштабных мер. Только трудности Азовских походов 1695 –

1696 гг., а особенно Великое посольство царя и его сподвижников в 1697 – 1698 гг. в Западную Европу[6], открыли глаза руководству страны на важность создания современной на тот момент системы комплектования армии. Необходимость перехода к масштабным рекрутским наборам стала очевидной также под влиянием непосредственной подготовки России к войне со Швецией, обладавшей одной из лучших армий Европы. Подготовка к такой войне также была одним из результатов Великого посольства. В ходе этой длительной поездки по самым развитым странам Европы Пётр знакомился с состоянием вооружённых сил и системой комплектования армий Пруссии, Голландии, Британии, Священной Римской империи (Австрии).

Верхняя хронологическая граница исследования обусловлена особым стилем управления страной, практиковавшимся великим реформатором. Царь лично и подробно входил в управление очень многими сферами жизни государства и общества. Рекрутская система в его правление постоянно несла отпечаток его внимания. Со смертью Петра в начале 1725 г. в функционировании рекрутской системы России многое переменилось. Отличие петровского и постпетровского периодов функционирования рекрутчины разительны и позволяют именно смертью Петра хронологически ограничить рамки исследования.

Представляемое исследование касается только сухопутной армии России – полевой армии (состоявшей из пехоты, конницы, артиллерии и инженерных войск), гарнизонных войск и лейб – гвардии. Система комплектования русского флота в представляемой работе не рассматривается и должна быть темой отдельного исследования.

Исследование делится на пять глав, введение, заключение и список литературы. Четыре главы посвящены четырём периодам в истории петровской рекрутчины, соответствующим четырём ведомствам, занимавшимся этим в то время. Первая глава посвящена периоду до начала массовых рекрутских наборов (1699 – 1705 гг.). В этот период рекрутскими наборами ведали Генеральный двор в Преображенском и Военный приказ. Вторая глава – период Поместного приказа (1705 – 1711 гг.). Третья глава – период Сената (1711 – 1718 гг.). Четвёртая глава – период Военной коллегии при Петре (1719 -1725 гг.). Пятая глава посвящена проблеме бегства рекрут при Петре, достигших в этот период больших масштабов.

Большое значение для исследования русской рекрутчины петровского времени имеют подлинные архивные документы времени Петра отложившиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Российском военно – историческом архиве (РГВИА) в Москве.

В начальный период петровской рекрутчины большинство масштабных рекрутских наборов в России шло через Поместный приказ и через временную комиссию на Генеральном Дворе в Преображенском, которая была укомплектована приказными людьми Поместного приказа. Документы этих учреждений отложились в фонде Поместного приказа РГАДА – в обширном фонде № 1208. Здесь находятся царские указы, материалы, касающиеся формирования комиссий по набору новой петровской армии в Москве и Казани, списки новобранцев, поручные записи набранных рекрут. Документы фонда Поместного приказа охватывают начальный период рекрутской системы комплектования при Петре – с начала набора новой армии в 1699 г. до передачи рекрутских дел в стране в ведение

вновь созданного высшего органа государственной власти – Сената - в начале 1711 г.

В делах фонда Поместного приказа удалось выявить материалы о до сих пор малоизвестном низовом наборе посадских 1702 г., от которого дошли не только рядовые списки рекрут, но и подлинный текст указа царя об этом наборе с обширными приложениями[7].

Время Петра – это время не только военных преобразований, но и кардинальной реформы бюрократической системы страны. Если документация Поместного приказа имеет временные пропуски и недостаточно подробна, то вновь созданный Сенат имел с самого начала достаточно снабжённую квалифицированными кадрами канцелярию, деятельность которой представлена в делах фонда Сената РГАДА – фонда № 248. Этот обширный документальный комплекс содержит многочисленные «приговоры» (то есть решения) Сената о рекрутских проблемах, вплоть до самых небольших. К каждому заседанию этого высшего правительственного учреждения готовились многочисленные документы по разбираемым вопросам – «выписки», составляющие обширный источник по истории рекрутчины. Приговоры Сената петровского времени были частично изданы ещё в конце XIX – начале XX вв., однако, эта публикация охватывает только 1711 – первую половину 1716 гг., то есть только первые пять с половиной из четырнадцати лет функционирования Сената при Петре[8].

Пётр лично занимался очень многими аспектами жизни России. Много он обращал внимание и на проблемы комплектования вооружённых сил. Значение личности царя хорошо осознавалось окружающими ещё при его жизни. Это, а также стремление самого царя упорядочить свою корреспонденцию привели к созданию

Кабинета – личной канцелярии монарха, в архиве которой сохранились многочисленные подлинные документы и бумаги великого реформатора. Сейчас архив Кабинета Петра I составляет фонд № 9 РГАДА. Рекрутские документы этого фонда показывают гигантское внимание, которое уделял царь рекрутчине. Здесь находятся многочисленные распоряжения Петра А. Иванову, Ф. Головину, Т. Стрешневу, Сенату - руководителям рекрутской системы при Петре, ответы его корреспондентов, челобитные, переписка царя с царевичем Алексеем, которого царь одно время пытался сделать руководителем пополнения армии новыми контингентами.

Документы фонда Кабинета Петра I – фонда № 9 РГАДА, авторство которых принадлежит лично царю, частично опубликованы (публикация на сегодня доведена до первой половины 1714 г. включительно)[9]. Именно в опубликованных документах, авторство которых принадлежит лично царю, обнаружено первое на сегодня употребление термина «рекрут» в личной записной книжке царя за 1702 – 1703 гг.

В 1711 г. Сенат по поручению Петра пытался получить более полную информацию о состоянии рекрутского дела в стране с начала войны в 1700 г., что оказалось сложным делом – документы уже тогда оказались в разных столичных ведомствах и в разных губернских канцеляриях и частично были уже утеряны. Была для этого учреждена специальная комиссия стольника П. Е. Баскакова. В 1714 г. это поручение перешло к уже набиравшему силу тогда будущему многолетнему главе Тайной канцелярии А. И. Ушакову. В 1718 г. это многолетнее поручение было оформлено созданием Канцелярии рекрутного счёта с многочисленным штатом сотрудников (существовала до 1727 г.)[10]. Делопроизводство Канцелярии оказалось

в нескольких фондах РГАДА, но основная выявленная на сегодня его часть составила книгу № 694 фонда Сената (фонда № 248). Среди документов Канцелярии для истории рекрутчины имеют большое значение несколько отчётов Канцелярии Сенату. Отчёт главы Канцелярии А. И. Ушакова Сенату от 24 января 1722 г. содержит сведения о мерах по прощению рекрутских недоимок, принятых по случаю победы в Северной войне, о состоянии исследования рекрутного дела в первые годы войны, о беглых рекрутах и наёмщиках за рекрут[11].

Несмотря на все трудности учёта, царь долгие годы требовал от Сената и от Канцелярии А. И. Ушакова подробного отчёта о рекрутном деле в стране с начала Северной войны. Только 15 декабря 1724 г., за месяц до смерти Петра, такой документ был составлен и отправлен в Сенат. Бросается в глаза бюрократическая ловкость, с которой был представлен этот во многом несовершенный отчёт. Вряд ли больной царь мог присутствовать в Сенате во время его представления Сенату, таким образом, эта многолетняя «головная боль» по воссозданию истории раннего периода рекрутчины в России вполне благополучно завершилась для А. И. Ушакова смертью царя. Если бы Пётр мог лично просмотреть этот несовершенный отчёт, то, скорее всего, он потребовал бы продолжить поиски рекрутских документов. Тем не менее, этот отчёт канцелярии А. И. Ушакова имеет серьёзное значение для исследования петровской рекрутчины[12]. В нем перечислены абсолютное большинство рекрутских наборов, прошедших в России при Петре с кратким указанием их условий и особенностей. Только для периода 1710 – 1711 гг. даже комиссия А. И. Ушакова не смогла окончательно разобраться в рекрутских наборах из – за хаоса в документах. Особенностью этого итогового отчёта

является то, что здесь начало русской рекрутчины ведётся с 1702 г., хотя сам царь считал началом её 1700 г.

С 1719 г. основные рекрутские дела переходят из рук Сената во вновь созданное высшее военное ведомство страны – Военную коллегию. Ценная для историков манера того времени сразу при создании учреждения создавать канцелярию с многочисленным штатом и упорядоченным документооборотом привело к началу формирования современного Российского военно – исторического архива – архива военных ведомств императорской России. Петровская рекрутчина в этом архиве отражена в фонде канцелярии Военной коллегии – фонде № 2. Важнейшие вопросы управления армией решались приговорами Военной коллегии. Все рекрутские партии, прибывавшие в Санкт – Петербург представлялись коллегии и по личному составу каждой из них принимался специальный приговор коллегии. В коллегию поступали «ведения» (отчёты) о состоянии рекрутских наборов во всей стране и в отдельных губерниях. В коллегию обращались явившиеся с повинной беглые рекруты со своими «сказками», добровольцы, желающие записаться в солдаты. Через коллегию шёл поток бывших дворовых людей опальных вельмож, годных в солдатскую службу. Коллегия имела прямое отношение к военным судам по делам над беглыми рекрутами. Таким образом, к концу правления Петра нарастающая бюрократизация государственной жизни привела к тому, что документальные источники по рекрутчине из этого фонда ещё более полно отражают функционирование этой части государственного механизма, чем даже и фонд Сената.

В Военную коллегию с 1719 г. стали поступать отчёты губерний о рекрутских наборах за предыдущее время. Удалось выявить в фонде

№ 2 РГВИА такой отчёт Киевской губернии, за период с 10 октября 1710 г. по 22 декабря 1718 г. Этот отчёт – копия, а оригинал предназначался, очевидно, для Канцелярии рекрутного счёта А. И. Ушакова, но в делопроизводстве Канцелярии его нет.

В фонде Военной коллегии удалось выявить обширное досье о попытке руководства России пополнить русскую армию финскими рекрутами из оккупированной в то время русскими войсками Финляндии, составлявшей часть Шведского королевства[13].

Из опубликованных источников по петровской рекрутчине выделяется своим значением «Полное собрание законов Российской империи» - обширное издание законодательных актов Российского государства с середины XVII в.[14] В первом издании этого многотомного собрания, вышедшем в 1830 г., петровское законодательство занимает 3 – 7 тома. Хотя издание это на сегодня как сборник исторических документов устарело и недостаточно полно отражает законодательство России, однако, рекрутское содержание его обширно и позволяет привлечь его в исследовании рекрутчины при Петре. Однако, в этом сборнике нет некоторых важнейших законодательных актов по рекрутам. Например, царские указы о наборе солдат для предстоящей войны со Швецией конца 1699 г. и о наборе солдат в низовых городах в начале 1702 г. в «Полное собрание законов» не попали. Этот указ 1699 г. опубликован в «Полном собрании русских летописей»[15] и некоторых других сборниках документов по истории России конца XVII в.[16]

Часть важных документов по рекрутскому делу при Петре опубликована в виде приложений к статьям и монографиям русских историков дореволюционного периода[17].

Отдельную группу источников по петровской рекрутчине составляют записки современников событий. От дневника служилого человека среднего ранга М. Желябужского дошли записи за 1682 – 1709 гг. Рекрутских указов царя автор дневника касается только в записях за 1699 и за 1703 гг., то есть ценность этого дневника как источника по нашей теме невелика[18]. Сохранились также записи видного русского дипломата петровской эпохи Б. Куракина, однако, в силу своей неосведомлённости в рекрутских делах, дипломат путает хронологию и принципы набора рекрут, о которых упоминает. Очевидно, рекруты попали в его записки не в качестве предмета его служебных забот, а в качестве темы для обсуждения в среде владельцев крепостных, хозяйства которых серьёзно страдали от таких наборов[19].

На сегодня вышло только три отдельных публикации документов о рекрутчине времени Петра. Ещё в конце XIX в. в историческом журнале «Русский архив» в ходе споров об отношении народа к реформам Петра был опубликован документ 1718 г. о татуировании руки рекрута крестом при Петре I[20]. В результате небольшой дискуссии об этой «печати Антихриста» на страницах этого журнала историчность такого клеймения рекрут при Петре была подтверждена.

Примерно в то же время были опубликованы без каких – либо комментариев сохранившиеся в частном собрании документов «поручные записи» 1709 – 1710 гг. о поступлении на военную службу от поместий родственников опальной первой жены царя Петра Лопухиных вместо рекрутов нанятых для этого людей – «наёмщиков»[21].

В 1922 г. был опубликован архивный документ о наборе рекрут в 1703 г. – подробная инструкция наборщикам рекрут,

предположительно составленная в Военном приказе, руководившем этим набором.[22] Эта публикация связана с начавшейся разработкой в советской историографии темы формирования единого класса крепостных при Петре.

Особняком среди источников о петровской рекрутчине стоит опубликованная ещё в 1825 г. финская анонимная церковная хроника 1761 г. из Або о наборе финских рекрут в русскую армию при Петре I[23].

До сих пор исследователи мало уделяли внимание проблеме изучения петровской рекрутчины. Не существует более или менее научных и обширных монографий по этой теме. В основном тема рекрутчины затрагивалась в ходе рассмотрения общих проблем петровских военных реформ или в описании петровских реформ вообще.

И. И. Голиков в конце XVIII в. собрал впечатляющий архивный материал о царствовании Петра и изложил его в объёмном труде[24]. Хотя серьёзная критика источников и даже связность изложения в этой работе почти не прослеживается, однако, как публикация важнейших исторических источников, частично впоследствии утерянных, она до сих пор не потеряла своей ценности. Подробность этой работы даёт ей возможность продемонстрировать большие усилия администрации Петра и лично царя в деле комплектования армии. В частности, именно публикация И. И. Голикова помогает полнее раскрыть до сих пор малоизвестный эпизод с набором финнов в русскую армию в конце Северной войны.

С. М. Соловьёв в своей «Истории России с древнейших времён» (тома с 15 по 18) рекрутские проблемы петровского времени упоминает мимоходом, в связи с рассмотрением других проблем.

Историк хорошо показывает постоянное внимание царя к проблеме комплектования армии. Отмечается связь волнений в Башкирии в 1705 и в 1724 гг. с бегством туда рекрут. Приводя параметры государственного бюджета России на 1710 г. С. М. Соловьёв отмечает, что расходы на рекрут достигали 30 тысяч рублей, то есть 1 % всех расходов государства. При образовании Сената в 1711 г. вопрос о рекрутах стал одной из основных задач нового высшего органа власти. Излагается приговор Военной коллегии 1719 г. об облегчении положения рекрут. При изложении дела обер – фискала Нестерова отмечается, что он, кроме прочих злоупотреблений, брал взятки при рекрутских наборах. С. М. Соловьёв особенно останавливается на резком обострении проблемы беглых рекрут к 1719 г., из – за чего фактически был остановлен рекрутский набор в Тверском уезде[25].

В. О. Ключевский в «Курсе русской истории»[26] к петровским реформам относится критически, подчёркивая их хаотичность и тягостность для народа. При этом при описании первого набора в новую армию в 1699 – 1700 гг. ошибочно утверждается, что в этот набор в солдаты брали крестьян, хотя на самом деле первых крестьян «с пашни» в армию стали брать только в конце 1704 г. Армию этого набора Ключевский оценивает отрицательно, хотя эти солдаты не только проиграли Карлу XII под Нарвой в 1700 г., но нанесли поражение шведам под Эрестфером и Гуммельсгофом и взяли Нотебург в 1702 г. Историк считает, что рекрутские наборы шли беспорядочно и хаотично вплоть до 1705 г., однако, такой взгляд поверхностен. Вплоть до 1705 г. правительство пыталось уберечь крестьянское хозяйство страны от рекрутчины и вело поиск рекрут помимо этого источника – брали в солдаты холопов, посадских,

ямщиков, вольницу, но не крестьян. Общее количество рекрут при Петре оценивается автором в 300 тысяч человек, хотя Ключевский и оговаривается, что точные цифры наборов и не выяснены. Автор справедливо пишет о больших размерах смертности и бегства рекрут. В результате петровских реформ армия приобрела всесословный характер. Рекрутчина у В. О. Ключевского описана бегло и без попытки серьёзного анализа этого феномена на фоне отрицательного отношения автора к петровским реформам вообще.

Н. Устрялов в своей многотомной «Истории царствования Петра Великого» (труд остался не законченным, события доведены до 1706 г.) из всех событий, касающихся рекрутской системы, упоминает только первый набор 1699 – 1700 гг. при подготовке к войне с Швецией. Главное отличие этой регулярной армии от прежних вооружённых сил России, по мнению историка, было то, что оно, во – первых, умело сражаться строем, во – вторых, было дисциплинированным, в – третьих, было полностью обеспечено материально всем необходимым и, в – четвёртых, было постоянным, а не собираемым на время. Добровольцев явилось на призыв большое количество, во – первых, потому что в этот год в стране был неурожай, а во – вторых, явилось много крепостных, желавших поступлением в солдаты получить свободу. Н. Устрялов описывает этот набор довольно точно, хотя и слишком кратко. Правда, он неточно называет число набранных полков. Было набрано 27 пехотных («солдатских») полков, а не 29, как у Н. Устрялова, и 2 драгунских полка[27].

С образованием губерний при Петре вновь назначенным губернаторам пришлось много заниматься рекрутскими наборами, поэтому автор исследования территориального деления России со

времён Петра до 1775 г. посвящает рекрутским проблемам раздел своего труда[28]. П. Мрочек – Дроздовский считает, что собственно о рекрутчине при Петре может идти речь только начиная с 1705 г., когда начался первый крупный набор со всего тяглого населения страны, то есть впервые при Петре в службу стали в большом количестве стали брать крестьян «с пашни». Автор приводит полный список рекрутских наборов при Петре, что было серьёзным достижением для историографии того времени, но начало рекрутчины с 1705 г. на сегодня надо признать устаревшей точкой зрения. Особенностью этой работы является то, что это исследование носит не столько исторический, сколько историко – юридический характер.

Тему рекрутских наборов при Петре рассматривает историк военного права П. О. Бобровский в труде «Переход России к регулярной армии»[29]. Автор резко отделяет набор солдат 1699 – 1700 гг. от регулярных номерных рекрутских наборов начиная с 1705 г. Автор считает, что набор в 1699 – 1700 г. даточных с определённого числа дворов (да ещё слуг, а не обычных крестьян) и вольницы шёл по старым правилам XVII в., а номерные наборы с 1705 г. шли уже по каким – то особенным порядкам. Что касается двора, как особой счётной единицы при рекрутском наборе, то он был заменён другой счётной единицей – податной «душой мужского пола» только в 1724 г. А вольнонаёмных и холопов («слуг боярских») набирали постоянно всё время правления Петра. О наборах посадских в 1702 – 1704 гг. автор не знает. Преобразования в системе комплектования армии России шли постепенно всё время правления Петра и изменили эту систему за это время до неузнаваемости, и никаких оснований начинать историю рекрутчины при Петре с 1705 г., а не с создания новой армии в 1699 – 1700 гг. нет. Ошибка П. О. Бобровского

произошла из – за недостаточного использования в работе архивного материала.

В многотомном и так и не завершённом описании документов Московского архива министерства юстиции (ныне – часть РГАДА), выходившем в основном в дореволюционные годы есть ценная работа А. Востокова о документах Генерального Двора в Преображенском[30]. Опытный архивист и эрудированный историк сумел подробно описать структуру и содержание этого обширного документального комплекса. Автор привёл точные данные о численности первого в истории петровской России набора рекрут, прошедшего перед началом Северной войны в 1699 – 1700 гг., отметив его особенности – правительство стремилось иметь армию из добровольцев, причём принимали даже беглых дворовых вопреки воле их владельцев, что говорит об определённой антикрепостнической тенденции в формировании петровской армии.

В первом значительном труде выдающегося политического деятеля и историка П. Н. Милюкова о государственном хозяйстве России при Петре также есть серьёзные отзывы о состоянии рекрутской системы[31]. Поскольку для оценки военных расходов государства неизбежно приходится решать вопрос об общей численности рекрут при Петре, то автор пытается оценить размеры рекрутских наборов и рассмотреть фактическую сторону дела. П. Н. Милюков делает ряд ценных фактических поправок к работе А. Востокова, указывая на то, что последний перепутал некоторые даты указов о рекрутчине.

М. Клочков вступил в полемику с П. Н. Милюковым по вопросу об уменьшении численности населения страны при Петре и составил об этом основательную монографию[32]. Автор в свою очередь

высказывает взгляд на наборы на Генеральном Дворе в Преображенском в начале Северной войны, приведя новые архивные данные в дискуссии с А. Востоковым и П. Н. Милюковым.

А. А. Кизеветтер в своей монографии о посаде в России в XVIII в. описывает влияние рекрутчины на посад при Петре, опираясь на работы Мрочек – Дроздовского и П. Н. Милюкова. По его мнению, наборы солдат начались с 1700 г., а с 1705 г. проводились ежегодно или чаще, что не точно. О специальных наборах посадских людей историк в 1702 – 1704 гг. не знает. Безапелляционно заявляется, что посадским при Петре разрешалось заменять рекрутчину денежным взносом только с 1722 г. и что выставление «наёмщика» было запрещено только в 1767 г., хотя и по первому и по второму вопросу мнение правительства Петра не было постоянным, а фактически и денежная замена для посадских, и выставление «наёмщика» для всех категорий населения при Петре процветало. А. А. Кизеветтер описывает единственный в своем роде набор рекрут при Петре (в 1707 г.) не с дворов, а с «десятой деньги», то есть с налога на купцов (план набора – 1 128 человек). На примере дмитровского посада (который единственный подробно исследуется на протяжении всей книги) показан сложный и запутанный расчёт необходимого числа рекрут при этом наборе. Этот интересный эпизод показывает сложности рекрутского набора с посадских, когда приходилось учитывать не только благосостояние посадского населения, но и его численность[33].

К юбилею Военного министерства в 1902 г. было выпущено многотомное официальное издание об истории вооружённых сил России. Автор статьи о системе комплектования в этом издании А. К. Ильенко посвятил петровской рекрутчине значительную часть своего текста[34]. Бросающимся в глаза недостатком этой работы является то,

что здесь используются в качестве источников только документы, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи». В приложении, правда, приведены несколько новых документов из нынешнего РГВИА, однако, это всё равно не даёт возможности считать этот юбилейный труд историческим исследованием, стоящим на высоте науки своего времени, так как автор использует крайне узкий набор источников.

В советской историографии, несмотря на очевидную сильную милитаризацию Советского государства военно – исторические исследования велись очень избирательно и военная история времени Петра изучалась в целом недостаточно подробно.

П. К. Епифанов писал о петровских военных реформах в общем, только мимоходом делая замечания о системе комплектования[35].

В. Н. Автократов основательно реконструировал деятельность Военного приказа в начале Северной войны, отметив наличие нескольких категорий рекрут в это время и приведя численные данные о рекрутских наборах[36].

Л. Г. Бескровный в своём многотомном исследовании армии и флота императорской России коснулся вопроса комплектования армии Петра очень кратко[37]. Хотя наряду с данными ПСЗ автор использует и некоторые архивные материалы, однако, очень небольшой объём текста о петровской рекрутчине не позволяет ему прийти к серьёзным и обоснованным выводам. В духе марксисткой историографии критикуется Пётр за создание такой армии, при которой обученность широких масс населения военному делу на случай войны была очень невысокой. Однако, недостаточное экономическое развитие страны и не позволяло иметь массовую

армию, оснащённую на современном по тогдашним представлениям уровне.

Коллективный труд «История Северной войны»[38] о рекрутской системе России при Петре говорит очень мало. О дискуссионной проблеме о начале рекрутской повинности говорится очень осторожно, что к 1705 г. эта система окончательно сложилась. Вопреки распространённому в историографии заблуждению, что наборы при Петре шли каждый год, правильно говорится, что они шли по мере надобности, а не ежегодно. Неверно утверждается, что набору подлежали мужчины 17 – 32 лет – возрастные нормы были разные в разное время, да и никогда точно не соблюдались на практике. В труде проводится характерная для советской историографии мысль о прогрессивности русской рекрутчины. Понятие «прогрессивность» вряд ли применимо в этом случае. Страна с отсталой по тем временам экономикой вряд ли могла бы иметь столь мощные вооружённые силы без такой тяжёлой для населения системой комплектования армии. Русская рекрутчина была не «прогрессом», а тяжёлой необходимостью, которой не было в странах Европы.

Обширность документального архивного материала требует создания специальных справочников по разным аспектам петровских реформ. Справочник по полкам петровской армии на основании архивных разысканий составил М. Г. Рабинович[39]. При направлении рекрут в войска при Петре I формировались специальные рекрутские полки, что хорошо иллюстрируется материалом, собранным автором. Это позволяет оценить масштаб рекрутского дела, уточнить существенные аспекты рекрутских наборов. Кроме этого, М. Г. Рабинович исследовал первый массовый набор в армию Петра в 1699

– 1700 гг. и отметил черты преемственности этого набора и солдатских наборов в России предшествующего времени[40].

М. Бабич собрала архивную информацию о комиссиях в составе центральных учреждений петровского времени и выпустила справочник об этом[41]. Несколько комиссий петровского времени были созданы для решения рекрутских вопросов, что хорошо описано в этом справочнике с приведением многочисленных и исчерпывающих архивных адресов.

Состояние источников и историографии по проблеме рекрутской системы при Петре I показывает недостаточную разработку исследователями этой проблемы при хорошей обеспеченности источниками, особенно архивными. Более систематическое изучение проблемы позволяет получить новые сведения для решения поставленных задач.

Глава 1. Рекрутская система комплектования России в 1699 – 1705 гг.

Одним из результатов Великого посольства Петра I в 1697 – 1698 гг. в Западную Европу – Германию, Голландию, Англию и Австрию[42] – была убеждённость царя в необходимости и полезности европеизации вооружённых сил России, включая и систему комплектования. Необходимо было взять всё лучшее, что было в военном деле Европы, для усиления военной мощи страны и решения назревших геополитических проблем. Ситуация в военной сфере Российского государства на тот момент была такова, что речь шла фактически о создании новой армии.

1. Набор на Генеральном Дворе в Преображенском в 1699 – 1700 гг.

Новая армия России начала создаваться по указу от 8 ноября 1699 г. о наборе в солдаты добровольцев («вольницы»). Необходимость такого шага именно в этот момент была продиктована двумя причинами. Во-первых, после стрелецкого восстания 1698 г. стрелецкое войско, составлявшее на тот момент большую часть всех постоянных вооружённых сил страны, было распущено[43]. Во- вторых,

к этому времени Пётр уже принял секретное решение о начале войны со Швецией и тем более нуждался в многочисленной армии.

Вооружённые силы России должны были создаваться по образцу западноевропейских армий того времени. Для способа комплектования новых вооружённых сил это означало, что армия должна была формироваться из добровольцев. Именно в этом духе и сформулирован указ от 8 ноября 1699 г. Однако, в ходе набора, который в основном был закончен к августу 1700 г. выяснилось, что в конкретных условиях России конца XVII в. на призыв добровольцев стали собираться, главным образом, крепостные, желающие поступлением на военную службу перейти из своего рабского состояния в служилое солдатское сословие, фактически получив, таким способом свободу вопреки желанию своих хозяев[44]. Эта категория потенциальных солдат была наиболее многочисленной по сравнению с другими категориями добровольцев, и без взятия этой категории на службу сформировать в приемлемые сроки подходящую по численности армию было невозможно. Взятие таких крепостных в службу нарушало права собственности на них со стороны их хозяев и вызывало недовольство крепостников. Основную часть владельцев крепостных составляло служилое дворянство, занимавшее все основные посты в государстве. Вопрос о корректировке добровольного принципа комплектования вырос, таким образом, в политическую проблему. Если уж набор армии из освобождённых рабов был неизбежен, то следовало оформить этот процесс как государственную повинность владельцев крепостных.

Эта проблема была решена набором даточных, начавшимся вскоре после набора «вольницы». Указ о наборе даточных вышел 16 ноября 1699 г.[45] и предписывал сложную систему поставки

новобранцев со всех владельцев крепостных дворов. Указ декларировал необходимость сбора даточных формально продолжающейся войной с Турцией и опасностью возобновления военных действий с ней. Основополагающим принципом этого набора было освобождение занимающихся земледелием крестьян от военной службы. Власти хорошо понимали, что уменьшение производства продовольствия в стране с неразвитыми средствами транспорта и небольшими внешнеэкономическими связями неминуемо вызовет голод и сильное снижение доходов государства. С другой стороны, в услужении у крепостников находилось много дворовых слуг, которых вполне можно было отнять у их хозяев без угрозы серьёзных экономических потрясений и падения доходов государства. В распоряжении церкви также находилось много крепостных работников несельскохозяйственного сектора. Именно на перевод в солдаты этих категорий крепостных и был направлен указ о сборе даточных в 1699 г. Указ предписывает брать в службу только незанятых на пашне людей – добровольцев, крепостных слуг, крепостных ремесленников, и запрещает записываться в солдаты крестьянам «с пашни» и бывшим московским стрельцам.

Поскольку основной налоговой и учётной единицей в Российском государстве в то время был крепостной (в основном крестьянский) двор, то и нормы солдатского набора для владельцев крепостных также выражались в этих единицах. Указ позволял уплатить деньги из расчёта 11 рублей за не поставленного даточного некоторым категориям владельцев крепостных дворов. Деньги надо было платить также в тех случаях, когда число дворов точно не укладывалось в норму набора. Например, если собственник имел 53 крепостных

двора, а обязан был поставить одного даточного с пятидесяти дворов, то он выставлял одного даточного и дополнительно платил 66 копеек.

Норма набора даточных с разных групп владельцев крепостных дворов была разной – все они разделялись по этому признаку на шесть категорий.

Первая категория – бояре, окольничьи и ближние люди, находившиеся на момент указа на воеводстве в Сибири, в Астрахани, на Терках, в Азове, на Таганроге и в Таванске и окольничий Андрей Артамонович Матвеев, находившийся на дипломатической службе за границей. С них брали только деньги из расчёта 11 рублей с каждых 50 крепостных дворов, то есть по 22 копейки со двора.

Вторая категория – сибирский митрополит, архангельский митрополит, иностранные владельцы железоделательных заводов В. Меллер и А. Бутенант, грузинский царевич Александр Арчилович Имеретинский (начальник российской артиллерии), наследники умерших генералов Ф. Лефорта и П. Гордона. Они также платили вместо даточных деньги, но из расчёта 11 рублей с 25 крепостных дворов, то есть по 44 копейки со двора.

Третья категория – члены служилых сословий, фактически находящиеся на службе в солдатских полках, за границей, начальники на невоенной государственной службе. Они выставляли одного даточного с 50 крепостных дворов.

Четвёртая категория – помещики и вотчинники московского чина. Они выставляли одного пешего даточного с 50 дворов и одного конного даточного со 100 крепостных дворов. Конных даточных выставляла только эта категория крепостников.

Пятая категория – члены служилых сословий, находящиеся на невоенной службе и не являющиеся начальниками, не могущие быть

на службе в силу возраста и состояния здоровья, вдовы и девицы. Они выставляли одного даточного с 30 дворов.

Шестая категория – церковь, кроме архангельского и сибирского митрополитов, и «гости», включая именитого человека Г. Строганова. Эта категория выставляла одного даточного с 25 крепостных дворов. Монастырям при этом была предоставлена существенная привилегия – если фактического числа «слуг, служебников и конюхов» (таким словосочетанием официально обозначались все монастырские дворовые) не хватало для выставления даточных, то разрешалось выставить такое их количество, чтобы при числе крепостных дворов, равных находящимся во владении самого крупного в стране Троице – Сергиева монастыря, оставалось 20 монастырских дворовых. Например, если у Троице – Сергиева монастыря было 1000 дворов, а у какого – то другого монастыря – 100 дворов, то этому монастырю разрешалось удержать у себя двух дворовых независимо ни от каких других расчётов. Такая привилегия позволяла монастырям не покупать дворовых для их отдачи в даточные, как это приходилось делать в случае нехватки фактических дворовых прочим владельцам крепостных дворов.

Разделение всех владельцев дворовых людей страны на эти шесть категорий можно объяснить неравномерностью, с точки зрения правительства, государственных обязанностей, которые несли разные категории этих владельцев. Меньше всего была обременена государством церковь. Пётр I во всё время своего правления вёл политику по ограничению влияния церкви на жизнь общества и государства, поэтому и при взятии даточных в 1699 – 1700 гг. церковь попала в непривилегированную группу владельцев крепостных. Жёсткое отношение властей к «гостям» в этом указе (они вместе с

церковью отнесены к непривилегированной категории владельцев) можно объяснить нарастающей тенденцией ограничить право владения крепостными только рамками военно – служилого сословия, тех кого впоследствии назовут шляхтой и дворянами, запретив владеть крепостными купцам. В этом проглядывает небольшая антикрепостническая тенденция политики Петра.

В более привилегированном положении в указе находятся члены служилого сословия, причём больше привилегий предоставлено действительно находящимся на службе, особенно на начальнической и на военной и особенно помещикам и вотчинникам московского чина, то есть приписанным к Москве и имеющим земли в непосредственной близости к столице. Из этого видно, кто, по мнению властей, нёс наибольшую тяжесть службы – фактически служившие, служившие в военной службе, служившие начальниками и находящиеся в столице, так как именно владельцы московского чина чаще всего использовались властями для разного рода неотложных дел.

Во вторую по привилегированности категорию владельцев крепостных людей вошли приближённые ко двору иностранцы, а также два митрополита двух наиболее отдалённых митрополий – архангельской и сибирской. Очевидно, считалось, что руководство этими митрополиями и так очень трудно и значительно помогает государству осваивать эти отдалённые окраины.

В первую, самую привилегированную категорию вошли самые близкие ко двору сановники, наместники самых отдалённых областей и дипломат А. А. Матвеев, находившийся с важным дипломатическим поручением в Европе. Эти люди каждодневно в тесном контакте с

самим царём решали важнейшие государственные проблемы и поэтому получили высшие привилегии.

Такое разделение самых привилегированных владельцев на две категории объясняется стремлением властей показать, что власть отдаёт предпочтение русским служилым перед иностранцами, светским перед церковниками и находящимся на воеводстве в отдалённых местах перед воеводами близкими к столице земель.

Необходимость покупки крепостных для отдачи в даточные активизировала в стране покупку и продажу дворовых. Например, как выяснилось в ходе этого набора, у смоленской шляхты (Смоленская земля только недавно была присоединена к России) не было дворовых вообще, а у именитого человека Г. Строганова дворовых по сравнению с числом работающих на его соляных промыслах крепостных дворов было очень мало. Такие владельцы крепостных вынуждены были для выполнения повинности поставки даточных покупать дворовых и сдавать их в солдаты.

При расчёте числа крепостных дворов у владельцев брались в расчёт не только крестьянские (то есть земледельческие) дворы, но и дворы «деловых» людей (то есть крепостных ремесленников), дворы «задворных» людей (то есть крепостных, исполняющих обязанности дворовых, но живущих отдельными от своего господина хозяйствами), бобыльские дворы (дворы крепостных, не вошедших ни в одну из названных категорий, и большей частью нанимавшихся в батраки и работники).

Для набираемых в службу комиссией на Генеральном Дворе в Преображенском[1] не было каких – либо ограничений по возрасту,

лишь бы даточный был не стар, не увечен и был признан на смотре годным к солдатской службе[46].

Не подлежали набору в даточные следующие категории дворовых: «дядька» (то есть ухаживающий за малолетними детьми хозяина), казначей, дворецкий и стряпчий (то есть ведущий дела хозяина в судах и государственных учреждениях).

О сроках набора даточных пишет М. Желябужский, излагая указ: «Сказки и росписи слугам боярским приносить ноября 26 числа, а людей приводить того ж числа, а буде невозможно, декабря к 1 числу. Патриарху, и властям, и монастырям ближним — декабря в первых числах.

В грамотах срок писать: в ближние города первый — декабря к 6 числу, второй — к 25 числу; дальним: первый — декабря 25, второй — января 25. В степные же [города - В.Т.] послать грамоты с указа»[47].

Все владельцы крепостных дворов обязаны были после опубликования указа прислать будущих солдат и соответствующие деньги в специально созданную комиссию на Генеральном Дворе в Преображенском с «росписью» или «сказкой» (то есть с официальным заявлением о количестве у него крепостных дворов). Комиссия на Генеральном Дворе принимала «сказку» и сравнивала с результатами переписи 1678 г. В расчёт принималось наибольшее из этих двух чисел число дворов.

Наборная комиссия по сбору даточных и сказок на Генеральном Дворе начала принимать даточных и «сказки» 26 декабря 1699 г. Возглавили её боярин Ф. Головин и генерал А. А. Вейде[48]. Ф. Головин обладал большими административными и дипломатическими способностями и пользовался большим влиянием на царя. Генерал А. А. Вейде был иностранцем, родившимся и выросшим в России, и

считавшимся военным теоретиком и храбрым военным (впоследствии он вместе с А. Д. Меншиковым возглавил созданную в 1719 г. Военную коллегию). А. А. Вейде возглавил «генеральство» (дивизию), составленную к лету 1700 г. из даточных[49].

Для работы в комиссии из Поместного приказа были командированы на Генеральный Двор глава приказа думный дьяк Автоном Иванов, 5 дьяков и 74 подьячих[50]. Таким образом, фактически набор даточных вёл персонал Поместного приказа, как это и будет впоследствии во времена первых номерных рекрутских наборов 1705 – 1710 гг.

Одновременно на Генеральном Дворе вёл набор добровольцев («вольницы») Автоном Головин, будущий командир «генеральства», которое предполагалось полностью набрать из вольницы[51].

Набор добровольцев и даточных начался также ещё в четырёх городах центра страны (Смоленск, Псков, Новгород и Кострома), где их вели местные воеводы, и в 20 «низовых» (то есть волжских) городах. В низовые города (Нижний Новгород, Казань, Пензу, Симбирск, Самару, Сызрань, Чебоксары, Саратов, Василь, Свияжск, Козьмодемьянск, Цивильск, Кокшайск, Кашпир, Алатырь, Арзамас, Курмыш, Яренск, Ядрин, Царёв – Санчурск) специально для набора был послан Н. И. Репнин со штатом помощников[52].

Особое внимание при наборе вольницы было уделено Поволжью потому, что именно здесь концентрировались массы беглого и гулящего люда для работы на транспортных судах, идущих по Волге («понизовая вольница»). Расчёт на Поволжье оправдался – здесь было набрано третье генеральство, которое возглавил Н. И. Репнин[53]. Первоначально предполагалось, что в низовых городах будет набираться только вольница, но так как монастырские и

частновладельческие крепостные здесь также стали поступать в солдаты, стремясь получить таким способом свободу, то уже 5 декабря 1699 г. вышел указ о взятии даточных с крепостных дворов казанского и нижегородского митрополитов, а 23 декабря 1699 г. – о взятии даточных Н. И. Репниным и с помещичьих и вотчинных крепостных дворов низовых земель. Инструкция, данная Н. И. Репнину 17 ноября 1699 г., предписывала брать в службу в низовых городах людей от 15 до 30 и немного более лет из наёмных работников, плавающих на волжских судах, из служилых людей. Запрещалось брать в солдаты крестьян с пашни и бывших московских стрельцов. Н. И. Репнину был установлен минимальный план набора – 10 тысяч человек. Набранных следовало держать по городам примерно по 500 человек, а в Казани – примерно 1 тысячу и более. Самому Н. И. Репнину следовало иметь свою резиденцию в Казани, но лично объехать все города, где идёт набор, и осмотреть каждого «новоприборного» солдата. Всем набранным выдавалось жалованье по 1 руб. в месяц сразу за два месяца и они приводились к присяге и связывались круговой порукой по 50 человек. В присяге новобранцы обязались не покидать службы, не продавать военное имущество, не играть в азартные игры. Н. И. Репнину предписывалось учить их строю и во всём отчитываться перед Ф. Головиным[54].

Возрастные ограничения (от 15 до немного более 30 лет) были установлены только для набора в низовых городах, для прочих мест набора такие ограничения неизвестны.

Несмотря на то, что указы о наборе разделяют набираемых на вольницу и даточных, фактически набор 1699 – 1700 гг. шёл среди одной и той же категории населения – среди крепостных, не занятых в сельском хозяйстве, включая беглых, ушедших на службу вопреки

желанию своего хозяина, и выставленных хозяином по требованию государства в качестве даточного. Много было случаев, когда господин дворового, самовольно поступившего в службу, подавал прошение о зачёте такого беглеца ему в качестве даточного. Зачастую беглый при поступлении на службу за взятку объявлял себя даточным от того владельца крепостных, кто дал ему эту взятку. Власти смотрели на такие проделки сквозь пальцы, лишь бы поступающий в солдаты не был пашенным крестьянином и бывшим московским стрельцом[55].

Хотя правительство даже в дипломатической переписке не скрывало, что набирает постоянную армию, оно не рисковало об этом заявлять внутри страны во всеуслышание, так как тогда стало бы ясно, что даточные берутся не на время, а навсегда переводятся в солдатское сословие. В документах набора тщательно фиксируется, чьим крепостным был до набора тот или иной солдат, с очевидной демонстрацией намерения вернуть его в крепостное состояние после окончания военных действий. В целом набранные в 1699 – 1700 гг. войска представляли собой армию из освобождённых крепостных, которые готовы были хорошо служить за полученную свободу. Набор стал одним из крупнейших мероприятий правительства по освобождению крепостных за всю историю крепостного права вплоть до ликвидации крепостничества[56].

За не поставленных даточных было собрано 50 055,21 рублей. Учитывая, что за каждого не поставленного даточного было уплачено по 11 руб., получается, что откупленными от военной службы оказались 4550 человек, то есть примерно треть от всех, обязанных явиться на службу.

В таблице 1 представлены итоги набора.

Таблица 1. Набор солдат на Генеральном Дворе в Преображенском и в низовых городах с 26 ноября 1699 г. до 18 августа 1700 г.

Город	**Наборщики**	**Набрано даточных**	**Набрано «вольницы»**	**Итого**
Москва	Ф. А. Головин, А. Головин, А. А. Вейде	10 727	8 436	**19 136**
«низовые» города	Н. И. Репнин	190	10 530	**10 720**
Великий Новгород	И. Ф. Трубецкой	389	761	**1 150**
Псков	К. А. Нарышкин	190	207	**397**
Смоленск	П. С. Салтыков	0	260	**260**
Кострома	?	0	29	**29**
Итого		**11 496**	**20 196**	**31 692**

Источник: Клочков М. Население России при Петре Великом: По переписям того времени. Т. 1. – СПб., 1911.

Две трети этого войска были составлены из вольнонаёмных, как и было принято в то время в западноевропейских армиях. Набранных войск оказалось достаточно для войны со шведами вплоть до взятия Нотебурга осенью 1702 г., после которого впервые с осени 1699 г. пришлось задумываться о крупном пополнении пехоты.

В период 1699 – 1705 гг. (до 20 февраля 1705 г.) удавалось при рекрутских наборах обходиться в основном вольницей или крепостными, не занятыми сельским хозяйством, что представляется очень продуманным шагом, позволявшим более или менее сохранять экономику от нехватки рабочих рук в условиях войны. Большое значение такое освобождение крестьянства от военной службы в первые пять лет Северной войны имело для спокойствия государства – удалось избежать волнений внутри страны и недовольства не только главного производителя – крестьянства – но и владельцев поместий и вотчин. Применение принципа ведения военных действий преимущественно вольнонаёмной армией в этот период оказалось успешным и уместным. Однако ресурсы годных к военной службе добровольцев в России в конечном счёте оказались недостаточными для ведения столь масштабной войны на столь обширном театре военных действий (Россия, Швеция, Речь Посполитая и северогерманские государства).

Набор 1699 – 1700 гг. воспринимался впоследствии самим Петром как начало рекрутской системы комплектования. Это доказывается тем, что когда в конце 1711 г. по указу царя стали пытаться восстановить картину солдатских наборов в России при Петре (для

таких поисков было создано целое ведомство – Канцелярия рекрутского счёта), то сам царь указал начальную дату таких наборов – 1700 г.[57]

Среди исследователей нет согласия относительно оценки набора 1699 – 1700 гг. как начала рекрутчины в России. Е. В.Анисимов, П. П Епифанов. и Л. Г. Бескровный считают, что с 1699 г. начался только переход к рекрутской системе комплектования русской армии. Этот переход, по их мнению, закончился с началом номерных рекрутских наборов в 1705 г.[58] М. Д. Рабинович не относит набор 1699 – 1700 гг. к рекрутской системе, находя много схожего в этом наборе с набором даточных в допетровские времена[59]. А. К. Пузыревский считает, что Россия, благодаря введению Петром I рекрутчины, обогнала всю Европу в введении всеобщей воинской повинности, значительно усилившей вооружённые силы[60]. В этом с ним согласно большинство западных исследователей[61]. А. З. Мышлаевский считал, что русская рекрутская система уже вполне сформировалась к 1703 г. и, таким образом, начало её нужно вести с 1699 г.[62] П.Гудим – Левкович также ведёт начало русской рекрутской системы с 1699 г.[63] Наиболее обоснованно считать началом рекрутчины при Петре 1699 г.

2. Набор по указу от 18 декабря 1700 г.

Разгром русской армии под Нарвой осенью 1700 г. не привёл к нехватке солдат в вооружённых силах России. Основной костяк личного состава всех «новоприборных» полков сохранился. Нового массового набора не требовалось[64]. Для пополнения относительно небольших нарвских потерь после возвращения войск из-под Нарвы в декабре 1700 г. был объявлен набор добровольцев на Генеральном

Дворе и в солдатской съезжей избе в Преображенском[65]. Пополнение, как формулирует указ, должно было поступать в оба гвардейских полка и в «солдатские выборные» полки, которые в этот период назывались Лефортовским и Бутырским. Следует, однако, уточнить, что в этот период термины ещё не установились, и под «выборными» полками здесь подразумеваются «генеральства», возглавляемые этими полками. В этот период этими «генеральствами» командовали Б. П. Шереметев и Н. И. Репнин. Оба «генеральства» находились в действующей армии. Можно предположить, что в съезжей избе набор шёл в гвардейские полки, а на Генеральном Дворе – в «выборные».

П. Н. Милюков замечает, что А. Востоков три раза упоминает этот указ и все три раза неправильно указывает дату: вместо 18 декабря 1700 г. – 18 декабря 1699 г., 15 декабря 1700 г. и 15 декабря 1699 г.[66].

За период со 2 декабря 1700 г. по 30 мая 1701 г. было набрано в солдаты 3 351 человек, в том числе в полки:

Преображенский – 1124,

Семёновский – 790,

М. Трейдена – 84,

И. Трейдена – 138,

Д. Купера – 165,

М. Страузберха – 200,

И. Сака – 268,

И. Мевуса – 256,

Ю. Абрама – 139,

И. Билуса – 187 человек[67].

Как видно из этих данных, большинство набранных пополнило оба гвардейских полка. Было высказано мнение, что основной причиной поражения русских под Нарвой осенью 1700 г. было то, что

набранные в 1699 – 1700 гг. в русскую армию добровольцы оказались плохими солдатами. Однако, очевидно, люди, принимавшие решение о дополнительном наборе добровольцев в русскую армию после нарвской капитуляции, так не считали – в 1701 г. русская пехота пополнялась исключительно добровольцами, причём для их набора сразу после нарвского поражения был принят специальный указ.

Запись вольных в Военном приказе была объявлена указом 24 февраля 1701 г.[68]. Фактически она велась здесь с конца 1701 г. В 1701 – 1702 гг. здесь записалось в вольницу 850 чел.[69]

Указом от 23 декабря 1700 г. новонабранным солдатам разрешалось съездить за их жёнами. Душевладельцам велено было возвращать только сбежавших от них в солдаты пашенных крестьян и крепостных, совершивших тяжёлое преступление. Прочие категории крепостных, поступивших в солдаты вопреки воле своего господина, оставались в солдатах. Не принимали в солдаты стрельцов, служивших до 1698 г. За побег со службы указ грозил смертью. Жён и детей до 12 лет крепостных, ставших солдатами, велено было отпускать на волю. Засчитывались душевладельцам их крепостные, поступившие в солдаты, даже если они сделали это вопреки воле своего господина. Душевладелец поступившего в солдаты, обязан был дать на него кормовые деньги и одежду под угрозой конфискации поместий и вотчин. Также он обязан был отдать поступившему в солдаты его «рухлядь» (одежду). Жалованье солдатам было положено 11 рублей в год или 3 копейки в день. Приказывалось брать с них поручные записи (присяги) группами по 50 человек по принципу круговой поруки, когда за преступление одного наказывали всех из этой группы. Брали в солдаты 15 - 30 с небольшим лет людей

боярских, недорослей, казачьих и стрелецких детей и прочих чинов и наёмных работников[70].

Указом от 9 ноября 1701 г. жёны и дети до 12 лет новоприборных солдат отпускались на волю. Бывшие их душевладельцы обязаны были выдать им их рухлядь[71].

Судя по такому вниманию законодательства к вопросу об имуществе и семье дворового, желающего поступлением в солдаты получить свободу, эта проблема стояла достаточно остро. Фактически правительство набором добровольцев поощряло бегство дворовых и ограничивало саму систему холопского закабаления в стране. Пётр I не побоялся гнева могущественных крепостников ради усиления армии и соблюдения западноевропейского добровольческого принципа комплектования вооружённых сил. Право годных в солдаты крепостных получить свободу поступлением на службу сохранялось до конца правления Петра, и было отменено сразу после его смерти. Конечно, достаточно частыми были и случаи сдачи помещиком неугодного или слишком беспокойного крепостного в рекруты.

3. Низовой набор 1702 г.

Итоги деятельности отдельной комиссии по набору в армию вольницы и даточных с низовых городов в 1699 – 1700 гг. под руководством Н. И. Репнина сочли успешными. Такая практика была продолжена в 1702 г. К этому времени сам Н. И. Репнин командовал дивизией в действующей армии, поэтому новую комиссию по набору в низовых землях возглавил думный дьяк Автоном Иванов (имя этого человека в источниках часто фигурирует в искажённой форме «Автомон»), впоследствии в 1705 – 1709 гг. (вплоть до своей смерти

от алкоголя) в должности президента Поместного приказа фактически возглавлявший рекрутское дело в России.

Низовой набор 1702 г. имел свои особенности. Первая особенность – все набранные предназначались не для шведской войны, а для пополнения гарнизона Азова. Эта группировка имела большое значение для обороны неспокойной границы с Турцией и Крымом. Из азовского гарнизона много бежало солдат. Именно с низовых городов удобно было комплектовать этот гарнизон – можно было использовать водный путь по Волге и Дону. Вторая особенность этого набора: впервые за время правления Петра и впервые в истории комплектования вооружённых сил России проводился не только набор добровольцев, но и принудительный набор посадских людей, причём только малообеспеченных. Набранным посадским людям разрешалось взять с собой на гарнизонную службу семьи (жён, детей и родителей).

Всего за февраль – июнь 1702 г. в низовых городах было набрано два полка пехоты (известно название одного из этих полков – полк Рыкмана[72]). На время переброски набранных в Азов из них формировались так называемые комплектные солдатские полки: один под командованием стольников Н. Татищева (отца известного русского историка) и Н. Языкова, другой - подполковников В. Оголина и Т. Бекетова[73].

Сохранилась «Книга записная новоприборным солдатам», набранных из добровольцев в волжском городе Свияжске недалеко от Казани в 1702 г. (набор шёл с 6 марта по 30 июля)[74]. Руководил набором стольник И. Ф. Бобрищев - Пушкин. Каждый доброволец, если он по своему физическому состоянию был годен в военную службу, записывался в эту книгу, где указывались имя, отчество, фамилия (если она у него была), место жительства, сословное

состояние (гулящий, дворовый, посадский и т. п.), родственники – мужчины (в большинстве случаев записавшийся отрицал, что у него они были), семейное состояние (женат или холост), возраст, наличие или отсутствие детей, наличие на нём тягла (налоговых обязательств у посадских). Кроме этого, каждый записавшийся обязан был заявить, что беглых солдат из Азова он не знает. После записи каждый записавшийся до отправки в Азов отпускался, при этом ему выдавалось государево жалованье – 1 руб. холостому, 2 руб. – женатому. Отправка по рекам в Азов прошла летом 1702 г.[75] Всего в Свияжске было набрано 226 чел., из них до отправки 1 бежал и 1 умер[76].

Дворовых из 226 набранных в период с 8 марта по 30 апреля 1702 г. добровольцев в Свияжске было 95 чел. (42 %)[77]. Часть дворовых при поступлении на службу скрыла своёй статус: «отец неизвестного чина, жил у стрельца», сын отца, находящегося «в работе в деревне Гавриково», «гулящий, сын дворового», «жил в работе у монастырского бобыля», «отец служил в Казани». Ещё часть записавшихся не представили сведений о своём отце (возможно, чтобы скрыть, что они – дворовые). Если учесть ещё и этих 22 чел., то доля дворовых, записавшихся в солдаты, достигнет 52 %.

Сохранились документы о наборе посадских в другом волжском городке Ядрине[78]. Фактически в Ядрине были взяты в службу посадские дворы с пожитками до 10 руб. на двор. Сумма пожитков всех взятых – 76 руб. Средняя стоимость пожитков взятых – примерно 3,5 руб. на двор (при среднем имуществе по городу 4,5 руб. на двор). Платили взятые дворы тягла в среднем 1,8 руб. в год на двор, тогда как в среднем в городе платили по 4,5 руб. в год на двор. Такое соотношение показывает, что брали прежде всего не только годных в

службу, но и с дворов, имевших некоторый уровень благосостояния, но платившихся по каким – то причинам относительно малое тягло. А. Иванов заботился не только о наборе годных в службу, но и о доходах казны. Материалы ядринского поголовного набора посадских показывают, что из 147 дворов, числившихся в Ядрине по переписи 1678 г., назначено было к переселению в Азов 22 двора (примерно каждый седьмой). Весь город был обложен тяглом (налоговыми обязательствами) в 228 руб. в год, а переселяющиеся в Азов дворы – 40 руб. в год. Таким образом, от этого солдатского набора город опустел на одну пятую – одну седьмую часть. На 31 марта 1702 г. в Ядрине фактически было 143 двора с 262 душами мужского и 342 душами женского пола. Всё имущество горожан («пожитки») оценивалось в 666 руб., с которого платилось тягла 271,405 руб. в год.

В назначенных к переселению дворах было 36 годных в солдатскую службу и 23 души мужского пола, к службе негодных (20 детей и 3 старика). Число членов семей женского пола, которые следовали в Азов за новонабранными солдатами, не указывается.

Глава Поместного приказа думный дьяк А. Иванов отправлял набранных по Волге и Дону, а также степью, в Азов к распоряжавшемуся там Ф. М. Апраксину. Царь сообщил последнему 5 июня 1702 г., что А. Иванов набрал уже 2 330 человек из вольницы. Эти новобранцы посылались в Азов вместе со своими жёнами, детьми и родителями, которых насчитывалось ещё 4 390 человек. Ф. М. Апраксин 12 июля 1702 г. сообщил Петру, что в Азов прибыли только 915 вольнонаёмных солдат и 529 взятых из посадских. Среди посадских оказалось много негодных к военной службе (малолетних и больных («скудных»)): из 529 человек осталось служить годных

только 120 человек, причём Ф. М. Апраксин оставил только добровольно пожелавших служить[79].

После стрелецкого восстания 1698 г. царь запретил набирать в солдаты бывших московских стрельцов. Однако, в ходе начавшейся Северной войны нехватка способных к военному делу людей заставила пересмотреть это слишком категорическое запрещение.

По указу 31 января 1702 г. было велено взять в солдаты всех годных к службе бывших бунташных московских стрельцов. Сохранились сведения об этом наборе в смоленских землях. Наряд на эти земли составил 1 000 чел. Набор шёл медленно. Фактически было набрано в этом городе ко 2 марта 1705 г. только 700 чел. Набранные в это время находились в Смоленске, что видно из челобитной урядников (младших командиров) этого полка (14 сержантов, 28 капралов), просивших платить им положенное урядникам, а не солдатское жалованье. Ближняя канцелярия удовлетворила это их законное требование[80].

В ходе военных действий в Ингрии и Лифляндии в 1702 г. Б. П. Шереметев обнаружил, что в землях Новгородского разряда много достаточно обеспеченных крепостными помещиков не служат и не выставляют даточных. На запрос командующего от 9 февраля 1702 г. царь велел взять с таких помещиков конного даточного с 25 – 30 дворов одного с тем, чтобы служили такие даточные без жалованья, которым их должны обеспечить их помещики, и со своим оружием. Вряд ли командующему, занятому военными действиями, удалось набрать на ограниченной территории крупные контингенты. Сведения о численности набранных не сохранились.

4. Посадские наборы 1702 – 1703 гг.

По итогам кампании 1702 г., но ещё до взятия Нотебурга, царь 10 сентября 1702 г. потребовал от главы Военного приказа Т. Стрешнева, ответственного за набор новобранцев, подготовить к весне 1703 г. 3 – 4 тысячи драгун и 1 тысячу солдат для восполнения потерь[81]. После взятия Нотебурга письмом от 28 октября 1702 г. Пётр увеличил свою заявку на набор солдат с 1 тысячи до 4 – 5 тысяч человек[82].

Опыт набора малообеспеченных посадских в низовых городах весной и летом 1702 г. решили распространить на всю страну.

По указу от 11 декабря 1702 г. за закрепой думного дьяка Г. Деревнина[83] велено было Военному приказу набрать 7 000 вольницы и взять принудительно посадских, имеющих промыслов на 30 рублей и меньше («а гостиной и суконной и чёрных сотен и всех сотен посацких людей, которые живут на Москве и в городех, слобоцким торговым окладом обложены и имеют у себя промыслов на 30 рублёв и менше, тех написать в салдацкую службу»). Набор посадских шёл в 60 городах и 7 слободах. Отправлено было в дивизию Шереметева 3179 чел., в дивизию Репнина - 4728, в группировку М. Г. Ромодановского на южную границу 3073, оставлено в Москве 170 чел.[84] Всего – 10 980 человек, что значительно превысило запланированную цифру. Отдельных полков из посадских не формировали, а вливали новобранцев в качестве пополнения в уже существующие части. Это было связано с низким качеством посадских новобранцев, которые годились только на восполнение потерь. Во время набора 1702 г. А. Иванов обнаружил во многих городах массы бедных посадских людей, еле сводящих концы с концами. Как налогоплательщики они не представляли большой ценности для государства. Многие из них согласны были поступить

солдаты для улучшения своего материального положения. Взятие на службу посадских не создавало проблем в отношении государства и владельцев крепостных, как это было при взятии на службу дворовых и тем более крепостных крестьян. К недостаткам набора солдат среди посадских надо отнести низкое качество солдат. Непривычные к физическому труду на свежем воздухе, часто истощённые бедностью и люмпенизированные посадские не улучшили качество солдатской массы русской армии. Как сказано выше, низкое качество посадских, набранных А. Ивановым в низовых городах в 1702 г., отмечал ещё Ф. М. Апраксин, которому пришлось принимать их в свою войсковую группировку в Азове.

Для посадов этот посадский набор оказался очень тяжёл. Позднее в 1710 – 1714 гг. посады неоднократно поднимали вопрос перед царём и Сенатом о зачёте взятых по этому набору в последующие рекрутские наборы. Сенат после длительных проволочек согласился с этим предложением. Но понадобилось ещё сломить глухое сопротивление губернаторов в этом вопросе.

С ростовского посада было взято в 1703 г. в солдаты 210 чел. По переписи 1678 г. в г. Ростове числился 491 двор. Из-за рекрутских наборов 1703 – 1711 гг. ростовский посад опустел на четверть, причём половина всех взятых в этот период солдат пришлась на набор 1703 г. То есть из-за набора 1703 г. ростовский посад потерял примерно 13 % своего населения[85].

С посада Вологды (1420 дворов по памяти из Ратуши в 1704 г.) было взято в солдаты Военным приказом в 1703 г. 306 чел. Так как в этот период с посадов брали больше, чем с поместий и вотчин, то в 1710 г. взятые таким образом с посадов были зачтены в последующие рекрутские наборы для посадов Романова, Ярославля, Борисоглебской

слободы, Переславля-Залесского, Гороховца и Вологды. Несмотря на царское распоряжение 1710 г., повторённое в 1712 г., архангельский губернатор П. А. Голицын такой зачёт не делал. Это вызвало запрос нового архангельского вице-губернатора А. Курбатова в 1714 г. Сенат подтвердил зачёт[86]. Окончательно 23 июня 1715 г. Сенат велел зачесть посадам взятых в солдаты до 1705 г. в новые наборы[87].

Набор посадских по указу 1702 г. стал первым набором, который провёл Военный приказ, руководимый в то время Т. Н. Стрешневым[88], и ставший вплоть до первого номерного рекрутского набора в феврале 1705 г. главным учреждением, ответственным в России за рекрутские наборы (сохранились письма Т. Н. Стрешнева к царю от 1 марта, 24 апреля, 7 мая, 22 июня и 23 июля 1703 г.[89]). Царь в целом был доволен деятельностью главы Военного приказа, грубого, но инициативного и энергичного царедворца. Т. Н. Стрешнев лично проводил смотр набранным и часто сталкивался с симуляцией болезней с их стороны. Глава Военного приказа не скрыл от царя (очевидно, чтобы предупредить возможные жалобы со стороны новобранцев), что ему пришлось даже лично избивать симулянтов. Таким образом, с этого момента стала чувствоваться жестокость рекрутчины, которая вскоре расцветёт пышным цветом и сделает рекрутскую систему комплектования самой тяжёлой государственной повинностью в России.

Ещё одной проблемой, которую пришлось решать Т. Н. Стрешневу в ходе набора – правильная раскладка набора среди отдельных посадов и слобод. Первоначально никакого порядка в этом не было: одни города выставляли несоразмерно большое количество солдат, другие – наоборот. Эта проблема, судя по всему, была решена Т. Н. Стрешневым только в предварительном порядке из-за

отсутствия в его распоряжении необходимых статистических сведений. Именно по этой причине Военный приказ недолго был главным учреждением по солдатскому набору. Главные статистические сведения о России находились в то время в Поместном приказе, и именно это учреждение впоследствии и стало прежде всего набирать солдат.

Отдельно было решено брать в солдаты из посада Москвы («с московских гостиной и чёрных и дворцовых и конюшенных всех московских слобод с посацких людей»). Запланировано было взять 3 000 человек (указ от 20 января 1703 г.), но план выполнен не был: фактически было отправлено в дивизию Н. И. Репнина 2 712 человек, из них бежало 325, больных оказалось179 человек[90]. Именно начиная с этого набора появились серьёзные невыполнения плана рекрутских наборов, большое количество беглых и больных среди рекрут – впоследствии постоянные недостатки рекрутчины при Петре.

Наборы посадских по обоим указам шли весь 1703 г. Исчерпание потока добровольцев и низкое качество набранных посадских, которые проявили ещё и большую склонность к побегам, поставило вопрос о новом наборе даточных.

5. Набор даточных по указу от 1 октября 1703 г.

Набор даточных по указу 1699 г. показал неудобство исчисления набора в зависимости от числа зависимых крестьянских дворов владельца крепостных, потому что не все категории владельцев крепостных имели достаточное количество дворовых для отдачи в солдаты. Например, именитый человек Строганов имел большое число крестьянских дворов, закреплённых за ним для работы на

соляных промыслах, но соответствующего числа дворовых у него не было за ненадобностью. В Смоленской земле по польскому обычаю помещики пользовались услугами только наёмных слуг и не имели крепостных дворовых.

Для решения этой проблемы очередной набор даточных с дворовых решено было провести безотносительно к числу крестьянских дворов у владельца.

Именным указом от 1 октября 1703 г. с закрепой думного дьяка П. Никифорова[91] предписывалось к декабрю 1703 г. всем душевладельцам (служилым и «купецким» людям) прислать в своих уездах воеводам «сказки» о наличии у них дворовых и «деловых» и установленное число их самих (но не крестьян с пашни) для взятия в солдаты по два человека на место для выбора лучшего. Расчёт: с дворовых – пятого, с деловых и бобылей – седьмого, возрастом 20 - 30 лет, «не увечных и не дураков». Крепостных шведов, поляков, татар и калмыков было велено в «сказки» писать, но в солдаты не брать. «Сказки» следовало пересылать в Москву в Военный приказ, из Сибири – в Сибирский приказ, а оттуда – в Военный приказ. За утайку крепостных указ грозил смертной казнью[92].

При этом новом наборе даточных не было столь дробного разделения категорий крепостников, выставлявших даточных, как при наборе даточных по указу 1699 г. – суровые условия войны отучили от сложных схем набора и от предоставления разнообразных льгот.

Указ от 1 октября 1703 г. впервые отделяет от дворовых крепостных ремесленников («деловых») и бобылей. С дворовых брали больше даточных, чем с деловых и бобылей. Льгота эта для ремесленников объясняется заботой о сохранении ремесленного производства в стране. Льгота бобылям признаёт их важность для

экономики страны, так как большинство бобылей были заняты наёмной работой, выплачивая своему помещику оброк.

Отчёт канцелярии рекрутского счёта от 8 декабря 1724 г. признаёт, что конкретных данных о наличии у каждого душевладельца дворовых и деловых перед набором 1703 г. не имеется, в документах сохранились только чины и имена владельцев, выставлявших даточных. Проконтролировать правильность набора даточных 1703 г. уже в 1724 г. было невозможно. Всего было набрано 7 721 человек (генералу Н. И. Репнину, светлейшему князю А. Д. Меншикову и подполковнику Е. Ф. Фанделдину было послано по 1 000 человек, генералу А. А. фон Шенбеку – 3 000 человек, майору А. Ф. Кривцову – 1 006 человек, фельдмаршалу Б. П. Шереметеву – 93 человека (вместо бежавших), капитану М. Р. Кушникову – 12 человек, полковнику Ф. Кару – 610 человек)[93].

А. К. Ильенко даёт такой итог набора по указу 1 октября 1703 г.: взято 11 498 чел., недоимка – 1 072 чел. «Сказок» не подано было на 7 723 чел.[94]

Согласно одному документу из Кабинета Петра Великого, опубликованному Н. Г. Устряловым, собрано было всего по этому набору даточных 10 127 человек[95].

В литературе упоминается, что этот набор дал 11 500 солдат (на смотр был представлено 29 500 чел., всего в России насчитывалось 71 250 дворовых и деловых людей)[96].

М. Клочков считает, что по набору даточных 1703 г. недобор составил 8 801 чел. при наряде 11 498 чел[97].

Для установления точной численности набранных необходимо учесть, что всего по результатам набора было сформировано шесть полков, что при численности полка в 1 000 – 1 200 человек даёт итог

набора в 6 000 – 7 200 человек. Наиболее близка к этой цифре численность набранных в 7 721 человек из справки Канцелярии рекрутного счёта от 8 декабря 1724 г. Планировалось набрать 11 500 человек. Такое невыполнение плана набора показывает, что ресурс дворовых в качестве потенциальных солдат к 1704 г. оказался исчерпанным, как незадолго до этого закончился поток в армию добровольцев.

М.Желябужский в своих записках ошибочно отнёс этот набор даточных к 1704 г., сильно исказив принципы набора: «А даточных велено брать со всего государства в Поместный приказ с служивых пятого, а с дворцовых с шести седьмого.»[98]. На самом деле никакого отношения к этому набору Поместный приказ не имел.

П. Садиков опубликовал документ 1703 г. «О дворовых и разных людех»[99]. Вероятно, эта инструкция составлена главой Военного приказа и главным ответственным за набор Т. Н. Стрешневым в ответ на запросы посланных в уезды наборщиков. В десяти статьях даны ответы на вопросы:

как брать даточных с владельцев, находящихся в служебном отъезде, и с купцов, отъехавших по купецким делам, – со служилых начальников брать только половину положенных даточных, о простых служилых только наводили справки в Разряде и докладывали, но не брали с них даточных, с отсутствующих купцов брали только дворовых и деловых, при них в поездке находящихся и оставшихся на их московских дворах, но с купцов, находящихся в поездке в Астрахань, Сибирь и в Азов, не брали даточных вовсе,

брать ли в даточные временно кабальных (то есть отрабатывающих свой долг) и вольнонаёмных – велено было брать,

брать ли высокопоставленных дворовых (стряпчих, дворецких, казначеев) – не брали, но учитывали при расчёте числа даточных,

брать ли дворовых конюхов и поваров – брали.

«Статьи о дворовых и разных людех», кроме этого, предписывают:

1. послать грамоты о наборе в Киев, Астрахань, Сибирь, Поморье,
2. дворовых и деловых, только числящихся крестьянами и бобылями, учитывать как дворовых и деловых,
3. не брать даточных с дворовых грузинского царя Арчила, жившего тогда в России и наделённого деревнями,
4. добровольцев из дворовых и деловых зачитывать только по окончании набора (начиная с 1 декабря 1703 г.),
5. не брать вместо дворовых и деловых людей крестьян с пашни, даже молодых и «человечных».

«Статьи» показывают, что при исполнении даже именного указа о наборе даточных руководство Военного приказа имело возможность серьёзно корректировать условия набора. «Статьи» пытаются воспрепятствовать зачёту дворовых, поступивших в солдаты вопреки желанию своих хозяев, в качестве даточных, выставленных самим хозяином. Такой запрет несколько увеличивал число рекрут, ущемляя интересы крепостников.

Набранные даточные держались сначала в Москве. По мере набора из них формировались «комплектные» солдатские полки, которые существовали только во время переброски рекрут из Москвы в действующую армию. Известно, что в результате набора даточных 1703 г. было сформировано в 1704 г. пять таких комплектных полков: капитана Д. Суворова (отправлен в группировку Б. П. Шереметева), Д. Дивова (в войска А. Д. Меншикова, то есть в Санкт - Петербург),

капитана И. Волынского, П. Коркодинова (оба – в группировку Н. И. Репнина), капитана М. Ушакова (в группировку П. Апраксина)[100]. В том же году все эти временные полки были расформированы.

Только один полк был сформирован из даточных набора 1703 г. уже в Москве в 1703 г. как постоянный – солдатский полк подполковника А. Ф. Кривцовского[101].

6. Набор с ямщиков 1704 г.

После исчерпания таких источников пополнения армии как добровольцы, дворовые и посадские было решено привлечь к военной службе ямщиков, хотя их численность в стране уступала всем предыдущим категориям населения, привлечённым к военной службе.

Указ о наборе ямщиков в солдаты по одному солдату с двух жилых ямщицких дворов Пётр переслал Т. Стрешневу в письме Ф. Головина от 18 октября 1704 г. Набранных следовало держать в Москве на посадских дворах и кормить до дальнейших указов. Для набора в Ямской приказ было велено прислать четырёх дворян или дьяков. Новоприборные солдаты должны быть молодыми и неувечными[102].

В одном из сенатских приговоров излагается история рекрутских наборов 1682 – 1708 гг., составленная в Разряде. При этом о наборе ямщиков сказано так: 22 октября 1704 г. Ф. Головин в письме Т. Стрешневу передал именной указ взять в солдаты с московских ямских слобод, с городовых, которые ведомы в Разряде и в Ямском приказе, с 2 дворов человека[103].

В «Полном собрании законов» набор ямщиков датируется 28 октября 1704 г. В этот набор брали в солдаты одного с двух ямских

дворов (доброго, молодого и неувечного) с Москвы, прочих городов и с Украины. Велено было привести их в Москву и там кормить в посадских слободах до указа[104].

Б. Куракин пишет в своих записках, что по этому набору было зачислено в матросы 12 тыс. чел[105]. Эта цифра сильно завышена. Точное число набранных ямщиков неизвестно, но вряд ли набор со столь ограниченной группы населения мог дать больше нескольких тысяч солдат.

Набор ямщиков шёл по очень тяжёлой для них норме (человека с 2 дворов). Такой набор практически уничтожал наполовину ямскую гоньбу в стране, что нанесло большой ущерб экономике, прежде всего перевозкам в интересах тех же вооружённых сил и военной промышленности. Таким образом, стремясь любой ценой заполнить армию солдатами, власти приступили к систематическому разрушению стратегически важных отраслей государственного хозяйства, неоправданно ослабляя страну. С этого времени начались наборы, губительно сказавшиеся на экономике страны.

7. Поголовные наборы с подмосковных крестьян 1704 – начала 1705 гг.

На запрос комиссии рекрутских счетов П. Е. Баскакова (создана Сенатом 28 декабря 1711 г.) Поместный приказ в 1712 г. ответил, что в этом приказе был набор солдат в 1704 г. поголовный с помещиков и вотчинников Московского уезда, кроме дворцовых волостей[106]. Этот набор впервые вёлся среди пашенных крестьян. Точную дату указа об этом наборе пока установить не удалось.

В 1704 г. стали формировать полки из этих набранных помещичьих и дворцовых крестьян. В Москве таких полков было сформировано два (Ф.и В. Полочаниновых)[107].

Известно из одного приговора Сената об этом поголовном наборе с вотчины самого Т. Н. Стрешнева. По показанию приказчика вотчины И. Т. Стрешнева с. Покровского П. Ревякина, относящемуся к 1711 г., с 1704 г. с этой вотчины взято было примерно 50 солдат. Беглый рекрут с этой вотчины К. Куколкин взят в солдаты в 1704 г. и из Военного приказа, послан в Смоленск, но бежал в Польшу, не дойдя ещё до Дорогобужа. Рекрут Н. Анкудинов взят с этой вотчины в солдаты в 1704 г. и отправлен в Смоленск. Рекрут Л. Павлов взят с этой вотчины в 1704 или в 1705 гг., отправлен по Клинской дороге, уже после с. Чашниково бежал с дороги и жил по разным местам. 26 ноября 1711 г. Военная канцелярия по запросу Сената ответила, что с этой вотчины в 1704 – 1705 гг. было взято в солдаты 56 человек, из них оставлено в Москве и на дороге по болезни – 4, бежало – 21. Таким образом, фактически до полков дошло только 55 % взятых в солдаты. Большая доля беглых среди рекрут этой вотчины была реакцией на слишком жёсткие правила набора (брали всех способных к службе). Рекрутчина стала уже с набора московских посадских в начале 1703 г. самой тяжёлой повинностью в России, на которую русский народ отвечал огромным количеством беглых[108].

О размере поголовных наборов 1704 – 1705 гг. с крестьян Московской губернии известно из доношения главы канцелярии рекрутского счёта А. И. Ушакова от 11 января 1727 г. в Верховный тайный совет[109] – было взято в солдаты 16645 человек. Правда, эти данные относятся не только к поголовному набору крестьян

Московского уезда в 1704 г., но и к набору в 1705 г. с четырёх уездов, близких к Москве.

Этот набор с четырёх уездов был оформлен указом от 20 января 1705 г. Было приказано набрать в походную артиллерию с городов Дмитрова, Переславль-Залесского, Рузы и Звенигорода[110] с 20 дворов одного рекрута 20 - 30 лет по переписи 1678 г. и прислать в Поместный приказ в Москву к 1 февраля 1705 г. С опоздавших в качестве наказания брали с пяти дворов человека. Рекрутчине подлежали практически все категории крестьян и дворовых (бобыли, задворные, «деловые» люди боярские, вотчинниковы, помещиковы, патриаршии, архиерейские, монастырские, дворцовые, царя Имеретинского, царевичей, всяких чинов и разночинцев крестьяне). Мелкопоместные владельцы крепостных должны были складываться, когда, например, два помещика, имеющие по десять дворов, обязаны были выставить одного рекрута, договорившись о том, кто именно выставляет рекрута, а кто из помещиков платит выставившему денежную компенсацию.

Из набранных в 1705 г. в Переславском и Дмитровском уездах было сформировано два комплектных солдатских полка (стольников В. П. Зиновьева и Г. Ф. Жеребцова), направленных в Смоленск в действующую армию[111].

В 1705 г. была продолжена опустошительная традиция взятия с центральных районов страны рекрутов поголовно – брали со смежных к Москве шестнадцати уездов (в 100 - 120 верстах и меньше от Москвы)[112]. Такое жёсткое обращение с населением не могло долго продолжаться. Для пополнения армии в условиях нескончаемой войны следовало перейти к масштабным систематическим наборам по всей стране, которые не были бы не столь опустошительными для

отдельных местностей, по твёрдой норме, достаточной для формирования нужного пополнения, но не поголовно.

8. Выводы

Царь считал набор солдат и драгун одной из главных проблем войны. Его записные книжки за 1701 г. и за 1702 – 1703 гг. содержат записи об этом. Именно в записях за 1702 – 1703 гг. впервые в исторических источниках того времени появляется термин «рекрут» [113]. Точнее датировать этот первый в России случай употребления этого термина не удаётся.

Комплектование русской пехоты в период от начала формирования новой русской армии в 1699 г. до первого («номерного») массового рекрутского набора по указу от 20 февраля 1705 г. отличалось последовательным подбором наиболее подходящей системы комплектования. В ходе этого поиска были опробованы несколько методов. В начале набирали прежде всего добровольцев. Однако, среди таких добровольцев большинство оказалось беглыми крепостными. Пришлось дополнить набор добровольцев набором дворовых, чтобы владельцам поступивших в службу холопов была возможность зачесть потерю крепостного в качестве повинности. Следующим шагом был принудительный набор небогатых посадских в армию в 1702 – 1703 гг. Этот набор оказался разорительным для городов и не дал много солдат, да и качество солдат оказалось невысоким. В 1703 г . в очередной раз принудительно набрали в солдаты дворовых, причём никакой возможности помещикам зачесть беглых уже не было (на время этого набора был прекращён набор добровольцев).

Набор в армию добровольцев и дворовых позволил иметь достаточно боеспособную армию, так как основная масса этих солдат за фактически полученную от государства свободу готова была служить честно и старательно (среди добровольцев было много беглых крепостных). Набранные в армию посадские, наоборот, оказались малопригодными к службе и были склонны к побегам. Возможно, это сказалось и на боевых действиях – в кампанию 1703 г. русская армия прекратила активные боевые действия и перешла на зимние квартиры уже в середине лета сразу после занятия берега Финского залива от Копорья до устья Невы.

Наборы в солдаты в период 1699 – 1705 гг. проводились с учётом сохранения экономического потенциала страны – крестьяне не набирались. Такое бережное отношение к главной рабочей силе позволило России подойти к решающим сражениям Северной войны в 1705 – 1710 гг. с относительно нормально функционирующей экономической системой, что следует считать выдающимся стратегическим успехом России.

В 1704 г., наконец, впервые за время Северной войны стали набирать в солдаты крестьян, однако пока только с Подмосковья. Набор проводился явно в спешке и без расчёта нормы набора, брали крестьян поголовно, всех годных в службу. В это же время взяли в солдаты большую долю ямщиков в стране. Все возможности комплектовать армию без привлечения к этому крестьян к началу 1705 г. оказались исчерпаны. Ситуация потребовала приступить, наконец, к массовым наборам в солдаты с самой многочисленной категории населения страны – с крестьян.

Глава 2. Рекрутская система комплектования России в 1705 – 1711 гг.

Второй период петровской рекрутчины охватывает время от выхода указа о первом массовом наборе крестьян в солдаты по всей стране 20 февраля 1705 г. до создания Сената 22 февраля 1711 г., одной из важнейших задач которого была рекрутское комплектование вооружённых сил. В этот период России пришлось вынести максимальное напряжение в Северной войне. И главной тяготой для населения стала именно рекрутчина. Война перекинулась с ограниченного театра военных действий в Ингрии и восточной Прибалтике на просторы Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. Развернувшееся стратегическое наступление шведов угрожало и самой Москве. Все эти черты этого этапа войны предопределили напряжённый и интенсивный характер рекрутских наборов в России. Попытки правительства Петра I вести войну ограниченным воинским контингентом, не лишая сельское хозяйство страны – главную отрасль экономики России - рабочих рук рекрутскими наборами[114], были отброшены. Рекрутчина стала оказывать глубокое влияние на всю жизнь населения, а значит именно с этого момента и начались для России настоящие тяготы одной из крупнейших войн в её истории.

1. Традиционные наборы даточных из дворовых в 1705 – 1710 гг.

В 1705 – 1707 гг. наступил последний период существования поместной системы комплектования армии в России. Эта система предусматривала ежегодный выезд помещиков на военный сезон (лето) на военную службу со своими «людьми боярскими» - дворовыми крепостными, специально для таких выездов и предназначенными (в 16 – 17 вв. их называли «боевыми холопами»). Снабжение лошадьми, оружием и даже продовольствием лежало на помещике. В 1705 – 1707 гг. ежегодно объявлялись такие наборы даточных, однако, после окончания военного сезона года даточные домой не возвращались, а навсегда оставались в солдатах. Естественно, долго такие уничтожительные для поместной системы комплектования наборы даточных продолжаться не могли – «людей боярских» в поместьях больше не осталось. Поэтому с 1708 г. больше таких наборов дворовых уже не было.

Таких набираемых из дворовых называли традиционным термином «даточные», в отличии от набираемых в массовые номерные рекрутские наборы.

По указу от 14 июля 1705 г[115]. для комплектования конницы на вновь завоёванных балтийских территориях был объявлен набор с 80 дворов с фактически не служащих на военной службе служилых владельцев крепостных и с купцов[116]. Отдатчик обязан был выставить полностью экипированного конника с конём, оружием, одеждой, продовольствием на месяц на дорогу до Новгорода и с двумя рублями денег. Если до этого такие наборы даточных проводились только на лето, а потом их распускали по домам, то теперь специально оговаривалось, что набранные будут служить бессрочно. От набора освобождались поместья служилых, находящихся в полках, в новозавоёванных городах, в Азове, Таганроге, Каменном Затоне

(крепость в низовьях Днепра)[117]. Набирать следовало крестьян, бобылей и задворных людей по переписным книгам 1678 г. «Деловые» люди снова освобождались от набора. Не затронуты были этим набором дворцовые волости и владения церкви. Владельцы менее чем 80 дворов обязаны были складываться для выставления общего даточного. Если такая складка, вопреки указу, не проводилась, то в наказание следовало брать даточного с таких имений независимо от числа дворов. Даточных следовало отправлять сразу в Новгород. Этот набор ещё несёт в себе некоторые черты набора даточных допетровской эпохи: оружием, конём и одеждой их обеспечивает отдатчик. Однако уже есть и черты новой системы набора – набирают даточных бессрочно. В целом от указа остаётся ощущение, что требование выставить даточных бессрочно было вставлено туда в последний момент второпях, может быть самим царём. Прочие условия этого набора выглядят как обычный набор конницы по допетровским порядкам на летний военный сезон. Всего по этому набору было взято в драгуны 998 человек[118]. Однако, еще до отсылки в полки из умерло 29 человек, бежало 87, отослан «к суконному делу» 1, осуждены за разбой 3 человека. Всего в полки поступило, таким образом, 878 человек[119].

Следующий выезд помещиков на службу со своими дворовыми был объявлен в следующем, 1706 г.[120] При подготовке к новой летней компании 1706 г. был объявлен набор с поместий служилого сословия и с купцов. Дворцовые и церковные крестьяне и посадские были от него освобождены. Указом от 2 марта 1706 г.[121] было предписано взять в службу в срок до 1 апреля (с близких к Москве поместий) или до первых чисел мая (с дальних владений) с поместий и вотчин служилых, находящихся на службе, по одному даточному с 300

дворов, а с поместий купцов, включая Строгановых, и с владений служилых, на службе не находящихся, («отставные, вдовы, недоросли, девки») – по одному даточному со 100 дворов[122]. Условия набора были достаточно мягкими, так как разрешалось владельцам менее чем 20 дворов откупиться от поставки даточных деньгами из расчёта 21 рубль за даточного с владений находящихся на службе служилых, и 20 рублей за даточного с поместий отставных, вдов, недорослей и девок. В дальних местах предписывалось собранных даточных держать в городах до окончания распутицы и привести даточного в Москву в Военный приказ до 1 мая 1706 г. Какие места считать «дальними» в указе не уточнялось. Поскольку ничего не было сказано о праве купцов откупаться от этого набора, то это означает, что такой откуп был купцам не разрешён.

Как обычно, набор шёл по переписным книгам 1678 г. Даточных следовало приводить в Москву в Военный приказ. Владельцам меньшего количества дворов предписывалось складываться. Особо оговаривалось, что даточные берутся на неопределённый срок («безсрочно»). На время проведения набора было запрещено записывать в армию вольных из числа крепостных из боярских имений. Отсутствие здесь упоминания о записи вольных из имений купцов показывает, что к крепостным из имений купцов это ограничение не относилось. Указ повторяет наказание за не поставку даточных в предписанный срок – обязанности поставки даточных и денег в этом случае увеличивались в 2 раза.

Особенно указ обращал внимание на деятельность воевод. Воевод, не выполнявших план набора на своей территории, предписывалось присылать в Москву для «жестокого» наказания. К нерадивым воеводам, не выполняющим набор из корысти, по снисходительности

или по оплошности, также предписывалось посылать специальных «нарочных посыльщиков».

Набор шёл трудно. Из письма начальника Военного приказа Т. Н. Стрешнева Ф. Головину[123] известно, что из присланных в Военный приказ к 20 мая 1706 г. на смотр примерно 1000 человек годными были признаны меньше 400. Годных в солдатскую службу дворовых в поместьях практически не осталось.

Это набор вызывал столько трудностей, что в течении 1706 г. было выпущено ещё пять (!) указов, уточняющих условия этого набора. 28 апреля 1706 г.[124] в число тех, кто обязан был выставить одного даточного со 100 дворов были включены комнатные стольники, приказные, дьяки, служилые дворового и конюшенного чина, переводчики, толмачи, школьные ученики, подьячие. Все, кроме этого, обязаны были сообщить о наличии у них крепостных дворов. За не присылку даточных, денег и сообщений о наличии дворов («сказок») указ предписывал брать вдвое. Указ от 6 мая 1706 г. предписывал с владельцев 20 дворов и менее вместо даточных брать только деньги. Так как приводилось в службу много негодных даточных, то указ уточнял, что в «сказках» необходимо указывать имена крепостных с отчествами и прозвищами. 15 мая 1706 г.[125] этот набор решили проводить в традициях нерегулярной армии: все, кто выставлял даточных со 100 дворов должны были к 20 мая экипировать их оружием, одеждой и лошадьми со сбруями, как это делалось в набор с 80 дворов в 1705 г.[126] Если такая экипировка не поставлялась в срок, то она взыскивалась вдвое. Непорядки с содержанием набранных даточных в Москве привели к ещё одному указу от 10 июня 1706 г.[127]: помещики обязаны были снабжать содержащихся в Москве даточных едой и деньгами из расчёта по 1,5 рубля в год с

выдачей этих денег помесячно. Даточным было разрешено жаловаться в случае злоупотреблений. За невыполнение условий набора предписывалось подвергать физическим наказанием управляющих поместьями и самих мелких помещиков. Наконец, 25 июля зимовавшие на военной службе в зиму 1705 – 1706 гг. (то есть перенесшие блокаду русской армии в Гродно шведами в январе – апреле 1706 г.) владевшие менее чем 20 крепостными дворами вообще освобождались даже от денежных выплат вместо поставки даточного. Такая льгота не распространялась на тех, кто был зимой в Москве, «на посылках», воеводствах и «в домах»[128]. За не поставку даточных к 11 июля указ предписывал взять вдвое.

Итог этого набора даточных 1706 г. – предъявлено к смотру было 1637 человек[129], из них зачислено в службу примерно половина – 836 человек[130]. Однако, из этого числа бежало до зачисления в полки 100 человек, умерло 7. Всего было зачислено в полки 729 человек[131].

Не закончив набор даточных весны 1706 г. начали набор по указу от 29 июля 1706 г. в Военном приказе (конных даточных по одному с 50 дворов)[132]. Этой повинностью были обложены только служилые владельцы крепостных, написанные по смотру в третью статью (то есть владельцы, негодные в службу). Как обычно, владевшие менее чем 50 дворами должны были складываться для выставления даточного. Документация этого набора сохранилась плохо. Неизвестно число зачисленных на службу по результатам этого набора.

Следующий набор даточных был объявлен уже 4 февраля 1707 г.[133] На этот раз правительство озаботилось тем, что у не служащих дворян (отставных, вдов, недорослей, девок) было слишком много дворовых крепостных людей, годных в солдаты. Было приказано взять

с этой категории крепостных каждого пятого в солдаты. Набор должен быть закончен уже к 1 марта (!), в крайнем случае к 10 марта 1707 г. Впрочем, уже 19 марта[134] этот набор был отменён (очевидно, стали приводить в солдаты в основном таких дряхлых и старых дворовых, что сам набор потерял смысл) и было приказано вместо не взятых даточных взыскать по 15 рублей, которые московские дворяне должны были выплатить немедленно (!), а прочие («городовые») – до 1 июля. Однако, к моменту этой отмены на службу уже было зачислено 585 человек, которых, конечно, никто обратно возвращать не собирался. С неслужилых было взято за 94 даточных, то есть 1405 рублей[135].

Но уже 29 мая 1707 г. опять начался набор дворовых по норме одного даточного с 3 дворовых (с поместий владельцев, находящихся на службе – с 6 дворовых) или одного с 35 тяглых дворов (с имений не служащих помещиков – с 25 дворов). Две трети даточных обязаны были явиться на службу конными. Отдельно говорится об имениях в России грузинского царя Арчила: с этих имений брали одного дворового с 35 дворов. В 1708 г. условия этого ещё не законченного к тому времени набора были изменены – стали брать одного даточного со 100 дворов[136]. Всего взято было по этому набору 1400 даточных[137]. Как и всегда, из этого числа поступило в полки меньше (были беглые и умершие), однако, точное число таковых не известно.

Наборы даточных 1705 – 1708 гг. по традициям поместной системы дали чрезвычайно мало солдат и поэтому не имели серьёзного значения. Почти всё в этих наборах делалось в традициях летнего выезда на военную службу помещика со своими слугами – в набор не брали крестьян с пашни, экипировка и вооружение даточных лежали на самих помещиках, применялись относительно лёгкие

нормы набора, многие категории помещиков и прочих владельцев крепостных были освобождены от поставки даточных. Однако, существенным отличием от традиционного сезонного сбора поместного войска было то, что даточных брали в армию навсегда, а не на один только сезон. Эти наборы играли всё меньшую роль в комплектовании войск, было ясно, что от этого рудимента устаревшей поместной системы комплектования надо отказываться ввиду её неэффективности.

14 декабря 1705 г. вышел указ[138] о наборе в артиллерию в русские войска в Польше. Рекрут брать предписывалось с тех же дворов, что и по аналогичному указу от 20 января 1705 г. о наборе в артиллерию, то есть с местностей вблизи Москвы, и на тех же условиях: брали одного рекрута с 20 дворов по переписным книгам 1678 г. со всех категорий владельцев крепостных – светских, церковных и дворцовых – и с посадов. Каких – либо льгот не было – брали крестьян, бобылей, задворных и деловых. Хлебом, деньгами, одеждой и обувью следовало снабжать их по прежним указам. Ещё раз упоминался принцип вечного рекрута. Все рекруты направлялись в Новгород и Смоленск. В марте 1706 г. вышел повторный указ об этом наборе[139]. Всего в этот набор было взято 900 человек[140]. Точное число зачисленных в полки неизвестно (из – за бегства и смерти рекрут их всегда было меньше взятых в рекруты).

Недоимки по наборам даточных из дворовых в 1710 г. было разрешено компенсировать деньгами (по 25 копеек вместо даточного по набору 1705 г. с 80 дворов и по 7 и 20 копеек по набору 1706 г. с 300 и 100 дворов)[141]. Столь небольшие суммы в погашении рекрутской недоимки (при отмене набора дворовых по указу от 4 февраля 1707 г. взамен даточных собирали по 15 руб.[142]!) показывают,

что правительство само хорошо понимало полное истощение пригодных к военной службе дворовых в помещичьих хозяйствах.

Наборы даточных из дворовых за несколько лет изъяли у помещиков специально предназначенных для военной службы слой крепостных – «людей боярских». Уже в 1707 г. в набор с дворовых стали приводить даточных такого низкого качества, что набор по указу от 4 февраля 1707 г. пришлось отменить. Поэтому с 1708 г. власти потеряли интерес к таким наборам. В 1708 – 1710 гг. таких наборов уже не было. Размеры даже прошедших наборов даточных с дворовых были невелики и не имели серьёзного значения для пополнения армии.

Параметры наборов даточных в 1705 – 1707 гг. показаны в таблице.

Наборы даточных в Военном приказе в 1705 – 1707 гг.

№	**Дата указов о наборе**	**Параметры набора**	**Набрано даточных, человек**
1	14 июля 1705 г.	с 80 дворов конный	998
2	2 марта 1706 г.	с 300 / 100 дворов	836
3	29 июля 1706 г.	с 50 дворов конный	неизв., примерно 1100-1600
4	4 февраля 1707	с 5 дворовых	585

	г., отменён 19 марта 1707 г.	не служащих владельцев	
5	29 мая 1707 г.	с 35/25 дворов, конных - две трети	1400
6	14 декабря 1705 г.	с 20 дворов в артиллерию	900
Итого			**примерно 3900 - 5200**

2. Номерные рекрутские набор в Поместном приказе

Исчерпание прежних источников рекрут – дворовых, посадских, добровольцев – к 1705 г. привело к неизбежному в условиях всё нарастающей интенсивности военных действий решению. Необходимо было, на пятый год войны приступить к наборам с самой массовой категории населения, которая до сих пор не была затронута рекрутчиной, - с пашенного крестьянства, составлявшего девять десятых населения страны. Такие наборы стали с самого начала называться рекрутскими, а взятых стали уже называть не старым термином «даточные», а новым – «рекруты», хотя никаких особых отличий между этими категориями не было.

Первый номерной рекрутский набор был объявлен указом от 20 февраля 1705 г.[143] Этот набор стал первым по – настоящему массовым набором в солдаты при Петре[144]. Набору подлежали все категории тяглого населения 15 – 20 лет почти без исключения. Единственное исключение было сделано для женатых - они от набора освобождались.

Однако, эти первоначальные намерения правительства об отмене всяких льгот при рекрутском наборе вскоре пришлось пересмотреть. Вскоре после объявления именного указа о первом наборе пришлось освободить от набора Московский уезд и Сибирь. Сведений о таком освобождении не сохранилось в опубликованных источниках. Только новонайденные архивные документы позволяют установить этот факт. Факт освобождения этих регионов от первого номерного рекрутского набора был зафиксирован в сохранившемся отчёте Канцелярии рекрутского счёта, составленном в конце 1724 г.[145] Также дошла до нас и «память» Поместного приказа, предположительно, в Смоленский и Новгородский приказы о посылке «послушных грамот» в Смоленск, Новгород и Устюг о первом рекрутском наборе, где также точно указано, что Московский уезд и Сибирь освобождены от набора, причём кроме этих территорий, согласно этому документу, освобождались также «черкасские города» и «ясачные люди»[146]. То есть нерусские народы, даже украинцы, не подлежали рекрутчине. Правда, Гетманская Украина в то время имела своё гетманское казацкое войско, которое участвовало в военных действиях.

Причина освобождения от первого рекрутского набора понятна – только что, в конце 1704 – начале 1705 гг. с подмосковных поместий и вотчин взяли большое количество рекрут поголовно, то есть вообще без всяких ограничений, всех годных в службу. Конечно, такое поголовное изъятие работников из подмосковных хозяйств должно было страшно опустошить Московский уезд, но на самом деле в таком поголовном наборе была своя логика. Дело в том, что именно в подмосковные вотчины и поместья направлялся один из самых больших потоков беглых со всей страны. В целом беглые крестьяне предпочитали селиться у крупных вотчинников и помещиков, а

именно в Подмосковье и располагалось большое количество таких латифундий. Естественно, и близость к столице сильно облегчала набор.

С Сибири не стали брать рекрут в первый набор из – за огромной отдалённости этой губернии. Достаточно сказать, что доставка рекрута на подводах из Иркутского уезда, центра восточной Сибири, занимала больше года. А если бы рекрут не везли на подводах, а вели бы пешком, то такая доставка затянулась бы ещё дольше[147].

Норма этого первого набора со всех тяглых людей – один рекрут с 20 дворов – оставалась без изменения для подобных наборов, повторявшихся ежегодно вплоть до 1710 г. Большие масштабы набора произвели столь сильное впечатление на население, что именно с него начался отсчёт всех рекрутских наборов России, и счёт этот вёлся вплоть до отмены рекрутчины в 1874 г. В скором времени в официальных документах такие крупные рекрутские наборы стали называться по этим номерам – первый набор, второй набор и т. д. Первоначально не все наборы солдат относились к таким номерным наборам, небольшие традиционные наборы даточных или чрезвычайные наборы не причислялись к ним. Впоследствии, ещё при Петре, традиция проведения небольших чрезвычайных рекрутских наборов и традиционных наборов даточных прекратилась, все рекрутские наборы стали крупными и номерными.

Организаторы столь массового набора сразу же столкнулись со множеством проблем, главной из которых была переброска рекрута из его имения, крестьянской общины или посада в армейские и гарнизонные полки.

Однако, предварительно следовало решить проблему правильного распределения рекрутской повинности между уездами, посадами и

имениями. Тут без материалов переписи населения было не обойтись. Немалой проблемой было то, что последняя такая перепись проводилась аж в 1678 г. При этом в стране наблюдались серьёзные миграционные явления – крестьяне с ведома своего помещика или без его ведома переселялись из северных уездов в южные и юго - восточные, ещё мало населённые, с большими возможностями для земледелия и для уклонения от податей. Часть крестьян бежала на Дон и в Малороссию, которые имели в составе России немалые автономные права, и откуда вернуть беглецов было значительно труднее. Часть беглецов уходила на восток – в Приуралье и Сибирь. При таких миграциях переписные книги 1678 г. обременяли повинностями более северные уезды, и мало нагружали южные и юго – западные земли.

Материалы переписей хранились в Поместном приказе – ведомстве по учёту и управлению земельными наделами для служилого сословия, следившем, чтобы со всех участков этой категории земель неслась служба. Этот же приказ во главе с А. Ивановым и занялся рекрутскими наборами в этот самый интенсивный период петровской рекрутчины.

После объявления рекрутского набора из Поместного приказа командировались в уезды специальные «наборщики» для понуждения тяглого населения уездов к высылке рекрут по установленной для каждого уезда по переписным книгам норме. Сначала все набранные рекруты доставлялись наборщиками с помощью прикомандированных к ним солдат и урядников в Москву на смотр главе Поместного приказа. Если рекрут признавался годным к службе (хотя уже наборщик в уезде должен был набирать только годных рекрут), то он помещался на «рекрутную станцию» - сборный пункт, огороженное

место с несколькими казармами и плацем для временного содержания и обучения рекрут. Было установлено, что на одной рекрутной станции могло помещаться от 500 и более рекрут. Там во время временного содержания специально прикомандированные к станции урядники и офицеры обучали рекрут начальным военным навыкам. По заявкам армейских группировок и гарнизонов из рекрут формировались команды во главе с офицером – «приводцем», с конвоем из солдат и урядников из военных, прикомандированных к Поместному приказу, для доставки рекрут в полки. Такие рекрутские команды могли достигать численности в несколько сот или даже несколько тысяч человек.

Таким образом, маршрут доставки рекрут при такой схеме часто имел причудливую конфигурацию. Вместо того, чтобы из какого – нибудь города на западной границе России рекрута послать прямо в полк где – нибудь в Нарве, то есть относительно недалеко, его сначала доставляли, например, из Пскова в Москву на рекрутную станцию, то есть в обратном от Нарвы направлении, а потом обратно через тот же Псков вели в Нарву.

Серьёзной была проблема снабжения рекрута всем необходимым во время такой часто длительной доставки в полк. Государство считало себя не в силах обеспечить такое снабжение и перекладывало эту проблему на то имение, общину или посад, с которого рекрут был взят. Рекрут нуждался в одежде («мундире»), еде («хлебе») и в денежном довольствии («рублёвых деньгах»). Все эти поборы подробно регламентировались указами – точно перечислялось, в какие элементы одежды рекрут должен был быть одет, скольким количеством крупы и овса и каким количеством денег он должен был быть обеспечен. Рекрут должен был быть обеспечен всем

необходимым на год или два. Провиант на рекрута приходилось везти на подводах и сдавать его в Поместном приказе, откуда он выдавался рекрутам по мере необходимости. На рекрутские («рублёвые») деньги нанимались подводы и струги (при речной перевозке).

При этом могла появиться масса непорядков при наборе. И наборщики, и сопровождавшие их урядники и солдаты, и сами набранные рекруты могли везти себя неподобающим образом. Много было нарушений и со стороны имений и общин, обязанных выставить рекрут. Служивые бражничали, обижали и грабили местное население, наборщики и более мелкие чины брали взятки, как с населения, так и с рекрут, население неохотно снабжало рекрут всем необходимым, сами рекруты часто пытались отомстить своим недавним хозяевам за обиды.

Но самой большой проблемой стало бесконечное затягивание рекрутских наборов. При том что первоначально планировалось справляться с ними за несколько месяцев, фактически наборы затягивались на годы, нарастала гигантская рекрутская недоимка, которая зачастую так никогда и не погашалась, а просто впоследствии прощалась правительством.

Это происходило не только из – за глухого сопротивления рекрутскому набору со стороны населения, но и из – за малочисленности наборщиков Поместного приказа и их сопровождавших, а также больших расстояний до Москвы от многих местностей России. Недоимкам рекрут также способствовало сопротивление местных властей. Как правило, фактическое количество тяглых дворов, подлежавших набору, в большинстве местностей России было меньше, чем это числилось в материалах переписи 1678 г. из – за миграций населения на восточные и южные

окраины страны. Взятие рекрут без недоимок в этом случае означало взыскание этого «налога людьми» по норме одного рекрута не с 20 дворов, а с 15 или 10 дворов, что было гораздо болезненнее для населения, чем это было на бумаге. Да и местная администрация понимала, что при этом сильно сокращалась налоговая база и осложнялось взыскание будущих податей и повинностей. Поэтому в большинстве местностей России фактически рекруты собирались не с 20 дворов по переписи 1678 г., а с 20 фактически населённых дворов. Негласное сопротивление местного чиновничества такого рода в эпоху Петра I было таково, что рекрутские недоимки росли огромными темпами, и властям проще было объявить новый рекрутский набор, чем бесплодно взывать к стране с требованием погашения этих недоимок.

Сравнение номерных наборов с первыми солдатскими наборами при Петре, например, с набором на Генеральном Дворе в 1699 – 1702 гг., показывает, что к 1705 г. простых призывов к населению приводить в Москву рекрут на службу было недостаточно, наборщику приходилось под охраной солдат изымать рекрут из отдельных имений и общин, иногда и силой – времена большого количества желающих поступить в солдаты уже прошли. Это резко увеличивало сроки проведения наборов.

Вплоть до 1705 г. политика правительства Петра I в рекрутском вопросе состояла в ограждении от наборов в солдаты основной массы населения и главного производящего класса России – пашенного крестьянства. К 1705 г. все категории тяглого населения, кроме земледельцев, поставляли солдат – крепостные дворовые слуги, добровольцы неопределённых занятий («гулящие»), ямщики, крепостные и свободные ремесленники, торговцы, крепостные, не

связанные ни с земледелием, ни с личным услужением («бобыли»). За первые четыре года Северной войны практически все тяглые категории населения, кроме земледельцев, уже сильно пострадали от рекрутчины. Этих рекрутских ресурсов хватило для вытеснения шведов с ограниченного театра военных действий на левом берегу Невы, прилегающему к нему балтийскому побережью и западному берегу Чудского озера общей площадью около 30 тысяч квадратных километров. Были решены ограниченные стратегические задачи на ограниченном участке территории ограниченной группировкой войск без использования главных рекрутских ресурсов страны. Однако, главные силы противника были не сломлены и боевой дух шведов и их короля был ещё очень высок. Столкновение с главными силами противника было неизбежно и соответствующим образом надо было изменить рекрутскую политику – приступить к массовым наборам с главного класса населения.

В первый набор в солдаты набирались холостые мужчины в возрасте от 15 до 20 лет с посадов, дворцовых волостей, с конюшенных слобод, с имений патриарха, монастырей, церквей, царя и царевича имеретинских, боярских, дворянских, помещичьих, вотчинниковых и всяких чинов, в том числе и с имений вдов и недорослей всех названных категорий. Рекруты брались со всего тяглого населения - из числа посадских, пашенных крестьян, «задворных» людей (крепостных слуг), «деловых» людей (крепостных ремесленников), «бобылей» (крепостных, не занимавшихся ни ремеслом, ни услужением, ни земледелием). Одного рекрута следовало выставить с 20 дворов. Если владелец не имел столько крепостных дворов, то он должен был выставлять рекрута, складываясь с такими же небольшими владельцами крепостных.

Набор предписывалось закончить до мая 1705 г. С отдатчиков, выставивших рекрут позже этого срока, в качестве наказания брали рекрут вдвое больше. Фактически, ещё и через несколько лет после его начала первый рекрутский набор не был полностью закончен. Такое бесконечное затягивание наборов стало обычной практикой рекрутского дела при Петре I.

При отдаче в солдаты рекрут должен был быть снабжён его владельцем или общиной, от имени которой он выставлялся, верхней одеждой – сермяжным кафтаном на один год и шубой на два года. На шапку, рукавицы, рубахи (не указано, сколько именно рубах) и обувь («черики») следовало дать деньги – по одному рублю в год[148]. Владелец или община («отдатчик») обязаны были также снабжать рекрута продовольствием из расчёта три четверти без полуосмины ржаной муки и полуосмина овса в год. Четверть составляла восемь пудов. Всего получалось ржаной муки и овса по два пуда (примерно тридцать два килограмма) в месяц, то есть по килограмму в день. Из этого количества получалось примерно по два килограмма печёного хлеба в день. Овёс был необходим для лошадей, везших рекрутское продовольствие. Указ, таким образом, предписывал отдатчикам обеспечивать рекрут на весь период их пребывания на рекрутских станциях одеждой, обувью и продовольствием, даже если такое пребывание могло длиться и год, и два. Очевидно по недосмотру, в указе были упомянуты не все элементы одежды, не упомянуты штаны. В целом такое обеспечение рекрут было очень обременительно для отдатчиков. Впоследствии денежные средства на рекрут в размере одного рубля в год стали называть «рекрутными» или «рублёвыми» деньгами. Эти деньги составили один из важных общегосударственных налогов.

Набранных рекрут указ предписывал держать в городах на специально организованных рекрутских «станциях» в количестве от пятисот человек и более на каждой «станции». Фактически рекрут велено было до организации таких «станций» держать на постоялых дворах или постоем на дворах посадского населения. Из самих рекрут для поддержания порядка должны были быть назначены капралы и ефрейторы. Переклички рекрут проводились утром и вечером. К рекрутам присылались для обучения опытные солдаты и урядники (младшие командиры неофицерского ранга), которые обязаны были их учить «военному солдатскому строю по артикулу» «чтоб однолично выучены были» (то есть обязательно было индивидуальное строевое обучение). Списки всех набранных предписывалось посылать в Москву.

Указ и приложенные к нему «Статьи стольникам» перечисляет многочисленные возможные нарушения при наборе. Воеводы, приказные и бурмистры в городах, судя по этим «Статьям» могли фактически с большим или меньшим успехом игнорировать этот указ. От воевод в каждый стан (единица территориального деления уезда) посылался «посыльщик» из отставных дворян, детей боярских, приказных, прочих служилых людей, а если их не было под рукой, то и из монастырских служек, посадских, церковных дьячков. Этому «посыльщику» под угрозой смерти запрещалось давать отдатчикам отсрочки, брать взятки, причинять местным жителям «обиды, налоги и грабежи». Несоблюдение возраста рекрут, судя по предупреждениям, также было обычным явлением (могли взять в службу и подростка младше пятнадцати лет, и сорокалетнего).

На постое на постоялых и частных дворах рекруты могли пить, «бражничать», причинять местным жителям «обиды, налоги, драки,

разоренье, бой, грабёж», да ещё и переходя «для своих прибытков» из дома в дом (!). Рекруты могли причинять бывшему своему помещику «непочтительства, бой и увечья». Были случаи, когда рекруты говорили «слово и дело государево» - обвиняли в особо опасных государственных преступлениях. Были случаи предъявления рекрутами исков о долге им со стороны посадских.

Стольник («наборщик»), командовавший рекрутами мог за взятку отпускать рекрут на время домой, переводить их из двора во двор, тем «чиня градским жителям налоги, обиды и тесноту». Урядники и солдаты, учившие рекрут «артикулу», могли вымогать с рекрут взятки и вести себя не лучше рекрут - пить, бражничать, «чинить жителям грабёж, драки и обиды».

В случае если отдатчик (обычно, помещик) не выставлял рекрута или не снабжал его положенным хлебом, деньгами и одеждой, то предписывалось посылать в поместья специальных «посыльщиков», но не из самих рекрут, которые, судя по всему, в этом случае отличались особенной жёсткостью.

За такие нарушения при рекрутском наборе «Статьи» грозили самому наборщику за злоупотребления смертной казнью. Положения «Статей стольнику» о казни наборщика рекрут за злоупотребления в наборе были подтверждены в 1708 г. В письме к царевичу Алексею царь указал, что наборщик за взятку не взявший в службу годного рекрута должен наказываться повешением[149].

Привлечение стольников в качестве наборщиков рекрут Поместного приказа вскоре оказалось недостаточно. Примерно к 1707 г. относится указ Военного приказа о посылке в Поместный приказ офицеров для набора и обучения рекрут[150]. В частности, указ предписывает тех бывших командиров рот в чине капитана, чьи

штатные должности были в это время сокращены по именным указам 1705 и 1706 гг., направить на рекрутные станции на Москве и в другие города. Эти сокращения коснулись трёх штатных единиц командиров рот в полку. Вместо них командирами рот в полку должны были стать по совместительству полковник, подполковник и майор полка, то есть командир полка и оба командира батальонов. Всего указ перечисляет имена 7 капитанов (только один из них был определён для рекрут в драгунские полки, прочие – для пехотных рекрут), направленных для учения рекрут в Поместный приказ, то есть, скорее всего, на московские рекрутские станции[151], и 21 капитана, направленного на рекрутские станции в прочие города. Из одного из указов известно, что в начале 1710 г. в Московской губернии было 15 рекрутских станций с 27 наборщиками рекрут. Возможно именно по городам, составившим в 1708 г. Московскую губернию, и были распределены капитаны из полков в 1707 г. Вообще же постоянный состав рекрутских станций (офицеры, урядники и солдаты, доставлявшие рекрут на станции, обучавшие их там и отводившие их в полки) не оставался постоянным. Уже в конце 1707 г. пригодные к полевой службе офицеры были отправлены с рекрутских станций в действующую армию на Украину[152]. Впоследствии, в начале 1710 г. на рекрутские станции стали направлять для учения рекрут только престарелых, раненых и увечных офицеров, урядников и солдат[153]. С передачей рекрутского дела из Поместного приказа в губернии этих военнослужащих стали рассылать по губерниям[154]. Все эти перетасовки негативно сказались на рекрутском наборе – в начале 1710 г. он практически остановился[155].

В. Н. Автократов и Л. Г. Бескровный считают, что первый рекрутский набор дал армии 44 539 рекрут, однако, ни на какие

источники они при этом не ссылаются[156]. В 1724 г. Канцелярия рекрутного счёта в своём отчёте показала, что в первый набор было запланировано взять в солдаты 37 084 рекрута[157]. Известно, что план («наряд») первого набора полностью выполнить не удалось. К 1711 г. (к моменту создания Сената) по всей стране всё ещё числилось в недоимке по первому рекрутскому набору 4 378 человек[158].

Главным учреждением, ведавшим номерными рекрутскими наборами, стал Поместный приказ, в котором хранились переписные списки 1678 г., по ним шло определение числа рекрут, которое должен выставить отдатчик. Военный приказ (Приказ военных дел) в номерных наборах только помогал Поместному приказу[159].

Указ о первом рекрутском наборе имел такое же значение для создания новой армии, как и указ 1699 г. Если предвоенный указ создал новую регулярную армию, то указ 1705 г. сделал эту армию по – настоящему многочисленной. Таким образом, косвенно было признано, что быстро закончить Северную войну силами небольшой регулярной армии не получилось, и что война затягивается на неопределённый срок и требует создания массовой армии.

Набор рекрут по этому указу своими размерами произвёл такое впечатление на администрацию и население, что начиная с этого набора сначала стихийно, а потом и на официальном уровне стали вести отсчёт рекрутским наборам и вели такой счёт вплоть до отмены рекрутчины в 1874 г. Набор по указу от 20 февраля 1705 г. вошёл в историю как «первый рекрутский набор». Первоначально не все наборы рекрут считались «номерными», то есть более или менее всеобщими.

5 марта того же года многочисленные запросы с мест вызвали появление указа, повторившего условия и размеры снабжения рекрут верхней одеждой, продовольствием и деньгами их отдатчиками[160].

Указ от 4 мая 1705 г.[161] уточнял, что все рекруты должны были быть выставлены отдатчиками ещё к 1 мая, крайний срок - 1 июня 1705 г. Если этого не будет сделано, грозил указ, то о каждом таком случае будет доложено царю (что, очевидно, считалось страшной угрозой).

Поставка рекрут с посадов вызвала такие трудности (среди посадских не хватало здоровых и годных в службу), что этот указ разрешал в случае отсутствия годных в службу нанимать подходящих людей («добрых и человечных и в службу годных»), не только холостых, но и женатых. На нанятых оформлялась «поручная запись» - обязательство выставить другого рекрута в случае бегства нанятого со службы. Трудности посадов в выставлении рекрут показывают невысокий уровень здоровья и физической крепости посадского населения в России того времени, а также сравнительно меньшую, чем в сельской местности рождаемость в посадах. Возможно, на таком разрешение найма рекрут сказались многочисленные случаи фактического найма богатыми посадскими рекрут. Не видя возможности противостоять этому коррупционному напору, правительство узаконило стихийно сложившуюся практику.

Указ ещё раз повторил норму набора – одного рекрута с 20 дворов, а также разъяснял принцип «вечного рекрута»: в случае если первоначально выставленный рекрут умрёт, будет убит или бежит со службы, то тот же отдатчик обязан был выставить такого же рекрута.

Несмотря на в целом благоприятный ход первого рекрутского набора выявленные злоупотребления, затягивание сроков набора и

массовое бегство рекрут требовали нового законодательного вмешательства.

Указ от 24 августа 1705 г[162]. устанавливает очередной предельный срок окончания первого рекрутского набора – до 1 сентября этого года. Если рекрут всё же отдатчиком в срок не будет выставлен, то отдатчик будет обязан выставить не одного, а уже двух рекрут с 20 дворов и снабдить их не 2, а 10 рублями рекрутных денег. Такое же наказание ожидало владельца имения, если рекрут бежал с рекрутской станции, с дороги или из Смоленска и Новгорода (два главных места концентрации рекрут со всей страны), вернулся в своё поместье, и помещик скрывает его от властей. Если первоначально отдатчики сами были обязаны привести рекрут властям, то новый указ предписывал наборщикам (офицерам, ведшим набор) и помогавшим им урядникам лично объезжать поместья. На рекрутских станциях должны были оставаться по два или три урядника для обучения рекрут (это на «станцию» с пятьюстами и больше рекрут!). Указ требовал жёстко карать рекрут за бегство – из пойманных беглецов вешать заводил или, если заводилы не выявлялись, то каждого десятого по жребию. Остальных «при полку бить кнутом нещадно». Добровольно вернувшихся из бегов рекрут наказывали при полках уже «по артикулу», то есть менее жёстко.

Судя по двум главным пунктам сбора рекрут – Смоленску и Новгороду – набранные рекруты направлялись прежде всего в две группировки: во вновь завоёванные прибалтийские земли и в русские войска, вступившие в союзную Речь Посполитую (в этот год русские войска заняли здесь всю Белоруссию, правобережную Украину и часть Литвы).

Первый номерной набор оказался более трудным, чем это планировалось – сроки выполнения плана набора сильно затянулись. Однако, это не сказалось катастрофическим образом на ходе военных действий, так как в 1705 г. так и не случилось столкновения главных сил воюющих сторон. С другой стороны, само затягивание набора несколько облегчало положение населения, имевшего возможность приспособится к изъятию из экономической жизни столь большого количества работников.

Второй всеобщий набор рекрут был объявлен в конце того же, 1705 г. (указ от 14 декабря 1705 г.[163]). В этом указ видно стремление полностью унифицировать правила ежегодных рекрутских наборов – набор идёт по той же норме по одному рекруту с 20 дворов со всех категорий владельцев крепостных, с дворцовых слобод и с посадов, по переписи 1678 г., рекруты должны обеспечиваться отдатчиком одеждой, обувью, хлебом и деньгами на тех же условиях, что и в первый набор. Особенно подчёркивалось, что и впредь наборы рекрут должны идти по совершенно одинаковым принципам первого набора (одного рекрута с 20 дворов).

План второго набора составил 34 027 человек[164]. В эту цифру не вошли рекруты, которые могли быть взяты с местностей, приписанных к Воронежским и Олонецким верфям – эти территории от набора освобождались. Но сразу же пришлось уменьшить этот план на 1 916 человек, потому что Пётр приказал не брать рекрут с низовых городов (Среднее и Нижнее Поволжье), в которых недавно было подавлено Астраханское восстание[165]. Окончательный план второго набора, таким образом, составил 32 111 человек. К 1711 г. всё ещё числилось недоимки по второму набору 5 011 человек[166], то есть план был выполнен только на 84%.

Царь приказал начать новый третий рекрутский набор письмом от 7 октября 1707 г. главе Поместного приказа думному дьяку Автоному Иванову, на тот момент фактически главному руководителю рекрутской системы страны. Расчёт нормы набора (со скольких дворов брать одного рекрута) царь предоставил решить А. Иванову, указав только, что ориентироваться «по числу прошлых лет». Пётр требовал собирать рекрут быстро, особенно на главный театр военных действий в Польшу и во вновь формируемые гренадёрские драгунские части. А. Иванов также запрашивал царя, почему не берутся рекруты с низовых земель. Царь ответил, что никаких льгот для Низа нет[167]. Однако, когда в начале третьего набора управлявший низовыми землями П. Апраксин, брат адмирала Ф. Апраксина, предлагал брать в солдаты подросших детей стрельцов, бунтовавших в Астрахани в 1705 – 1706 гг., царь отказался их брать – очевидно, сказалось недоверие к бывшим бунтовщикам[168].

Уже после объявления нового набора царь на очередной уточняющий запрос А. Иванова об этом наборе отвечал, что вести набор по прежним правилам, также применять принцип «вечного рекрута» и всегда иметь на рекрутских «станциях» резерв рекрут, чтобы быстро выполнять заявки из действующей армии[169].

Третий рекрутский набор был объявлен указом от 22 октября 1707 г[170]. В указе иначе, чем в предыдущих аналогичных распоряжениях определены территории, подлежащие рекрутскому набору. Рекруты набирались с городов Разряда, приказов Посольского, Новгородского, Сибирского, Казанского и Ингерманландской канцелярии, с Ратуши, с посадов и уездов. Ратуша здесь упомянута особо, потому что все посады формально подчинялись не территориальным приказам (включая Посольский приказ и Разряд), а Ратуше. В отличие от

первого набора брали в солдаты уже и женатых. Ограничений в возрасте рекрут тоже уже не было. Требовали брать только «добрых, человечных и к службе годных». От рекрутчины освобождались только каменщики и кирпичники, работавшие в Санкт – Петербурге, Воронеже, Пскове и на Олонецкой верфи. Этой льготой поддерживалось строительство новой столицы, флотов для Балтийского и Азовского морей, а также укреплений прифронтового Пскова. Указ требует также ликвидировать недоимки по первому и второму рекрутским наборам, которые, несмотря на все грозные предупреждения, были достаточно велики. Прочие требования к набору были одинаковыми с предыдущими номерными наборами – обеспечение рекрут одеждой, хлебом и деньгами, набор одного рекрута с 20 дворов по переписным книгам 1678 г.

Местные власти могли игнорировать рекрутский набор. А. Иванову пришлось жаловаться царю на казанского коменданта Н. А. Кудрявцева. Царю пришлось вмешаться в конфликт лично и поставить казанского коменданта на место[171].

Этот рекрутский набор был объявлен не в начале года, как предыдущие два номерных набора, а в конце года. Устоявшегося мнения в руководстве России о ежегодности рекрутских наборов ещё не было. Третий набор был объявлен в условиях прямой угрозы шведского нападения на Москву. Однако, если обстановка на театре военных действий резко обострилась уже осенью 1706 г., после выхода из войны союзника России Речи Посполитой, то третий набор был объявлен только через год после этого. Дело в том, что решающих столкновений главных сил противников так и не произошло, соответственно России удалось несколько приберечь свои

рекрутские ресурсы, тем более, что население и так было уже сильно обременено первыми двумя номерными наборами.

Сразу после начала третьего рекрутского набора были сделаны некоторые поблажки[172]. Для городов Низа (волжских городов от Нижнего Новгорода до Астрахани) был установлен срок окончания набора – 1 июля 1708 г., самое позднее – 1 августа. Такая отсрочка именно для низовых земель связана с тем, что сразу после Астраханского восстания 1705 – 1706 гг.[173] в качестве меры успокоения и наказания с этих территорий уже было взято много рекрут. Взыскание недоимок по второму рекрутскому набору 1706 г. было столь обременительно, что их решено было пока не взимать, а только взыскивать недоимки по первому набору 1705 г.

План третьего набора – 33 974 рекрута[174]. Недоимка к 1711 г. – 7 821 человек[175]. План был выполнен только на 77 %.

Четвёртый рекрутский набор был объявлен в разгар решающих для Северной войны событий на Украине в конце 1708 – начале 1709 гг. (указ от 18 ноября 1708 г[176].). Набор проводился по уже устоявшимся правилам с небольшими изменениями. В условиях набора снова появились ограничения в возрасте рекрута – от 20 до 30 лет. Так как в Москве, куда приводили всех рекрут, от предыдущих трёх наборов скопилось изрядное количество «рекрутного» хлеба, то решено было в новый набор брать хлеб только вместе с московскими рекрутами, а с отдалённых мест не требовать даже снабжения рекрута одеждой, а вместо хлеба предписывалось предоставить рекруту соответствующие деньги на дорогу до Москвы. При взыскании рекрутских недоимок за предыдущие три набора было решено рекрутный хлеб не взыскивать. Освобождены были от набора не только каменщики и кирпичники, работающие в Санкт – Петербурге,

Воронеже и на Олонецкой верфи, но и работающие там кузнецы, а также города Ингерманландской (будущей Санкт – Петербургской) губернии. Освобождение губернии, где губернатором был А. Д. Меншиков, показывает возросшее влияние этого сподвижника царя после выигранного А. Д. Меншиковым сражения при Калише осенью 1706 г.

Особенно много брали рекрут в четвёртый набор с Московского уезда и смежных с ним 16 уездов в 100 верстах от Москвы. Здесь набирали одного рекрута не с 20, а с 10 дворов[177]. Это было связано с необходимостью срочно пополнить армию в условиях решающих военных действий на Украине в конце 1708 – первой половине 1709 гг.

Из запланированных 35 179 рекрут[178] к 1711 г. в недоимке по четвёртому рекрутскому набору числилось 8003 человека[179]. Набор был выполнен (также как и третий набор) только на 77%.

Пятый рекрутский набор был объявлен в обстановке эйфории от побед уже самым рутинным образом как ежегодный всем привычный осенний ритуал (указ от 1 ноября 1709 г.[180]). Набирались «добрые и человечные и в службу годные» без упоминаний о возрасте. Отдатчик обязан был снабдить рекрута только деньгами и «мундиром», хлеб на рекрут не брали (очевидно, запасов прошлых наборов ещё хватало). Рекруты присылались с «поручными записями» - обязательствами выдать другого рекрута, если этот сбежит. К 1 декабря предписывалось уже поместить всех рекрут на рекрутских станциях близ Москвы. С 20 дворов одного рекрута брали с дворцовых, церковных и частновладельческих имений. Посады были от рекрутчины освобождены. Отменены были льготы для строителей и кузнецов Санкт – Петербургской губернии, Олонца и Воронежа.

В пятый набор с местностей, с которых в четвёртый набор взяли рекрут по одному с 10 дворов (Московский и смежные с ним 16 уездов в 100 верстах от Москвы), рекрут не брали[181].

Из запланированных 29 784 рекрут[182] к 1711 г. в недоимке числилось ещё 11 309 человек[183]. Выполнение плана оказалось на ещё меньшем уровне, чем в предыдущие годы – 66 %. Причиной такого развала рекрутского дела в стране стала передача сбора рекрут от Поместного приказа губернаторам.

Шестой рекрутский набор был объявлен указом от 4 октября 1710 г. с 20 дворов. Освобождены от набора были дворы, участвовавшие в этом же году в наборе в матросы[184]. Взято было в шестой набор 9 762 человека[185] при плане 10 801 рекрут[186] (90 %). Такое резкое улучшение выполнения плана рекрутского набора объясняется небольшими размерами самого плана 6 – го набора (планировалось взять рекрут более, чем в 3 раза меньше предыдущих годов). Это показывает, что при общем истощении рекрутных ресурсов в стране (о чём говорит хроническое невыполнение плана наборов) в отдельных местностях рекрутский набор шёл достаточно успешно. Ставка в шестой набор на эти несильно разорённые предыдущими наборами местности (возможно, что это – южные губернии – Азовская, Киевская, Казанская) себя оправдала – выполнение рекрутского плана повысилось. Именно недостаточно освоенные южные губернии в эту эпоху принимали большое количество крестьян – переселенцев (беглых или переселяемых свои помещиком) с севера, из Архангельской, а частично и из Санкт – Петербургской и Московской губерний. В Санкт – Петербургской губернии в 1710 г. ещё и свирепствовала эпидемия чумы.

Вплоть до победы под Полтавой летом 1709 г. планы номерных наборов возрастали[187], а доля тяглых дворов, освобождённых от набора падала. Соответственно этому росла недоимка. Однако, недоимка резко выросла уже сразу после Полтавы. Это связано с коренной ломкой рекрутской системы, которая началась в 1710 г. с передачей функций по рекрутскому набору от Поместного приказа в губернии. Поместный приказ в 1710 г. уже рекрутскими наборами не занимался[188], а губернские власти этим ещё не научились управлять. Однако недоимки по шестому набору резко упали, так как упал и план набора.

3. Чрезвычайные наборы 1707 – 1710 гг.

После выхода из войны против Швеции Речи Посполитой и отречения союзника России саксонского курфюрста Августа II от престола Речи Посполитой в конце 1706 г. возникла опасность наступления шведской армии на территорию России. Ясно было, что прежде всего шведская армия попытается захватить Москву. Хотя весной 1707 г. армия Карла XII ещё находилась в Саксонии, для обороны столицы России правительство стало срочно набирать рекрут с московского посада и с Подмосковья в специальную группировку – московскую «ланс - армию», как это называется в некоторых документах того времени. М. Д. Рабинович сближает такое не совсем ясное название с ландмилицией – полурегулярными войсками, однако, для такого сближения нет оснований. В данном случае этот термин приблизительно соответствует понятию «местное ополчение». Привлекать население осаждённого города для его обороны – обычная практика этой и других эпох. Этот московский «ланс – армейский

набор» длился достаточно долго, начавшись по именному указу от 25 апреля 1707 г. с уточнениями по указу от 11 декабря 1707 г. [189] Ещё летом 1708 г. он не закончился. Шведская армия двинулась через Белоруссию в сторону России только весной 1708 г., а непосредственно из юго – восточной Белоруссии шведский король пытался пробиться к Москве через Смоленск только в конце августа – начале сентября (по старому стилю) 1708 г.

Одновременно с набором «московской армии» стали спешно усиливать фортификационные сооружения Москвы («больверки»), для чего мобилизовали среди ближайшего к городу населения работников (командовал этими работами В. Корчмин). Впоследствии, в начале зимы 1708 – 1709 гг., когда работы по укреплению Москвы и строительству земляных укреплений («больверков») были закончены, а в связи с наступлением зимы были и уже невозможны, было решено не распускать этих «больверочных» работников по домам, а взять их в солдаты. Указом из Преображенского приказа от 21 декабря 1708 г. по смотру царевича Алексея эти работники – 1988 человек - были зачислены в рекруты и отправлены в составе рекрутской команды капитана Ф. Васильева в действующую армию в полк И. Жердинского. Все они оказались из крестьян, в том числе из крестьян Московской губернии – 1686 человек. В 1709 г. было велено зачесть их в разные номерные рекрутские наборы с 20 дворов. Ближняя канцелярия приговором от 19 июля 1710 г. подтвердила такое зачисление. Из опубликованного документа следует, что эти крестьяне принадлежали в общей сложности 826 помещикам и вотчинникам, то есть с одного владельца крепостных набрали примерно по 2 работника[190]. В документах есть небольшое расхождение в численности этой категории рекрут – в отчёте

Канцелярии рекрутного счёта указана численность в 2002 человека[191]. Разница в 14 человек может объясняться освобождением от рекрутчины негодных в результате смотра царевича Алексея[192].

В отличие от большинства рекрутских наборов при комплектовании московской ланс - армии было точно указано число потребных рекрут и, соответственно, не была указана норма набора. Решено было сформировать группировку из 7200 человек пехоты и 4600 человек конницы. Пехота должна была непосредственно усилить оборону города, а конница под командованием Черкасского – беспокоить тылы противника, если он решится осадить Москву. Если 2000 человек в пехоту можно было взять с уже набранных рекрут, содержавшихся на рекрутских станциях в Москве, то остальных пришлось собирать с бору по сосенке. 3000 человек в пехоту и 2000 в конницу должны были дать московские и подмосковные помещики и вотчинники из своих крепостных слуг и ремесленников (крестьян с пашни в эту «московскую армию» брать было запрещено). При этом им было разрешено зачитывать в качестве отданных в «московскую армию» уже сданных в другие наборы рекрут. Фактически это означало, что эту часть рекрут для обороны города набрать не удастся. 1000 пехотинцев и 1200 всадников должны были выставить посадские[193], но с самого начала набора посад Москвы стал просить заменить этот набор деньгами, что, в конце концов и было разрешено. Ещё 1000 человек следовало выставить московской бюрократии - подъячим и дьякам. Однако, правительство быстро согласилось и этих рекрут заменить деньгами. 600 человек должны были набрать среди «шибаев», столько же должно было быть собрано с «ходоков» московских приказов. Монастырский приказ должен был обеспечить поставку 80 – 100 конных рекрут с монастырских и архиерейских

земель. Ямщики должны были выставить ещё 300 конников (московские выставляли по одному человеку с 3 дворов («вытей»), ямщики прочих городов – одного рекрута с 4 «вытей», а ямщики смоленской и новгородской дороги, до этого освобождённые от рекрутских наборов, – одного с 5 вытей). Таким образом, из планируемой численности 11800 человек московская ланс – армия пополнялась рекрутским набором только в размере 1600 человек (меньше одной седьмой части). Остальные воины либо заменялись денежным взносом, либо брались из рекрут других наборов. Сбор денег с посада шёл тяжело, поэтому такой сбор вскоре был отменён, стали набирать снова набирать рекрут. Тяжело собирали деньги и с приказов (дело доходило до драк). Удалось сверх зачёта прежде взятых рекрут взять некоторое количество рекрут с помещиков и вотчинников.

Из Преображенского приказа переводились в солдаты 600 «шибаев» (низшие чины приказа, фактически – московские полицейские), из разных приказов – 600 «ходоков» (посыльных?). М. Д. Рабинович считает, что «шибаи», упоминаемые в документах, связанных с «московской ланс - армией» - мелкие торговцы. Тогда не ясно, почему эти торговцы не причислялись к московскому посаду, как прочие купцы, а должны браться почему – то из Преображенского приказа. На самом деле эти «шибаи» - низшие чины Преображенского приказа, занимавшиеся в Москве не столько политическим сыском (поскольку Преображенский приказ в это время был органом политического сыска), а обычной городской полицейской службой. Полицейский характер деятельности «шибаев» Преображенского приказа доказывается одним докладом Сенату, упоминающим, что именно «шибаи» охраняли дом арестованного Соковнина,

обвинённого в 1697 г. в заговоре против жизни царя Петра[194]. Таким образом, ради «московской ланс - армии» пришлось серьёзно сократить полицию Москвы, что в чрезвычайных обстоятельствах, конечно, вполне объяснимо.

Рекруты в «ланс - армию», как и всегда требовалось, должны были быть «молодыми и добрыми», «худых и зело старых» брать было запрещено. Рекрутские «станции» в Москве, судя по всему, и так уже были переполнены «худыми» рекрутами со всей страны разных наборов, поэтому предписывалось для содержания вновь набираемой «московской армии» «по старым местам на съезжих дворах» распустить по домам набранных рекрут из дальних мест, кроме «добрых». Оставленных «добрых» из разных мест рекрут оказалось около 2000 человек. Набираемые рекруты должны были снабжаться отдатчиками всем необходимым для драгунской службы, а также деньгами из расчёта 13 рублей в год на человека. Из набранных предполагалось сформировать конницу под командой Черкасского для действий в районе Москвы и пополнить пехотой московский гарнизон. Всего в «московскую армию» нужно было набрать 5200 пехотинцев и 4600 драгун[195].

План набора «московской ланс - армии» показан в таблице.

Таблица. План набора в «московскую ланс - армию» по именному указу от 11 декабря 1707 г.

Категория населения	**План набора в пехоту**	**План набора в конницу**
Посадские	1000	1200

Ямщики	0	300
«Шибаи» из Преображенского приказа	600	0
Ходоки из московских приказов	600	0
Тяглое население церковных земель	0	80
Подъячие московских приказов *	0	1000
Тяглое частновладельческое население («люди боярские») Москвы и Подмосковья	3000	2000
Всего	**5200**	**4600**

*** Впоследствии набор с подъячих был заменён на денежные взносы**

Источник: П и БПВ. Т. 6. - СПб., 1912. – С. 582 (примечание к № 2114)

Несмотря на угрозу царя ещё в феврале 1708 г. в наказании за затягивание набора заменить взятие из подмосковных и московских крепостных крестьян и дворовых набором с одних только дворовых и с одной только Москвы[196], даже к лету 1708 г. набор ещё не был закончен. Летом 1708 г., через полтора года после начала этого

набора, Ближняя канцелярия доносила царю о ходе комплектования «московской армии». Из запланированных 7200 рекрут в «московскую ланс – армию» к тому времени было собрано 7012 человек (97 %). Как видно из этого отчёта, посадские не смогли к этому времени даже и деньгами заплатить за рекрут, а поэтому фактически продолжался набор рекрут с посадов. Из взятых 600 «шибаев» из Преображенского приказа оставалось в наличии только 511 (85 %), остальные к тому времени уже померли или бежали с рекрутских станций. Из взятых в рекруты 600 «ходоков» московских приказов по тем же причинам оставалось только 529 (88%). Конница для «московской армии» по докладу Ближней канцелярии также ещё не была вся собрана. Из запланированных 4200 рекрут в драгуны собрано было 4149 (90 %). Недоимки были у посадов (было недопоставлено 264 человека из 1200 запланированных), не всех дворовых выставили на службу помещики и вотчинники (не хватало 67 рекрут из 2000 запланированных)[197]. За полтора года с начала набора бояре из Ближней канцелярии умудрились не построить все три запланированных съезжих двора в Москве для московской «ланс - армии» (возможно, так Ближняя канцелярия назвала новые рекрутские станции) – у «Моисеевских богаделен», у Рязанского подворья и у Варварских ворот.

Почти все набранные в «московскую ланс - армию» рекруты к этому времени были отправлены в полевые полки на подавление восстания донских казаков под руководством К. Булавина[198], хотя опасность для Москвы со стороны шведов была максимальной именно в конце лета – начале осени 1708 г.

Набор в «московскую армию» ещё в 1709 г. не был закончен[199].

27 ноября 1708 г., во время напряжённых военных действия на Украине между русской и шведской армиями царь потребовал срочно,

до января 1709 г., набрать 1000 рекрут не из крестьян, а из дворовых и бедных посадских Москвы и Подмосковья[200]. На Москве этот указ был получен 5 декабря 1708 г. и был несколько изменён. Был объявлен набор 700 человек из людей боярских, то есть одного человека с 200 дворов. Было собрано 550 рекрут[201], из них бежало не дойдя в полки 107 человек, то есть поступило в полки 443 человека.

В 1710 г. наступил наибольший хаос в рекрутском деле за всё время правления Петра. Источники фиксируют в 1710 г. указ от 18 августа о наборе рекрут в гарнизон новозавоёванной Риги и окрестных городов (Пернова и Динамюнде), где вспыхнула эпидемия чумы, указ о наборе 1200 рекрут от 17 сентября, указ о наборе 7000 рекрут от ноября[202]. Отчёт Канцелярии рекрутского счёта от 1724 г. кроме этого глухо упоминает какие – то указы о наборах, пришедшие в московскую губернскую канцелярию от 9 мая, 13 июня, 29 августа и 29 сентября 1710 г.[203] Кроме этих дат об этих наборах ничего неизвестно. Неизвестно касались ли эти указы только наборов с Московской губернии или со всей России, неизвестно не были ли это только повторениями или уточнениями ранее вышедших указов о наборах, неизвестно параметры и итоги наборов. Даже сами приведённые даты могут быть как датами выхода указов, так и датами поступления текстов указов в губернскую канцелярию.

В бумагах Петра есть четыре письма царя губернаторам Ингерманландской (Санкт - Петербургской), Казанской и Сибирской губерний и главе Военному приказу (который в этот период ведал рекрутскими наборами с Московской губернии) от 14 – 17 сентября 1710 г., показывающие что царь лично рассылал по губерниям план очередного набора[204]. Царь оговаривается, что эти рекруты набираются не в рижские гарнизоны, а в Санкт- Петербург. «Наряды»

(планы набора) по губерниям составили: Ингерманландская – 2624, Казанская – 1722, Сибирская – 738, Московская – 3649 рекрут. Письма царя с цифрами набра для остальных четырёх губерний (Смоленской, Киевской Азовской и Архангелогородской), очевидно, не сохранились. Самодержавный монарх, как какой – нибудь обыкновенный приказный дьяк, подсчитал и разослал по губерниям требования о рекрутах. Вот до какого отчаянного беспорядка дошла рекрутская система России в этот период. Причём эту развёрстку тоже невозможно точно соотнести ни с одним из сохранившихся упоминанием о рекрутских указах 1710 г. из других источников. По косвенным данным можно только установить некоторые параметры этого рекрутского набора.

При сопоставлении плана набора с различных губерний в сентябрьских письмах Петра видно, что это соотношение очень точно повторяет такое же соотношение плана восьмого рекрутского набора по указу от 30 июня 1711 г.[205] Такое соответствие может быть только в том случае если эти наборы шли по данным одной и той же переписи. Для восьмого набора известно, что шёл он по данным переписи 1678 г. Следовательно, и набор по письмам Петра от сентября 1710 г. также шёл по переписи 1678 г. (хотя в 1710 г. прошла очередная перепись, которая показала, правда большую убыль дворов во многих местностях России, но поэтому её данные для рекрутских наборов почти не использовались[206]). Сопоставляя планы набора с отдельных губерний в восьмой набор и в набор по письмам Петра от сентября 1710 г. и учитывая, что восьмой набор шёл по норме одного рекрута с 40,5 дворов, получаем, что набор сентября 1710 г. шёл с 24 дворов или около того, возможно с 25 дворов рекрута.

Отчёт Киевской губернии о рекрутских наборах, проведённых на её территории в 1710 – 1718 гг.[207], называет ещё два набора 1710 г.: набор по именному указу от 16 октября 1710 г. с 55 дворов и набор по указу от 29 декабря 1710 г. с 22,5 дворов. Численность взятых в эти наборы и план наборов не известны. Отчёт указывает, что если для набора с 55 дворов применялись данные переписи 1678 г. (в губернии было взято 562 рекрута, причём, по – мнению губернии 76 из них - излишне), то для набора с 22,5 дворов применялись данные переписи 1710 г. (с губернии было взято 2132 рекрута, в том числе 946 излишних). Лишне взятые рекруты показывают степень уменьшения количества дворов в губернии к 1710 г. по сравнению с 1678 г. Однако, в обоих этих случаях запустение дворов сильно отличаются (соответственно 14 и 44 %). Это говорит о том, что условия этих наборов чем – то сильно отличались. По отчёту губернии невозможно понять, в чём были эти отличия.

4.Проблема найма рекрут

Несмотря на то, что правительство стремилось запретить, либо ограничить практику найма в рекруты заместителей, такие случаи в 1706 – 1710 гг. были широко распространены и даже официально регистрировались в государственных регистрационных учреждениях - конторах крепостных дел.

В литературе упоминается случаи найма рекрут в 1706 – 1710 гг. в Бежецке и Шуе.

В 1706 г. бурмистр Бежецка И. Г. Архипов «со товарищи» нанял в рекруты двух беглых помещичьих крестьян. Дворовые их помещика разоблачили беглецов. Беглых вернули помещику, а наниматели были

оштрафованы. Фактически этому случаю найма в рекруты помешал только маргинальный статус (беглые крепостные) наёмщиков.

Впоследствии в Бежецке наём рекрут приобрёл большую популярность. А. Б. Каменский упоминает о найме бежецкими посадскими людьми в рекруты в 1709 г. двух крестьян Кирилло – Белозёрского монастыря, и трёх крестьян Алексеевского монастыря (Угличский уезд). В 1710 г. были наняты в службу крестьянин Калязинского монастыря, два дворцовых крестьянина – карела Бежецкого уезда (известна наёмная плата этих наёмщиков – «платье» и 46 рублей деньгами). В том же 1710 г. были наняты в рекруты за 22 рубля два монастырских крестьянина Бежецкого уезда, за 11 рублей - помещичий крестьянин Устюжна – Железопольского уезда, сын бобыля из Бежецкого уезда (за 16 рублей) и два монастырских крестьянина Угличского уезда (плата неизвестна)[208].

Бежецкие наймы показывают, что в рекрутские наёмщики шли прежде всего монастырские крестьяне. Встречаются среди наёмщиков дворцовые крестьяне. Мог в удачном случае бежать от помещика в военную службу, да ещё и получив наёмную плату и помещичий крестьянин, хотя, судя по всему, это было нелегко. Интересно, что если монастырские и дворцовые крестьяне брали за наём по 22 – 23 рубля, да ещё и иногда – «платье», то помещичий крестьянин взял за наём в 2 раза меньше денег. Это говорит о многих способах, имевшихся у помещика, к удержанию своего крепостного крестьянина. Фактически здесь мы имеем дело с принятием на службу беглого. При этом крепостных – не земледельцев (дворовых и бобылей) власти и так выбирали у владельца до чиста[209]. А вот крепостных земледельцев брали осторожно. Среди бежецких наёмщиков упоминается и бобыльский сын. Обычно бобылями

называли одну из категорий крепостных. Судя по осторожному отсутствию в документах указания на статус этого бобыля (а бывали бобыли только либо частновладельческие, либо монастырские) здесь также на службу был принят беглый.

5 февраля 1709 г. церковный бобыль дворцовой волости Владимирского уезда нанялся в рекруты в четвёртый набор за 18 рублей 50 копеек вместо крестьянина суздальского поместья Лопухиных (родственников первой жены Петра Евдокии, к тому времени уже постриженной в монастырь). Староста поместья выплатил «наёмщику» деньги и выдал ему «платье», обувь и провиант. Судя по опубликованному сохранившемуся договору «наёмщик» в свою очередь обязался служить службу, не изменять царю, не сбегать со службы, не пьянствовать, не знаться с воровскими людьми, не красть государевой казны, стоя на карауле, не «подводить» к этому воровских людей, не терять оружие и в целом «не чинить дурна». «Наёмщик» заявлял, что прежних наборах в солдатах и в наймах он не состоял и за вотчины в отдаче не был. В случае провинности взыскано будет с «наёмщика» и с его поручителей (как государь решит). В случае бегства «наёмщика» со службы он подлежит смертной казни, а поручители отдадут в службу своих сыновей, либо других «наёмщиков». Как видно, для отправки в службу заместителя требовалось не только найти такового, но и представить поручителей. Договор за неграмотных «наёмщика» и поручителя подписан попами их церковных приходов. Свидетелем договора выступил дьячок. Договор составил и получил сбор в 20 копеек за регистрацию надсмотрщик крепостных дел г. Шуи. Этим же числом помечен наём заместителя в тот же набор для того же имения, но уже за 17 рублей, и ещё один сохранившийся договор. Наёмщик,

свидетель и поручитель здесь – монастырские крестьяне. Третий шуйский договор найма из того же имения Лопухиных датирован 9 декабря 1710 г. Здесь нанимаются всего за 30 рублей сразу три заместителя рекрута (из дворцовых крестьян) в шестой набор, но поручитель за них только один. Свидетель – тоже один. И поручитель, и свидетель – из монастырских крестьян. Цены за наём, судя по этим трём сохранившимся договорам, сильно упали после победы под Полтавой (в 1,7 – 1,85 раза). Опасность солдатской службы уменьшилась, правительство собирало рекрут реже и без прежних строгостей[210]. Возможно, так свободно официально оформлялся незаконный договор из – за огромного влияния в этой местности Лопухиных, родственников первой жены царя. Вплоть до дела царевича Алексея в 1717 – 1718 гг. бывшая царица жила в монастыре в Суздале достаточно свободно, вовсе не как монахиня.

Шуйские акты показывают, что монастырские и дворцовые крестьяне фактически свободно поступали на службу – никаких разрешений Монастырского приказа или дворцового ведомства для этого не требовалось. Эти документы о найме заместителя рекрута показывают, как легко в это время обходился закон, причём даже и не в каком – то отдалённом районе страны, а совсем недалеко от верховной власти, в одном из центральных уездов России.

5.Выводы

Во второй период существования рекрутчины при Петре в 1705 – 1711 гг. государство забирало на службу максимально большое количество рекрут за всё царствование Петра. Истощение в предыдущий период 1699 – 1705 гг. таких источников рекрут, как

добровольцы, дворовые, посадские, ямщики вынудило обратиться к самой массовой категории потенциальных солдат – к крестьянству. Впервые в массовом количестве стали брать в солдаты крестьян с пашни – главное тяглое сословие России. Такие наборы стали сильно ослаблять экономику страны и привели к массовому бегству рекрут. Однако такая напряжённая работа рекрутской системы России позволили переломить ход Северной войны и одержать в 1709 г. решающую победу под Полтавой. Успешному пополнению русской армии рекрутами способствовало сильное затягивание начала решающего столкновения главных сил противников в Северной войне. Это позволило правительству Петра за 1705 – 1707 гг. масштабными рекрутскими наборами резко увеличить численность армии и хорошо подготовиться к главным сражениям войны в 1708 – 1709 гг.

Анализ хода номерных рекрутских наборов 1705 – 1710 гг. показывает, что степень выполнения плана наборов и размеры рекрутских недоимок зависели от масштабов самих наборов, а в 1709 – 1710 гг. от реформы рекрутской системы, связанной с передачей набора рекрут от столичного Поместного приказа губернаторам.

Большим недостатком рекрутской системы в России в этот период было большое количество разнородных центральных ведомств, которые этим занимались. Хотя абсолютное большинство рекрут шло через Поместный приказ, параллельно с ним шли небольшие наборы через Военный приказ. Регулярно привлекались для срочных наборов Ратуша, Монастырский приказ, Ямской приказ. Царь безуспешно попытался создать в Преображенском ещё одно ведомство, участвовавшее в рекрутских наборах во главе со своим 17 – 19 - и летним сыном, царевичем Алексеем.

Специфической особенностью рекрутчины в этот период было наличие, кроме масштабных основных, номерных рекрутских наборов, ещё и локальных частных наборов в виде традиционного летнего выезда помещиков на службу со своими дворовыми, отдельных наборов в артиллерию, чрезвычайных наборов для обороны Москвы, по случаю эпидемии чумы в Прибалтике и других.

В организации рекрутской системы комплектования армии в 1705 – 1710 гг. боролись несколько тенденций – традиционная, систематическая и чрезвычайная.

Первая тенденция – традиционная - сбор поместного войска, в котором большую часть контингента составляли не сами помещики, а люди боярские , то есть помещики, а их «люди боярские», то есть специально предназначенные для такой военной службы крепостные. В этот период такие традиционные наборы, провидимые Военным приказом, состоялись в 1705, 1706 (два набора), 1707 (два набора, но один был быстро отменён) гг. В отличии от обычного сбора поместного войска взятые в эти наборы люди боярские обратно помещику в конце года не возвращались. Соответственно, очень быстро все эти специально подготовленные для военной службы дворовые оказались в солдатах – больше выезжать на ежегодную службу помещикам было не с кем. Да и сами владельцы крепостных к этому времени оказались в большинстве своём на военной службе.

Вторая тенденция – систематическая - ежегодное масштабное изъятие по тяжёлой норме одного рекрута с 20 дворов прежде всего с пашенного крестьянства рекрут в армию. Именно в этот период эта мощная бюрократическая система впервые в истории России стала пополнять армию солдатами в невиданных ещё до этого масштабах (первый, второй, третий, четвёртый, пятый и шестой номерные

рекрутские наборы 1705, 1706, 1707, 1708, 1709, 1710 гг.). Этим занимался Поместный приказ во главе с думным дъяком Автономом Ивановым. Эта тенденция была главным достижением рекрутской системы, позволившей России создать мощную армию и выиграть Северную войну, а также определившей военную мощь и мировое влияние России на многие десятилетия вперёд. После победы под Полтавой в 1709 г. и окончательного занятия Прибалтики в 1710 г. необходимости в столь большом выкачивании из населения солдат уже не было. После 1710 г. при Петре столь тяжёлая норма - один рекрут с 20 дворов - больше не применялась. Случайное событие - смерть главы Поместного приказа думного дъяка Автонома Иванова 14 ноября 1709 г.[211] – привело к дезорганизации рекрутского дела в стране, что показывает степень неустойчивости этой организации в это время. В начале 1710 г. рекрутчина была возложена на губернаторов и даже документы Поместного приказа по наборам 1705 – 1709 гг. были переданы в губернии, что сильно затрудняет их изучение до сих пор. В 1710 г. в организации рекрутских наборов в стране воцарился хаос – прямое следствие очередного эксперимента в государственном управлении, начатого царём.

Третья тенденция в развитии русской рекрутчины в 1705 – 1710 гг. – – чрезвычайная - хаотические рекрутские наборы, обусловленные тяжёлой ситуацией складывающейся на театре военных действий. Наиболее характерный пример – сбор «московской ланс – армии» в 1707 – 1709 гг., который вёлся, кроме Военного и Поместного приказов, также Ближней канцелярией, Ратушей, Монастырским и Ямским приказами. Царь пытался проводить чрезвычайные наборы рекрут также и через специальную комиссию царевича Алексея в Преображенском. Такая чрезвычайшина была характерна в период

самого тяжёлого напряжения в войне и только мешала и дезорганизовывала нормальную работу по пополнению армии солдатами. Много солдат такими экстренными мерами набрать не удалось. Эта излишняя энергия – такая же характерная черта деятельности царя Петра, что и его масштабные, глубокие и продуманные преобразования.

В период 1705 – 1710 гг. первая тенденция традиционного сбора поместного войска естественным образом сошла на нет из – за зачисления всех взятых «боевых холопов» на пожизненную солдатскую службу. Вторая тенденция имела большое будущее и была самой правильной и систематической формой организации рекрутских наборов. Третья тенденция, чрезвычайные сборы, была следствием либо чрезвычайной угрозы (которых в Северную войну для России не возникло), либо собственных организационных промахов (неупорядоченные наборы 1710 г. как следствие слишком быстрых и непродуманных реформ государственного управления).

Трудный период, переживаемый рекрутской системой в 1710 г., отразился на боеспособности русской армии в неудачном для неё Прутском походе в 1711 г. Причинами капитуляции русской армии на Пруте в июле 1711 г. были не только не адекватное командование армии царём Петром (бездумно гнал армию вперёд без необходимых припасов, отделение конницы от пехоты, не вовремя вступил в переговоры о мире с полуразгромленным уже противником), но и слишком небольшая численность русской группировки (около 30 тысяч человек, против турецко – татарских сил в 60 тысяч человек). Низкая численность русских войск на Пруте – прямое следствие серьёзных просчётов при рекрутских наборах 1710 г., когда Поместный приказ был уже от наборов отстранён, а губернаторы ещё

не сумели правильно организовать рекрутские наборы в губерниях. Только создание Сената в 1711 г. несколько улучшило функционирование рекрутской системы. Можно сделать вывод, что реформа рекрутского дела, начатая передачей рекрутских наборов из Поместного приказа в губернии, была затеяна не вовремя. Одержав стратегическую победу под Полтавой в 1709 г. российская армия в ходе реализации своего выдающегося успеха вела напряжённые боевые действия ещё и весь 1710 г. (занятие ключевых крепостей в Прибалтике – Ревеля, Риги, Пернова, Динамюнде, Аренсбурга), а также Выборга в юго – восточной Финляндии и Эльбинга в низовьях Вислы). А в 1711 г. началась ещё и война с Турцией. Вполне возможно, что Турцию спровоцировала на войну с Россией именно неразбериха в рекрутских наборах в России, царившая с начала 1710 г.

Больших размеров достиг в 1705 – 1710 гг. официально запрещённый наём заместителей рекрут, что видно из документов о таких заменах из Бежецка и Шуи. В основном нанимали заместителей посадские, а шли в такие наёмщики монастырские и дворцовые крестьяне. Несмотря на прямые запреты найма рекрут в это время такие замены, судя по всему, процветали. Это показывает, до какой степени мало население России и чиновничий аппарат в то время выполняли законы.

Глава 3. Рекрутская система комплектования России в 1711 – 1718 гг.

Административные реформы Петра I влияли на рекрутскую систему. Отправляясь на войну с Турцией, царь создал высший орган

власти на время своих отлучек - Правительствующий Сенат[212]. Одной из важнейших забот Сената согласно именному указу о его учреждении от 22 февраля 1711 г. был набор рекрут. С этого момента и до учреждения коллегий в 1718 г. это учреждение возглавило всё рекрутское дело в стране. На местах много рекрутами приходилась заниматься губернаторам. К моменту, когда Сенат стал заниматься рекрутами, рекрутская система испытывала серьёзные затруднения. За весь 1710 г. губернии не могли наладить нормальный набор. Испытывая острую нужду в пополнениях армии новобранцами Пётр издавал всё новые указы о рекрутских наборах, которые плохо выполнялись. Все эти проблемы предстояло решить новосозданному высшему органу государственного управления России. Как и в предшествующий период все рекрутские наборы в 1711 – 1718 гг. можно разделить на традиционные (ещё с допетровских времён) наборы «даточных», регулярные номерные рекрутские наборы (шедшие с 1705 г.) и чрезвычайные рекрутские наборы.

1. Традиционные наборы даточных по сенатским приговорам в 1711 - 1713 годах

1 марта 1711 г. Сенат объявил набор даточных[213]. Этот набор представлял собой взятие каждого третьего из дворовых на временную службу (на три – четыре тёплых месяца) на время войны с Турцией. Судя по временному взятию даточных, Сенат первыми же своими указами показал себя учреждением, действующим по старинке, в традициях наборов даточных допетровского времени. Несмотря на то, что в указе о совершенно ясно было сказано, что даточные берутся только на летний сезон, то есть в полном

соответствии с традициями поместного войска (такое точное следование этой архаической традиции поместного войска было впервые в правление Петра), никакого возвращения даточных домой осенью не было, все они остались на постоянной военной службе.

В ходе набора этих «третных» даточных потребовались разъяснения, которые Сенат предоставил своим приговором от 30 апреля 1711 г. Как правило, более или менее состоятельные помещики и вотчинники выезжали на службу со своими слугами, которые и сопровождали их всё время похода. Естественно, помещики стали просить зачесть им таких слуг в качестве взятых в третные даточные. Сенат решил, что зачёт может быть произведён только после специального свидетельства командования войсковых частей о пригодности к военной службе и о реальном участии таких слуг в походе с указанием точных имён. После получения такой справки в Военном приказе зачёт мог быть произведён. Сенат подтвердил, что такая категория служилых людей, как царедворцы, в этот набор третных даточных могут высылать вместо себя взамен даточных. Постоянная нехватка грамотных солдат заставила особенно требовать от помещиков, чтобы при выставлении более трёх даточных каждого четвёртого выставляли грамотного. Таких грамотных велено было прислать в Москву и там содержать до дальнейших указаний. Тысячу человек третных даточных велено было сразу зачислить в московский гарнизон, причём специально оговаривалось, что эти даточные должны были быть не из московских жителей. Разрешалось при отсутствии дворовых годных в солдатскую службу заменять их выплатой 30 рублей за человека. Если годных дворовых не хватало, то выплачивалась сумма по пропорции в 30 рублей со 100 дворов. При этом предписывалось проверять, действительно ли у владельца не

хватает годных в службу дворовых. Всякий присылаемый на Москву даточный должен был быть снабжён обычным рекрутским обеспечением – «мундиром», деньгами по 1 рублю на человека на пропитание на время проезда, на наём подвод по 40 копеек, за провиант (муки и круп на год одному рекруту) велено было взыскать с отдатчика деньгами по рыночной московской цене. В Ярославской провинции из – за высокой активности разбойников в этих местах все собранные там даточные оставлялись для службы в тамошнем гарнизоне[214]. Как видно из этого указа набор третных даточных шёл тяжело.

Примерные размеры набора даточных можно определить из того, что при зачёте за даточного деньгами брали из расчёта один человек на 100 дворов. Поскольку примерно три четверти из всех 812 313 тяглых дворов в стране (по переписи 1678 г.) принадлежали помещикам и вотчинникам, постольку план набора составлял, возможно, около 6000 человек. Известно, что 5000 этих даточных направлялись в войска Ф. М. Апраксина в Воронеж[215], а 1000 – в московский гарнизон. Таким образом, предполагаемый план набора выглядит правдоподобно.

Набор третных даточных 1711 г. шёл медленно. Только Московская губерния к началу мая рапортовала, что по состоянию на 2 мая явилось третных даточных на службу 2 182 человека, в том числе 182 человека (из которых 90 - грамотные) после смотра находились в домах своих помещиков, готовые явиться по первому вызову, 1 813 человека посланы в Воронеж в войска Ф. М. Апраксина против турок, а ещё 187 человек пополнили столичный гарнизон (130 человек в полку Бибикова и 37 человек в полку Вельяминова - Зернова)[216]. Хотя Сенат уверял помещиков, что третные даточные

набираются на временную летнюю службу, а потом будут возвращены своим владельцам, этому противоречит зачисление части из них в гарнизонные солдаты.

Несмотря на то, что это не предписывалось указаниями о наборе третных даточных, фактически много набрал таких даточных Ямской приказ из ямщиков Казанской и Киевской губерний[217].

Из этого набора была исключена Санкт – Петербургская губерния (эти территории в приговорах Сената называются также Новгородским разрядом[218]). Увеличившееся число разбойников в губернии требовало усилить гарнизоны этой губернии. Тяжёлое положение сложилось в Ярославле и Твери, где практически не осталось гарнизонных солдат. Банды разбойников, как сообщал комендант Твери Кокошкин, открыто похвалялись захватить и саму Тверь. По запросу санкт – петербургского губернатора А. Д. Меншикова от 27 апреля 1711 г. Сенат 24 мая разрешил для борьбы с разбоями не только оставить ярославских третных даточных в тамошнем гарнизоне, но и оставить всех набираемых в губернии рекрут по следующему набору (25 000 человек со всей страны) для пополнения гарнизонов этой губернии[219].

Размещение части третных даточных в Москве в домах их помещиков привело к бегству части из них. Ещё часть даточных умерла. Сенат приговором от 31 мая освободил отдатчиков от повторной поставки даточных в этих случаях[220]. Однако, уже 20 июня Сенат потребовал для такого освобождения предъявления подлинных «крепостей» на отданных в рекруты. Если же таких документов на владение этими холопами не предоставлялось, то считались, что эти люди не были законно оформленными холопами, не подлежали набору и отдатчики были обязаны заменить умершего или бежавшего

даточного новым. Третных даточных из своей среды обязаны были выставить теперь и подьячие, а также архиерейские и монастырские слуги, служебники и подьячие. Замена в этом случае разрешалась, но только такой «наёмщик» должен быть грамотным[221].

Набор третных даточных проводился только с дворовых, живущих во дворе своего владельца. Сенат приговором от 17 сентября 1711 г. разъяснил, что если в набор попадали крестьяне и дворовые, живущие в собственных дворах, а не на дворе у своего владельца, то разрешается по челобитью вотчинников и помещиков возвращать их со службы. Было также разрешено заменять уже взятого в солдаты третного даточного женатого на холостого[222].

При наборе третных даточных всё равно части подлежащих набору удалось избежать службы. 18 августа 1714 г. царь разрешил вместо взятия в службу по этому набору (а набор третных даточных в 1714 г. ещё не был окончен!) выплатить за каждого избегнувшего службы по 30 рублей[223]. Это касалось только не выставленных грамотных дворовых, которых должно было быть четверть всех даточных при выставлении отдатчиком более трёх человек.

17 января 1713 г. для обороны Украины от турок был объявлен последний набор даточных в истории России. Собирали с 50 дворов конного, с огнестрельным оружием от отдатчика. По форме это был обычный выезд служилых людей со своими слугами на сезонную военную службу. 4 марта 1713 г. Сенат разрешил служилым владельцам крепостных крестьянских дворов выставлять за себя даточного, если они не могли являться на службу сами (вдовы, малолетние, престарелые, находящееся на службе дьяками, судьями, губернаторами, комендантами, то есть на невоенной службе)[224].

Этот набор конных даточных шёл в традициях допетровской эпохи – войско собирали на четыре летних месяца, с мая по август. Возлагалось на самих помещиков обеспечение даточного оружием, конём, мундиром и частично продовольствием (им снабжались от государства только даточные, а не помещики). Возраст конного даточного определялся в пределах от 20 до 50 лет. Земли Новгородского разряда (Санкт – Петербургская губерния) от этого набора освобождались. Посады, дворцовые и церковные крестьяне, приказные, города, приписанные к флоту, а также вся Сибирская губерния платили вместо конных даточных деньгами по 50 коп. со двора. Для Киевской и Азовской губерний сборным пунктом был Белгород, для прочих губерний (Московская, Нижегородская, Казанская, Архангелогородская, Санкт – Петербургская) – Москва. Владельцы менее чем 50 дворов вместо выставления даточных платили деньгами. От этого набора служилых людей освобождались уже находившиеся на военной службе и находившиеся в плену. О планируемой численности набора этих временных конных даточных можно судить по тому, что для них заготавливалось 6 000 четвертей муки. На четыре месяца из расчёта по 1 кг печёного хлеба в день на человека, принимая, что здесь имеется ввиду четырёхпудовая четверть, этого хватило бы на пропитание 6 400 человек. Всего набор должен был охватить примерно 320 000 тяглых дворов из примерно 812 000 (40 %). По всем признакам этот набор – временный на время предполагаемой летной кампании в турецкой войне, но в тексте приговора нигде ничего не говорится о временном взятии даточных на службу. Первоначально Сенат обложил приказных служителей тройной суммой оклада за не поставленных рекрут. Впоследствии

была установлена фиксированная величина этих рекрутных денег с приказных людей Московской губернии[225].

Было сделано исключение для смоленской шляхты (предводителем этой части служилого сословия выступил генерал Корсак), которой было разрешено не являться на службу лично, а только выставлять конных даточных из расчёта по одному человеку с 50 дворов, а с тех, у кого меньше 50 дворов, брать деньгами по 50 коп. со двора[226]. Впоследствии со смоленской шляхты решено брать только деньги, а не конных даточных, потому что крепостных, чья зависимость подтверждалась бы документами, на Смоленщине почти не было. Кроме этого, здесь до девятой части всех податных дворов по переписи 1678 г. запустело ещё со времён вторжения сюда шведской армии в 1708 г.[227]

С негодных к службе по старости или болезни владельцев меньше 10 крепостных крестьянских дворов потом стали брать деньгами 1,5 руб. за самого помещика и по 50 коп. с крестьянского двора[228].

Последние в истории России наборы даточных с дворовых крепостных не могли всерьёз пополнить армию. Ресурсы обученных к военной службе дворовых – «людей боярских» - к 1715 г. были полностью исчерпаны. Оба последних набора даточных, 1711 и 1714 гг., не были выполнены полностью, пришлось брать вместо рекрут деньги. После 1714 г. такие наборы уже больше не объявлялись. Поместная система комплектования русской армии с её сборами на лето временных войск навсегда исчезла.

2. Рекрутские наборы по приговорам Сената в 1711 – 1718 гг.

Также необходимостью в условиях новой войны с Турцией мотивируется первый крупный набор рекрут, объявленный Сенатом[229] - 8 – й рекрутский набор. Новой чертой этого набора стало то, что впервые была объявлена численность необходимых рекрут – 25000 человек. Указывалось, что рекруты набираются «в запас» - тоже новая особенность этого набора. К тому времени стало известно, что с Московской губернии взято излишнее по сравнению с другими губерниями количество рекрут, поэтому указ предписывает зачесть Московской губернии в этот набор уже взятых здесь ранее рекрут. Чтобы сохранить набор в предписанном объёме при таком зачёте Сенат приказал пропорционально увеличить число рекрут, набираемых с других губерний.

Этот краткий указ от 16 марта 1711 г. о наборе рекрут был разъяснён приговором Сената от 22 марта[230]. Сенаторы упомянули, что инициатором очередного набора был сам царь. Новый указ сообщает точное число тяглых дворов в стране (всё ещё по переписи 1678 года!) – 812 131 двор. Все тяглые дворы были разделены на особые группы – «доли». Каждая доля содержала 5536 дворов.

План набора первоначально выглядел следующим образом:

Таблица 2. План 8 – го рекрутского набора по приговору Сената от 22 марта 1711 года без зачёта ранее взятых рекрут для Московской губернии

Губерния	**Долей**	**Рекрут**
Московская	44,5	7524

Санкт – Петербургская	32,2	5591
Киевская	5	855
Смоленская	9	1539
Казанская	21	3595
Архангелогородская	18,5	3078
Азовская	7,5	1279
Сибирская	9	1539
Всего	**146,7**	**25000**

Источник: ПСЗ. - № 2341.

Однако при этом царь согласился зачесть Московской губернии 4500 рекрут, до этого указа взятых отдельно с этой губернии: в артиллерию 500 рекрут, на Воронеж для пополнения флота 2000 человек и ещё 2000 рекрут было собрано и держалось на рекрутских станциях Московской губернии про запас. Сенат принял решение частично освободить Московскую губернию от этого набора - взять рекрут только с тех городов этой губернии, где в 1708 году не проводился набор по самой тяжёлой норме одного рекрута с 10 дворов (с Костромы, Переяславля – Рязанского и других уездов, находящихся дальше ста вёрст от Москвы). Всего с Московской губернии было запланировано взять 2 511 человек. Для прочих губерний поэтому норма набора была повышена до одного рекрута с 25,5 дворов или до 220 человек с доли. Этот первый массовый сенатский набор был значительно легче для населения страны, чем наборы 1705 – 1710 годов с нормой одного рекрута с 20 дворов.

Период самого тяжёлого напряжения страны во время Северной войны и вообще в правление Петра I закончился.

Окончательно план набора выглядел так:

Таблица 3. Окончательный план 8 - го рекрутского набора по приговору Сената от 22 марта 1711 года с зачётом ранее взятых рекрут

Губерния	**Рекрут**
Московская	2511
Санкт – Петербургская	7194
Киевская	1100
Смоленская	1980
Казанская	4620
Архангелогородская	1650
Азовская	4070
Сибирская	1980
Всего	**25081**

Источник: ПСЗ. - № 2341.

Сенат в своём приговоре повторил нормы снабжения каждого рекрута его помещиком. Каждый рекрут должен был быть снабжён деньгами в сумме один рубль (так называемые «рублёвые» деньги) и провиантом в размере трёх четвертей ржаной муки и крупы (крупы из этого количества – одна полуосмина, то есть одна четвёртая часть четырёхпудовой четверти) или 11 пудов муки и пуд крупы. Такого

количества провианта хватало для годового пропитания рекрута. Также помещик обязан был снабдить рекрута одеждой: кафтаном, камзолом, шапкой, штанами, «чириками» (обувь), чулками. Рекрут предписывалось размещать вблизи Москвы и «украинных» городов и постоянно учить «солдатскому строю». Оставшихся на рекрутских станциях в Москве и в её окрестностях рекрут прежних наборов было велено передать для караульной службы в московский гарнизон. Понятие «украинные города», применявшееся в этот период, разъясняется в справке Разрядного архива от 1741 г.[231] К этой категории относились города Тула, Кашира, Серпухов, Алексин, Одоев, Крапивна, Дедилов (то есть города вблизи Тулы и города южного Подмосковья).

8 мая 1711 г. Сенат уточнил, что рекрут Казанской губернии следовало держать на рекрутских станциях в Муроме и Касимове, а рекрут Архангелогородской губернии – на рекрутской станции в Вологде[232].

Пополнение войск в Прибалтике рекрутами шло медленно. По жалобам А. Д. Меншикова царю Сенат 8 мая 1711 г. решил срочно перебросить туда 2 000 человек из наличных в Москве рекрут, оформив это как небольшой рекрутский набор со всех губерний по одному рекруту с 395 дворов[233].

Уже начальный этап Прутского похода заставил царя объявить очередной 9 – й рекрутский набор. Сенат по указанию царя приговорил собрать с губерний, кроме Санкт – Петербургской, 20 000 рекрут в течении полугода. Ещё вовсю шёл предыдущий 8 – й набор 25 000 человек. Освобождение губернии А. Д. Меншикова мотивировалось близостью неприятеля (шведские отряды во время рейдов доходили до реки Мойки), большим количеством разбойников

в губернии[234], большой убылью населения из эпидемии, опустошившей губернию в 1710 – 1711 гг[235]. Предполагалось, что губернатор сам наберёт в своей губернии необходимое количество солдат для пополнения местных гарнизонов[236]. Меншиков обещал также сформировать три драгунских полка. Прошедшая в 1708 – 1710 гг. в губернии перепись показала убыль населения почти вдвое по сравнению с 1678 г. Впрочем, губернским властям было выгодно несколько сгущать краски. Пришлось всех не взятых в Санкт – Петербургской губернии рекрут разверстать на прочие губернии. План набора по губерниям представлен в таблице 4.

Таблица 4. План 9 – го рекрутского набора по сенатскому приговору от 30 июня 1711 г.

Губерния	**Рекрут**
Московская	7339
Киевская	1227
Смоленская	1344
Архангелогородская	2284
Казанская	4338
Азовская	1378
Смоленская	2275
Всего	**20185**

Источник: ПСЗ. – № 2390.

Сенат непрерывно понуждал губернии высылать рекрут. Уже 11 июля своим приговором он ещё раз перечисляет рекрутские недоимки губерний (см. таблицу 5).

Таблица 5. Рекрутские недоимки на 11 июля 1711 г.

Губерния	**Недоимки по набору 25000 рекрут по указу от 22 марта 1711 г.**	**Недоимки по набору 20000 рекрут по указу от 30 июня 1711 г.**
Московская	525	4049
Казанская	4914	1911
Архангелогородская	3522	1683
Сибирская	1306	819
Смоленская	0	819
Киевская	2925	455
Азовская		692
Всего	**13192**	**10428**

Источник: ПСЗ. - № 2396.

Рекрут Сибирской губернии обоих наборов велено было доставлять в Москву. Рекрут Московской, Киевской и Азовской губерний – держать на рекрутских станциях в самих губерниях. Рекрут Архангелогородской, Смоленской и Казанской губерний набора, объявленного 22 марта, следовало перебрасывать на рекрутские станции вблизи Москвы, а набора, объявленного 30 июня,

- держать в своих губерниях на станциях вблизи границ Московской, Киевской и Азовской губерний. Санкт – Петербургская губерния была освобождена от обоих наборов, её губернатор обещал Сенату провести у себя особые губернские рекрутские наборы.

Из приведённого описания дислокации рекрутских контингентов видно, что Сенат стремился рекрутские контингенты держать вблизи театра военных действий с турками и вблизи столицы. Из общегосударственной рекрутской системы в этот момент под разными предлогами фактически выпала Санкт – Петербургская губерния А. Д. Меншикова. В момент наиболее тревожных и трагических событий на Пруте в 1711 г. в первые месяцы существования нового органа высшей власти в стране – Сената – А. Д. Меншиков сумел практически отсоединить свою губернию от единой системы государственного управления. На несколько недель «удельное княжество» временщика оказалось вне контроля Москвы.

Новый 10 – й рекрутский набор был объявлен Сенатом только перед началом новой летней военной кампании 15 января 1713 г. В 1713 г. предстояло вторжение русских войск в Финляндию. Несмотря на многочисленные понукания планы 8 – го и 9 – го наборов к тому времени всё ещё не были выполнены. Новый набор проходил с 40 дворов. Наряд (план набора) составил 20 670 человек. Перепись 1710 г. показала убыль дворов по всем губерниям, кроме Киевской и Азовской, поэтому набор проходил по материалам старой переписи 1678 г. во всех губерниях, кроме этих двух. Кроме этого, в этих двух губерниях стали активно набирать в рекруты местных однодворцев. В губерниях, прилегающих к театрам войны с Швецией и Турцией (Киевской, Азовской, Смоленской и Санкт - Петербургской) рекрут велено было держать до указов на местных рекрутских станциях, а

рекрут других четырёх губерний – доставлять на рекрутские станции Московской губернии (о начале переброске рекрут в эту губернию следовало предварительно уведомить Сенат для предварительной подготовки рекрутских станций). Остались неизменными обычные требования доставлять рекрут с деньгами в 1 рубль («рублёвые деньги»), мундиром и продовольствием на год (ржаная мука и крупы – всего три четырёхпудовых четверти, получалось по 1 кг печёного хлеба в день и два раза в неделю по порции каши, однако, часть муки, очевидно, можно было выменять на мясо и рыбу). «Мундир» должен был состоять из кафтана сермяжного, камзола крашенинного, шапки, штанов, «чириков» и чулок. Рекрут следовало доставлять на станции партиями по 200 – 300 человек[237]. От этого набора освобождались города с уездами, приписанные к Санкт – Петербургскому флоту. Были установлены жёсткие штрафы за невыполнение планов рекрутского набора в срок. Московская губерния должна была прислать всех рекрут в первых числах марта. Санкт – Петербургская, Киевская и Азовская губернии должны были закончить набор в марте. Нижний Новгород и другие города Казанской губернии по Волге выше Нижнего – в средних числах марта, а остальная часть Казанской губернии – в первых числах мая, Сибирская губерния – в мае, Архангелогородская – половина в марте, а другая половина в мае. За срыв сроков набора губернаторы подлежали штрафу в размере один рубль за каждого не поставленного рекрута. Если виновны в таком нарушении были помещики, вотчинники, приказчики дворцовых и архиерейских вотчин, то эти нарушители уже через неделю после окончания срока набора рекрут платили по рублю за человека, чтобы компенсировать штраф, губернатору, и ещё рубль сверху государству. За неуплату штрафа в течении недели дополнительно платили по пять

рублей за человека[238]. Однако, такому штрафу не подлежал губернатор Санкт- Петербургской губернии. Рекруты этой губернии после сбора подлежали сразу зачислению в гарнизонные полки этой губернии, а не в полевую армию.

Однако, строгие указы о штрафах за нарушение плана рекрутского набора выполнялись плохо. 1 июля 1713 г. Сенат разрешил в Московской губернии брать штрафы с помещиков и вотчинников, срывавших сроки рекрутского набора, только с 20 августа этого года[239].

19 ноября 1713 г. начался очередной 11 - й рекрутский набор по норме одного рекрута с 50 дворов, при этом рекрутские недоимки за 1711 – 1713 гг. оставались большими. От набора освобождались города, приписанные к флоту и те местности Московской губернии, с которых собирали матросский набор с 50 дворов в 1713 г. Сенат требовал присылать отчёты о состоянии рекрутского набора каждые две недели. От штрафов по рублю за одного вовремя не поставленного рекрута освобождались только санкт – петербургский и азовский губернаторы[240].

12 – й набор в 1715 г. был объявлен приговором Сената от 12 февраля по норме одного рекрута с 75 дворов по переписи 1678 г., кроме городов, приписанных к флоту[241]. План набора составил 10 314 человек. В обычные правила набора были внесены изменения. Рекрутский «мундир» уже не требовался, рекрут велено было вести на службу в обычной одежде, только следить, чтобы зимой они были обеспечены подходящей для этого сезона одеждой. Вместо такого облегчения рекрутских денег брали с отдатчиков не 1 рубль, а 1,6 рубля за рекрута (деньги велено было пересылать в Адмиралтейскую канцелярию). Ещё одним нововведением было отправка в полевую

армию половины необходимого количества рекрут из числа гарнизонных солдат (под действие этого указа не попадали гарнизонные солдаты, переведённые в гарнизоны по возрасту и состоянию здоровья из армии на более лёгкую службу). Таким образом, половина рекрут первый год своей службы служила на более лёгкой, чем полевая, гарнизонной службе, где солдаты вообще жили своими дворами с семьями. Это остроумное решение позволило лучше подготовить солдат к тяготам службы в полевой армии. Вторая половина рекрут и гарнизонные солдаты направлялись в Санкт – Петербург, очевидно, для пополнения русского Финляндского корпуса. Обеспечение рекрут провиантом, а также категории населения, с которых шёл набор (крестьяне, бобыльские, «деловые», «задворные» и посадские дворы) остались прежними.

Несмотря на объявление нового набора, рекрутские недоимки по всей стране были велики. Ещё по набору 1714 г. в оба полка лейб – гвардии, а также в привилегированные (фельдмаршальские) Ингерманландский и Астраханский полки Московская губерния не дослала 305 рекрут, в Финляндский корпус Московская, Казанская и Архангелогородская губернии не дослали соответственно 2301, 1000 и 475 человек. В драгунскую дивизию генерал – лейтенанта Боура (Бауэра) было не дослано из Московской губернии 2647 человек, а в Санкт – Петербург - 281. Ещё 7 256 рекрут должно было содержаться в готовности на губернских рекрутских станциях по докладам губернаторов. Всего долг губерний по рекрутам на момент начала нового рекрутского набора составил 14265 человек, что значительно превышало план нового набора. По другим данным недоимки составляли 15868 рекрут. Эти рекрутские недоимки Сенат требовал выслать в Санкт – Петербург как можно скорее.

Как фактически проходил 12 – й рекрутский набор в Сибирской губернии видно по сохранившимся документам небольшой пограничной крепости Кузнецк. Город имел гарнизон из служилых казаков и жил в условиях постоянной опасности набегов воинственных степных кочевников. 12 – й набор приказано было проводить по переписным книгам 1678 г., но в Кузнецке была перепись только в 1674 г. Однако, по этой переписи в городе ещё не было посадских дворов. По переписи же 1710 г. в Кузнецке и округе числилось 31 посадский и 47 крестьянских дворов, поэтому власти решили, вопреки прямому указанию Сената, брать рекрут именно по этой последней переписи. Незадолго до набора 1715 г. в результате набега кочевников Кузнецк лишился 25 тяглых дворов (треть всего тяглого населения!), но это не было принято во внимание властями. Фактически набор шёл не с 75 дворов одного рекрута, а с 51 двора. Указ требовал снабдить рекрута 1,6 рубля денег, но для проезда до губернского центра Тобольска этого бы не хватило, поэтому на прогоны (то есть на дорогу) взятому в рекруты пашенному крестьянину П. Н. Красулину было дано 3 рубля и ещё было собрано с тяглых дворов (очевидно, взамен провианта) 5,3 рубля. Для проезда была дана лошадь с санями и хомутом. Сопровождали рекрута до Тобольска два кузнецких служилых человека[242]. Как видно на этом примере, наиболее тяжёлой стороной рекрутского набора для населения было игнорирование властями уменьшения количества тяглых дворов со времени последней переписи. Причём для Кузнецка особенно необходимо было сделать исключение из – за недавнего набега на город кочевников. Неоправданным был и набор рекрут для службы за сотни вёрст от своего дома, то есть от пограничных крепостей, где и так была нужда в гарнизонных солдатах. В условиях

Сибири бессмысленно мало по указу центральных властей собиралось рекрутных денег, поэтому местным властям приходилось своей властью многократно повышать эту сумму. Центральные власти плохо знали обстановку на такой далёкой окраине как Сибирь, что вызывало ненужное отягощение на местах от рекрутского набора.

Идея о том, чтобы часть рекрут оставлять на гарнизонной службе для облегчения первого времени их службы, была несколько изменена именным указом от 13 марта 1716 г.[243] С этого времени разрешалось оставить в гарнизонных войсках губерний от трети до четверти всех новонабранных рекрут. Для недопущения зачисления в одни полки хороших рекрут, а в другие мало годных, царь приказал разделить всех рекрут на три категории: гарнизонных солдат, «лучших» рекрут, «средних» рекрут. Все полки должны пополняться в равной пропорции всеми этими тремя категориями рекрут. Среди гарнизонных солдат были негодные для полевой армии, таких было запрещено направлять в полевую армию. Царь грозил каторгой и конфискацией за нарушение указа. Все «приводцы» рекрут (командиры рекрутских партий) были обязаны после привода своей рекрутской команды подать отчёт об этом в Военную канцелярию.

Очередной, 13 – й, набор был объявлен 10 декабря 1716 г. со 100 дворов. Местности, приписанные к флоту, по – прежнему от набора освобождались. Планировалось собрать 7 694 человека.

13 декабря 1717 г. был объявлен 14 – й рекрутский набор для пополнения Финляндского корпуса с 79 дворов. Из этого набора были исключены Казанская и Азовская губернии, так как с них уже были взяты рекруты в войско А. Бековича - Черкасского. План набора – 7 730 человек. Царь предписал использовать рекрут, присылаемых в Адмиралтейство Ф. М. Апраксину, таким образом, чтобы четыре

пятых из них попадало в Финляндский корпус, а пятая часть – в армейские полки на острове Котлин, которые также использовались и на разных работах в Адмиралтействе (этот именной указ цитируется в доношении Ф. М. Апраксина царю от 25 июля 1718 г.)[244].

20 ноября 1718 г. Сенат объявил новый 15 – й рекрутский набор по норме одного рекрута с 50 дворов с «задворных», «деловых», бобыльских и крестьянских дворов всех категорий, кроме городов, приписанных к флоту. Посадские дворы в указе не упоминаются, следовательно, они были от набора освобождены. Все правила набора оставались неизменными. Рекрут требовалось выставить к марту 1719 г. Из собранных 17 929 человек должно было быть отправлено в Санкт – Петербург (очевидно, в Финляндский корпус и на флот), а остальные 5 191 рекрут – во все прочие армейские группировки и гарнизоны. На губерниях лежали многочисленные рекрутские недоимки прошлых наборов. Московской губернии матросские наборы 1716 и 1717 гг. (4 000 человек) засчитывались в счёт недоимки, начиная с 1711 г. Санкт – Петербургской губернии засчитывались в недоимку срочно взятые 2 302 рекрута. Для понуждения губернаторов, вице – губернаторов и ландратов посылались на места унтер – офицеры (очевидно, из гвардии)[245].

В период управления рекрутскими наборами Сената в 1711 – 1718 гг. прошло восемь номерных, самых масштабных, рекрутских набора. Падение напряженности в военных действиях Северной войны позволило уменьшить норму набора с 20 дворов в 1705 – 1710 гг. до 33 – 100 дворов. Норма набора стала разной в разные годы. Она определялась конкретными потребностями армии в новобранцах, заново подсчитываемых каждый год «комиссариатской» службой армии. Более или менее серьёзные военные действия в этот период

шли только в 1711 – 1714 гг. (Прутский поход, первый Померанский поход, оккупация Финляндии), а период 1715 – 1718 гг. в Северной войне вообще можно назвать «странной войной» - фактически военные действия не велись. Средняя норма 8 – 11 – го наборов в 1711 – 1714 гг. составила примерно один рекрут с 41 двора, а 12 – 15 – го наборов в 1715 – 1718 гг. – один рекрут с 76 дворов, почти в два раза больше (то есть в два раза менее обременительно для населения). А если учесть, что в 1711 г. было сразу два номерных набора (8 – й и 9 - й), то соотношение будет ещё более разительным. Дело дошло до того, что впервые за многие годы в зиму 1715 – 1716 гг. не было объявлено нового номерного рекрутского набора, как это практиковалось каждую зиму с зимы 1704 – 1705 гг. К 1718 г. из – за очень небольших норм рекрутских наборов стала сильно ощущаться нехватка рекрут в войсках, поэтому наборы конца 1717 – 1718 гг. (14 – й и 15 – й) проходили по несколько более ужесточённой норме – если 13 – й набор имел норму в 100 дворов на одного рекрута, то 14 – й и 15 – й наборы – 79 и 50 дворов соответственно. До очень жёстких норм 1705 – 1710 гг. (один рекрут с 20 дворов) дело всё равно не дошло. Рекрутская проблема окончательно потеряла свою остроту и стратегическое значение.

3. Чрезвычайные рекрутские наборы 1711 – 1718 годов

Кроме текущих наборов иногда по случаю проводились небольшие чрезвычайные рекрутские наборы с отдельных местностей. Эти местные наборы потом зачитывались губерниям в общие наборы. В губерниях также несколько изменяли условия таких рекрутских наборов с учётом местных особенностей.

Для Киевской губернии можно подробнее восстановить эти особенности благодаря сохранившимся документам. Для пополнения армии в войне против турок в 1711 г. было решено срочно набрать 3000 рекрут в ближайшей к театру военных действий Киевской губернии по норме один рекрут с 9 дворов. Указ царя об этом был передан в губернию через канцлера Г. И. Головкина (получен в Киевской губернии 1 марта 1711 г.)[246]. Губернские власти при наборе применяли норму один рекрут с 10 дворов. Всего было набрано 2 746 рекрут. Соответственно этой губернии эти экстренно взятые рекруты были зачтены в идущие рекрутские наборы, в количестве 2 500 человек[247].

Рекрутские наборы в губерниях, где было много однодворцев, имели свои особенности. В Киевской губернии переписью 1710 г. было учтено 16205 дворов однодворцев[248]. В 10 – й рекрутский набор по приговору Сената от 15 января 1713 г. с 40 дворов впервые эти однодворцы должны были участвовать как обычные тяглые дворы, соответственно и наряд на губернию вырос. Однако, губернские власти при наборе самовольно переменили норму с 40 дворов на 27, освободив однодворцев от поставки рекрут. Такая самостоятельность губернаторов, очевидно, считалась центральными властями вполне терпимой.

В 11 – й набор по приговору Сената от 17 ноября 1713 г. с 50 дворов Киевской губернии, очевидно, разрешили зачесть часть излишне взятых ранее рекрут, потому что в губернии изменили норму с 50 на 138 дворов и вместо первоначального наряда в 554 человека, губернские власти запланировали набрать 202 рекрута, а фактически набрали 157 человек.

В 1715 г. Сенат решил зачесть посаду Вологды рекрут, взятых ещё по набору с посадских 1703 г. Не взятых с Вологды в текущий набор рекрут разверстали по губерниям. На Киевскую пришлось 18 человек. Губернские власти решили взять этих рекрут по норме одного со 115 дворов с какого – то уезда губернии (больше всего подходит Курский уезд, в котором по переписи 1710 г. числилось 2 116 дворов). Фактически было взято 12 человек. В августе 1715 г. на Киевскую губернию пришлось 10 рекрут для освобождения посада Ростова от текущего набора в зачёт того же набора посадских 1703 г. Фактически было взято 8 рекрут. Судя по норме, которую установила губерния – с 207 дворов – эти рекруты были взяты с Карачевского уезда. Как видно, любые, даже вполне справедливые освобождения от рекрутского набора непременно компенсировались взятием дополнительных рекрут с прочих местностей.

Именным указом от 19 декабря 1715 г. было предписано Канцелярии рекрутного счёта А. И. Ушакова взять в солдатскую службу вольноотпущенных людей боярских и самых бедных недорослей из служилых сословий. Через год, 27 декабря 1716 г. А. Ушаков доносил в Сенат, что набрано по этому указу 409 человек и просил указать, откуда взять для них провиант, подводы, жалованье, прогоны (деньги на оплату подвод) и куда послать[249]. Сенат приговором от 3 января 1717 г. (присутствовал на заседании Сената только один сенатор И. Мусин - Пушкин) приговорил отправить собранных рекрут в Финляндский корпус через санкт – петербургское Адмиралтейство. Провиант и подводы было предписано взять в Московской губернии, а жалованье и прогоны – из сборных рекрутских денег[250]. Доклад А. Ушакова об отправке рекрут в Санкт – Петербург Сенат получил 23 февраля 1717 г. К этому времени из 409

рекрут осталось только 374. Остальные 35 рекрут за прошедшие 58 дней бежали. Эта рекрутская партия ушла под командой солдата Преображенского полка А. Козинского и подпоручика М. Шипова[251]. Сохранившийся именной список рекрут[252] показывает, что в составе этой партии было недорослей 123 человека (из них добровольно явились на службу 54), людей боярских 170 человек, пойманных беглых солдат из Козельска 31 человек, посадских 10, подьячих детей 2, гулящих людей 38 человек (в том числе взятых по доносам 25, из них по доносам фискалов 2). До Санкт – Петербурга из этой партии дошло 353 человека, прочие 21 человек бежали дорогой[253]. Сенат 27 марта 1717 г. уточнил, что рекрут из недорослей надо зачислить в привилегированные Ингерманландский и Астраханский пехотные полки, а прочих перебросить вместе с партией сибирских рекрут через Выборг в столицу Финляндии Або (Абов) в распоряжение командования русского Финляндского корпуса. Заболевших дорогой было велено оставлять в попутных городах под ответственность местных комендантов[254]. Ингерманландский и Астраханский полки считались фельдмаршальскими – личной гвардией соответственно фельдмаршалов А. Д. Меншикова (Ингерманландский полк, А. Д. Меншиков был губернатором Ингерманландской, впоследствии названной Санкт – Петербургской, губернии) и Б. П. Шереметева (Астраханский полк, Б. П. Шереметев успешно справился с подавлением Астраханского восстания). Выяснилось, что рекруты из людей боярских и других чинов и из Сибири не имеют подходящей обуви. В конвой до Абова (столица Финляндии) им было назначено 110 солдат, то есть по одному конвойному на 3 – 4 рекрута[255]. К 17 апреля 1717 г. из этой партии умерло ещё 30 человек. Переброска осложнялась ещё и тем, что идущий в Финляндию Нарвский

драгунский полк потравил все корма для лошадей[256]. В Выборге было оставлено 22 больных солдата конвоя (из них 1 уже умер) и 31 больной рекрут (из них умер 1), бежало 2 рекрута[257].

В связи с разгромом в Средней Азии русского отряда под командованием А. Бековича – Черкасского и последовавшего за тем в этом же году набега центральноазиатских кочевников на симбирские и пензенские земли Пётр 15 ноября 1717 г. велел срочно провести местный рекрутский набор в Казанской и Нижегородской губерниях, чтобы сформировать из этих рекрут полк для пополнения гарнизона Астрахани[258]. Взятые по этому частному набору рекруты были зачтены в очередной номерной набор[259].

Царь распорядился[260] провести рекрутский набор лучших грамотных людей боярских в унтер – офицеры по 100 – 150 человек в каждую дивизию русской армии, пехотную и конную, которых в то время всего насчитывалось семь. Для текущего пополнения войск такими отборными грамотными унтер – офицерами из людей боярских было решено постоянно держать в Москве батальон таких рекрут, постоянно пополняя его по мере необходимости.

Союзник царя прусский король просил его прислать в прусскую армию высокорослых рекрут в гренадёры, очевидно, на определённый срок. Рекрутский набор 200 высокорослых рекрут (по присланной из Пруссии мерке) возрастом не старше 50 лет был объявлен по всей стране указом от 17 ноября 1716 г.[261] Сам возраст рекрут показывает, что набирались они не для серьёзной службы, а лишь для угождения странному капризу прусского короля.

Чрезвычайные наборы в 1711 – 1718 гг. случались редко и были очень малочисленны. Практически все они зачитывались в очередной номерной набор. Характерно, что чрезвычайный характер наборы

приобретали в этот период только при не очень удачном ведении военных действий против турок и среднеазиатских ханств, а не против шведов. Практически никакого серьёзного значения эти небольшие чрезвычайные наборы уже не имели. Всё более упорядоченное управление рекрутскими делами привело к отмиранию чрезвычайных рекрутских наборов, как и традиционных наборов даточных.

4. Ландмилицкие рекрутские наборы

Опасность войны с Турцией требовала усиления обороны Киевской и Азовской губерний. В обеих этих губерниях приговором Сената от 2 февраля 1713 г. был объявлен ландмилицкий рекрутский набор[262]. Ещё в 1712 г. было решено сократить («скасовать») в русской армии семь малочисленных пехотных полков, чтобы пополнить их служащими прочие полки. Теперь было решено всё же пять из этих полков не сокращать, а переформировать в ландмилицкие, разместить их гарнизонами в Киевской губернии (а четыре гарнизонных полка губернии передать в полевую армию) и платить этим вновь созданным ландмилицким полкам гарнизонное жалованье. Снабжение новой ландмилиции мундиром было возложено на губернские власти. Для пополнения этих полков было приказано набрать в Киевской и Азовской губерниях по 3 500 человек из отставных служилых людей (солдат, драгун, пушкарей, казаков, стрельцов) и членов их семей возрастом от 15 до 30 лет.

Однако, первой ландмилицкой группировкой русской армии стала всё же не украинская, а санкт – петербургская ландмилиция. На время Прутского похода 1711 г. царь оставил А. Д. Меншикова вести войну на Балтике. Временщик получил столько власти, что и Сенат не

мог принудить его поставлять рекрут со своей губернии в общегосударственные наборы этого года, при этом ситуация в Санкт – Петербургской губернии действительно была сложной из – за продолжавшейся здесь чумы и большого числа разбойников. Меншиков предложил царю набрать в его губернии три драгунских полка на летний сезон, поскольку собрать таких временных солдат гораздо легче, чем обычных постоянных[263]. Так начался ландмилицкий набор Санкт - Петербургской губернии 1711 г., который единственный раз за всю историю рекрутской системы России был объявлен и вёлся не центральными, а губернскими властями. Набор шёл по самой тяжёлой норме во всё время Петра I – один рекрут с 10 дворов. Первоначально было набрано три полка, причём вопреки планам А. Д. Меншикова, это были не драгунские, а пехотные полки, по боеспособности, впрочем, не дотягивавшие и до гарнизонных. «Ландмилицы» несли гарнизонную службу (посыльная служба, охрана казны, борьба с разбоями, конвоирование преступников и рекрут, денщики) и участвовали в строительных работах. Мундиром, оружием, провиантом и жалованьем ландмилицев обязан был снабдить отдатчик – помещик, монастырь, крепостными которых ландмилицы продолжали числиться, или крестьянская и посадская община для дворцовых крестьян и посадских. Большую часть года они находились по домам и только на короткое время были на службе. По документам известно, что рекруты в ландмилицию набирались в Новгородском, Псковском, Ярославском, Угличском, Кашинском, Бежецком, Старорусском, Новоторжском уездах и в Новоторжском посаде. Большинство известных на сегодня ландмилицев были монастырским крестьянами[264].

В 1716 г. был сформирован четвёртый полк санкт – петербургской ландмилиции – Шепелев[265]. В 1719 г. обе ландмилиции – украинская (существовала с 1713 г.) и санкт – петербургская – были ликвидированы, а многие ландмилицы были взяты в очередной общий рекрутский набор. К этому моменту ландмилицкий набор с 10 дворов в Санкт – Петербургской губернии так и не был завершён. Ещё в 1720 г. шёл этот набор, но рекруты уже направлялись в обычные, а не ландмилицкие полки. Скорее всего, этот набор был прекращён в 1721 г., когда по случаю окончания Северной войны были прощены многие недоимки, в том числе и рекрутские.

А. Д. Меншикову путём создания такого губернского полурегулярного войска удалось на некоторое время уберечь часть налогоплательщиков своей губернии от рекрутских наборов. План этого набора составлял примерно 18 тысяч человек. Фактически набрано было за восемь лет около 4 тысяч человек. Если бы такими темпами губернатор продолжал свой набор и дальше, то он продлился бы ещё тридцать шесть лет - до 1755 г.

Создание ландмилиции в России начиная с 1711 г. было попыткой сохранить в усовершенствованной форме элементы поместной системы комплектования армии. Несовершенство таких войск бросалось в глаза в столичной, Санкт – Петербургской, губернии, поэтому здесь ландмилиция была ликвидирована уже в 1719 г., поскольку ни на что, кроме некоторых строительных работ это полурегулярное войско не годилось. На юге России для обороны от крымских татар и турок ландмилиция оказалась более уместной и просуществовала вплоть до 1770 – х гг.

5. Рекрутские проблемы

С 1712 г. разворачиваются масштабные военные действия России и её союзников против шведских владений в северной Германии, которые в России стали называть Померанским походом. Рекрут для дивизии Н. И. Репнина, двинувшейся весной в Германию всё – таки так и не получив полного комплекта пополнения, собирали в Смоленске (по именному указу от 17 января 1712 г.)[266]. По мере готовности пришлось перебрасывать их специальными отрядами через всю Польшу, через заграничную территорию, на которой и обеспечить их всем необходимым было труднее, и бежать им было легче.

В армии требовала усовершенствования медицинская служба. Приговором Сената от 8 января 1713 г.[267] штат возчиков («фурлейторов») полковых медицинских служб стали пополнять из числа рекрут.

В это время в губерниях постоянно не хватало гарнизонных войск для охранной и конвойной службы, обычно используемых, в том числе, и для конвоирования рекрут в армейские полки. 11 марта 1712 г. Сенат разрешил из числа собранных в Московской губернии рекрут оставить в столичном гарнизоне 500 человек[268].

В 1712 г. особой нехватки рекрут армия не испытывала. Помня, однако, о быстро меняющейся военной обстановке, больших масштабах бегства, эпидемий и болезней в войсках рекрут стали набирать в запас. 2 мая 1712 г. Сенат приговорил всех набираемых по нарядам прошлого, 1711 г., собирать и держать на рекрутских станциях, с тем чтобы всегда был запас рекрут в размере половины штата солдат и урядников всех приписанных к этим губерниям полков. Собранных рекрут следовало держать на рекрутских станциях

в городах вблизи границ Московской губернии (а рекрут Московской и Сибирской, а впоследствии и Архангельской губерний – в городах Московской губернии). Санкт – Петербургская губерния в этих сборах рекрут не участвовала. Чтобы улучшить обеспечение рекрут всем необходимым Сенат приказал иметь при каждой рекрутской партии особого офицера – комиссара, контролирующего правильность выдачи рекрутам еды и денег. В качестве командиров рекрутских партий Сенат указал назначать «офицеров, людей добрых», чтобы при постое на обывательских квартирах рекруты не бежали, не воровали, не причиняли никому разорения и обид. Рекрут следовало учить военному «артикулу»[269]. Во время такого содержания рекрут в запасе на рекрутских станциях Сенат указал снабжать их от своих губерний провиантом (в месяц по полуосмине, то есть по пуду, по 16 кг ржаной муки, по четверику на 8 человек крупы, примерно по 2 кг на человека) и жалованьем (по 1 коп. в день). За плохое содержание рекрут командир и комиссар рекрутской команды наказывались смертной казнью, а губернатор – «жестоким истязанием»[270]. Часть губерний истолковала этот указ как объявление нового набора, однако в 1713 г. Сенат разъяснил, что это не так, рекрут прекратили держать в запас на станциях, а излишне набранные были зачтены в новый набор с 40 дворов[271].

В связи с введением в полках должности полковых фискалов, обязанных докладывать обо всех нарушениях, Военная канцелярия не разрешила таким фискалам брать себе денщиков из рекрут, а только выделила полковым фискалам по 6 рублей в год на содержание слуги[272].

Проблема бегства рекрут заставляла власти вести их на службу с рекрутских станций в полки под конвоем (обычно для этого

использовались гарнизонные солдаты). Например, для переброски 2 588 рекрут из Москвы в Ригу в марте 1711 г. было выделено 208 солдат московского гарнизона (примерно по 1 конвойному на 12 – 13 рекрут)[273]. Рекрутские партии обязательно снабжались подводами для перевозки провианта, обычно, ржаной муки и круп. В апреле 1711 г. на партию в 500 рекрут, отправленную из Приказа артиллерии в Брянск было выделено по подводе на 8 рекрут – 62 поводы[274]. Партия в 3950 рекрут, отправленная в армию, двинувшуюся в Прутский поход в феврале 1711 г., была снабжена 646 подводами по той же норме[275].

Большое количество рекрут направлялось в недавно завоёванную и пережившую опустошительную эпидемию чумы Ригу. Переброска рекрутских партий сюда из Москвы имела свои особенности. Была возможность сэкономить время и средства путём транспортировки рекрут речным путём по Западной Двине из Смоленской губернии через территорию Речи Посполитой. Правда, судоходство здесь из – за порожистости реки было возможно только в весенний паводок. Обычно готовили струги для рекрут по одному стругу на 100 человек. Гребцами на судах должны были быть сами рекруты. Весной 1711 г. таким образом в Ригу была отправлены четыре рекрутских батальона (батальоны Л. Стрекалова, И. Баскакова, П. Захарова, Я. Аверкиева) московских рекрут в 2 588 человек[276]. Переброска рекрут весной была сложнее и дольше обычного из – за распутицы. Сенат, не получая донесений об успешном завершении переброски рекрут в Ригу, послал офицера по пути следования рекрутских батальонов через Витебск и Полоцк в Ригу чтобы понуждать двигаться их быстрее[277].

После прибытия в полк рекруты некоторое время получали более низкое жалованье, чем старые солдаты, и они продолжали числиться рекрутами, очевидно, до истечения первого года их службы в полку.

Все полки русской армии, пехотные и драгунские, полевые и гарнизонные, состояли из двух батальонов, причём один из батальонов назывался рекрутским, а второй – солдатским или драгунским. Например, в московском гарнизоне на 27 апреля 1711 г. числилось в полку Лямкина 494 старых солдата и 406 рекрут, прибывших в этом же 1711 г. (ещё 300 рекрут бежало, а 16 рекрут умерло), в полку Вельяминова – Зернова – 438 старых солдата и 135 рекрут (ещё 264 рекрута бежало и 3 умерло), в полку Баранчеева – 444 старых солдата, 241 финн (присланы в 1710 г.) и 107 рекрут из Казанской губернии (ещё 115 рекрут бежало и 3 умерло), в полку Воронецкого – 717 старых солдат, 191 финн и 1 078 рекрут (ещё 606 рекрут бежало и 57 умерло). Старые солдаты и финны получали жалованья по 60 коп. в месяц, а рекруты – по 50 коп.[278]

Большие размеры бегства рекрут, высокая заболеваемость и смертность среди них заставили Сенат заняться улучшением содержания рекрут[279]. Специальная сенатская комиссия посетила места содержания рекрут в Москве. К этому времени их содержали в Новоспасском и Симоновом монастырях, в кельях, в тесноте и духоте. Сенат приказал в местах содержания рекрут назначать «нарочных присмотрщиков добрых» для хорошего содержания рекрут. Следовало от губерний давать рекрутам жалованье с момента набора до прибытия в полк по 45 коп. в месяц, а при переброске – 60 коп. в месяц. Кроме этого, выдавать провиант мукой, крупой и солью по солдатским нормам. Больным и цынготным рекрутам Сенат велел выдавать по кружке уксуса в неделю, по кружке пива раз в два дня и по чарке вина в день (уксус, пиво и вино тогда считались лекарством). Для контроля надсмотрщики за рекрутами на станциях и отводчики обязаны были ежедневно вести приходно – расходные книги для

таких «дач». Переброска рекрут из рекрутских станций в полки могла длиться от месяца до двух и более. Зачастую было трудно везти с рекрутами многочисленные подводы под провиант для них, поэтому разрешалось в этих случаях снабжать рекрутские партии деньгами. Хотя бы часть рекрут следовало держать не в монастырских кельях, а в специально построенных при монастырях огороженных рекрутских дворах из нескольких изб. Зачастую переброска рекрут сильно задерживалась из – за невозможности быстро обеспечить рекрутские партии подводами или речными судами. Иногда коррумпированные отводчики распускали за взятки приставленные по государственной повинности подводы для рекрутских партий и рекруты вынуждены были нести свой провиант на себе. Бывало, что отводчики силой отнимали подводы и всё необходимое для рекрут у местного населения. Были и случаи освобождения от рекрутской повинности за взятку. Например, 30 марта 1713 г. Расправная палата при Сенате, аппеляционная судебная инстанция, рассматривала дело приказчика Булгакова, который за взятку отпустил домой четырёх монастырских крестьян, взятых в рекруты[280].

Очередную партию рекрут привели на службу в только что завоёванную Ригу, закованными в кандалы. Это произвело такое сильное впечатление на западноевропейских купцов, которых много было в Риге, что санкт – петербургский губернатор А. Д. Меншиков и комендант Риги просили Сенат обращаться с рекрутами лучше, чтобы не позорить Россию перед иностранцами[281]. Сенат, однако, всё равно приказывал ковать рекрут в кандалы, правда, только на ночёвках[282].

Медицинское обеспечение рекрут несколько улучшилось с организацией в Санкт – Петербурге первого в стране военного лазарета по сенатскому приговору от 11 июня 1716 г.[283] Однако,

обязанность снабдить рекрута подходящей одеждой к этому времени с отдатчиков была снята. Стали учащаться случаи, когда в лазарет попадали рекруты без нормальной одежды. Специальным сенатским приговором таких рекрут брать в лазарет было запрещено[284].

Много толков среди населения, особенно среди раскольников, вызвало в 1712 г. распоряжение царя для борьбы с бегством рекрут татуировать (накалывать порохом) им на левой руке за большим пальцем крест. Раскольники прозвали эту татуировку «печатью Антихриста»[285]. Впоследствии даже в официальных документах этот знак именовался «рекрутским пятном» и, действительно, чтобы прекратить сравнения этого рекрутского клейма со священным символом христианства фактически на руке рекрута очень скоро стали татуировать пятно неопределённой формы, а не крест. Такая татуировка позволяла более эффективно бороться с бегством рекрут и солдат и применялась весь оставшийся период правления Петра.

6. Освобождения при рекрутских наборах

Как и в предыдущий период остро стояла проблема выставления заместителя в рекрутский набор. Трудность состояла в том, что сложились целые шайки таких лжезаместителей, которые получив деньги за наём входили в число рекрут, но быстро бежали с дороги (всё – таки рекрут охраняли не так строго как каторжников и бывалому уголовнику бежать из рекрут было сравнительно легко) и снова шли наниматься в такие лжезаместители. Выставление наёмного заместителя в рекрутский набор разрешалось, но только при условии, что такой «наёмщик» должен быть из вольных, а не из чужих крепостных людей и крепостных крестьян. Если для

частновладельческих крепостных запрет был сформулирован чётко, то дворцовые и монастырские (и иных церковные) крепостные в сенатском приговоре не упоминаются вовсе[286]. За нарушение отдатчик (обычно помещик) наказывались штрафом в 50 рублей. Однако, уже неправильно зачисленный «наёмщик» из крепостных со службы уже не возвращался.

В 1715 г. выставление в рекруты заместителя («наёмщика») было всё же запрещено именным указом. Перед этим в Москве троицкие крестьяне (то есть крестьяне самого большого в России Троице – Сергиева монастыря) выставили на службу таких «наёмщиков» под своими именами. Уловка вскрылась. С крестьян взяли по 20 рублей за не поставленного рекрута и ещё по 20 рублей штрафа. После этого царь велел впредь при вскрытии подобных фактов наказывать взысканием трёхлетнего солдатского жалованья, а при рецидиве – наказывать кнутом и ссылать на каторгу на 10 лет[287]. В 1716 г. фискалы Смоленской губернии взыскали с мещовского помещика С. Шеметова штраф в 36 руб. за отдачу в рекруты наёмщика[288].

В 1717 г. выставление «наёмщиков» снова было разрешено. Запрещено только было нанимать в такой «наём» беглых и «воров» (очевидно, разыскиваемых преступников). В случае бегства со службы таких «наёмщиков» те, кто его выставил, обязаны были выставить другого человека. Учёт этих процессов возлагался на Военный приказ[289].

Полностью были освобождены от поставки рекрут 5 октября 1713 г. солдатские и драгунские жёны в Азовской губернии, чьи мужья находились на службе, не имевшие крепостных крестьян, дворовых и сыновей старше 12 лет[290]. По общему правилу, семьи солдат и драгун, как семьи служилого сословия, и так освобождались от рекрутчины,

но годные к службе мужчины этого сословия обязаны были служить. Фактически это правило не касалось однодворцев, которые в одних случаях власть признавала служилым, а в других случаях тяглым сословием. Это освобождение азовских однодворцев от рекрутской повинности приравнивало их к служилому сословию. Однодворцы других губерний, где такая категория населения существовала, очевидно, продолжали приравниваться к тяглым сословиям.

В ходе строительства Санкт – Петербурга много работников из всех категорий крестьян и посадских было переселено властями в новую столицу, что являлось тяжёлой повинностью для всей страны. 10 ноября 1714 г. царь велел зачесть таких навечно переселённых в счёт рекрутских наборов. За переселившегося с семьёй и детьми работника, женатого или вдового, следовало зачесть двух рекрут, а за переселившегося холостого – одного. За часть таких работников государство заплатило их владельцам, практически выкупив их таким образом на волю. Другая часть была переселена без такого выкупа (очевидно, переселена на временную работу), а, следовательно, помещики их обязаны были по – прежнему платить за них все налоги и нести повинности[291].

Четыре города Санкт – Петербургской губернии (Олонец, Каргополь, Белозеро и Устюжна - Железопольская) и один город Архангельской губернии (Чаронда) с округами считались приписанными к флоту и поэтому были освобождены от рекрутской повинности в 1712 – 1719 гг. Вместо этого эти города каждый год отправляли 3 306 плотников на строительство флота, снабжая их деньгами на дорогу до верфей и обратно. Всего в этих приписанных к флоту городах по переписи 1678 г. числилось 26 144 двора. Переписи 1707 и 1710 гг. показали снижение численности жилых тяглых дворов

в этих городах до 15 751 двора. Плотники выставлялись по норме один человек с 4 купеческих и дворцовых крестьянских дворов и с 5 монастырских и помещичьих крестьянских дворов. Сначала каждому плотнику собирали на год по 50 копеек, потом по 1,245 рубля, а потом по 1,73 рубля. Город Олонец с округой сохранил освобождение от рекрутской повинности и после 1719 г.[292]

Сохранялись большие рекрутские недоимки ещё со времён, предшествующих созданию Сената. Например, на момент создания Сената в самой большой, Московской, губернии примерно на 250 тысяч тяглых дворов числилось в недоимке 19 682 рекрута[293], в том числе первых пяти наборов 1705 – 1709 гг., которыми занимался Поместный приказ, 1 934 человека, шестого набора 1710 г., которым в Московской губернии занимался Военный приказ, 2 655 человек, набора по указу от 1 февраля 1711 г. с 10 дворов (проводился только с уездов Москвы и ближайших к ней 27 городов) 8 693 рекрута, не взятых с Костромы и Рязани 6 400 рекрут. Если бы эти рекруты были взысканы, то получился набор по самой тяжёлой норме – с 10 дворов, и то это без учёта дворов, опустевших со времён переписи 1678 г.

Частично эти недоимки были заменены выплатой денег. 13 марта 1713 г. Сенат приговорил заменить взятие рекрута с «перехожих» дворов по рекрутским наборам 1705 -1711 гг., по которым должна была быть проведена «складка», но не проводилась, выплатой 20 рублей за одного не поставленного рекрута. «Перехожие» дворы образовались из - за не кратности числа дворов у отдатчика (помещика, крестьянской или посадской общины) норме набора. Если у отдатчика был 21 двор, а набор шёл по одному рекруту с 20 дворов, то один двор здесь становился «перехожим». Такими дворами таким отдатчикам было положено складываться и бросать жребий.

Вытащивший жребий выставлял рекрута, а прочие «складчики» компенсировали ему соответствующую сумму. Фактически из – за сложности и потенциальной конфликтности процедуры такие «складки» почти не проводились. 4 ноября 1713 г. Сенат приговорил дополнительно взять за таких перехожих рекрут по рублю за мундир и провиант в счёт первых шести наборов и по два рубля в счёт седьмого набора[294].

Проблемой было запустение многих тяглых дворов в стране, что ухудшало условия рекрутских наборов, поскольку отдатчикам приходилось выставлять рекрут за эти запустелые дворы, так как власти не признавали их запустелыми. Царь 6 мая 1714 г. указом А. И. Ушакову разрешил не учитывать запустелые дворы при взыскании рекрутской недоимки прошлых наборов. Этим же указом от взыскания такой рекрутской недоимки были освобождены имения вдов[295].

7. Канцелярия рекрутного счёта

Учёт взятых с начала войны рекрут, рекрутских денег и рекрутского провианта к моменту создания Сената находился в полном беспорядке. Неясно было, сколько всего этого было взыскано начиная с 1700 г., сколько осталось в недоимке, кто должники и по какой причине. Вновь созданный Сенат взялся решить эти вопросы и своим приговором от 13 апреля 1711 г.[296] запросил эту информацию у приказов, которые занимались набором даточных и рекрут. Удовлетворительной информации Сенат из приказов получить не сумел. Однако, и сам царь, от которого исходило требование восстановления полной картины рекрутских наборов, действовал

непоследовательно. Весной 1711 г. было приказано 23 «царедворцев», бывших наборщиками рекрут в Московской губернии от Военного приказа, срочно выслать в группировку М. Ромодановского в Белгород на войну с турками. Штат наборщиков Военного приказа ликвидировался вовсе, а набором следовало теперь заниматься уездным воеводам. Все документы наборов бывшие наборщики обязаны были им сдать. Попытка Военного приказа напомнить Сенату о необходимости этим наборщикам заехать в Москву с рекрутскими документами для изучения истории наборов 1705 – 1710 гг., не имела успеха[297]. Документы о наборах остались в уездах, и это впоследствии помешало восстановить полную картину рекрутских наборов за 1700 – 1711 гг.

Полной информации о состоянии рекрутской системы в стране начиная с 1701 г. Сенат потребовал позднее (22 февраля 1714 г.) у губернаторов. Было велено сообщить, какие наборы рекрут были, сколько рекрут было собрано, сколько осталось в недоимке, с кем куда отправлено, с каким провиантом, рекрутскими деньгами, мундиром и подводами послано, сколько рекрут дорогой умерло и бежало[298]. Особенно интересовало Сенат соотношение запустевших тяглых дворов и официального числа дворов. Губернии также не смогли предоставить такой информации в полном объёме.

В Архангелогородскую губернию 6 мая 1714 г. царь отправил своего специального представителя унтер – офицера Преображенского полка А. Свищёва, который должен был до октября взять с губернии в счёт огромной рекрутской недоимки хотя бы денежную компенсацию. Губернатор обязывался провести в своей губернии масштабное освидетельствование запустевших дворов, жители которых, как правило, бежали от повинностей на Дон и в

Сибирь, а также частично умерли во время эпидемий. За попытку махинаций с таким описанием Пётр грозил губернатору Лодыженскому «лишением чести» (скорее всего, телесным наказанием) и конфискацией имущества, а его сообщникам рангом ниже – и казнью. Царь считал, что часть беглецов осела в самой же губернии. Их следовало приписать к новому месту жительства и требовать с них повинности в обычном объёме или даже со штрафом. Губернатору предписывалось найти наборщиков, участвовавших в прошедших рекрутских наборах. Если они набирали рекрут до образования губерний от имени Поместного и Военного приказа (то есть в 1700 – 1711 гг.), то таких отправлять в Москву к А. И. Ушакову для дачи показаний. Наборщиков рекрут времён губернии – держать пока в губернии до указа[299].

Под руководством А. И. Ушакова в том же году 1714 г. было создано специальное ведомство для исследования рекрутских дел – Канцелярия рекрутского счёта, которая также до конца с этими «рекрутскими счетами» так и не разобралась. Целью создания Канцелярии рекрутного счёта было выяснение подробностей рекрутских наборов начиная с 1705 г. до создания Сената в 1711 г.: «по именному царского величества указу велено рекрутных наборщиков, которые у того рекрутного набору с начала были с подлинными рекрутными делами всех для щёту и ответствования взять в Москву. И по тому его царского величества указу те наборщики с подлинными делами взяты в Москву. Того ради и учинена рекрутная щётная канцелярия» (из доношения Сенату от 21 марта 1718 г.)[300]. Вскоре после смерти Петра I эта канцелярия была ликвидирована.

Попытка наведения порядка в рекрутском учёте приводила иногда к неожиданным «открытиям». В 1715 г. выяснилось, что за всё время с начала войны с московских купцов так и не взяли ни одного рекрута, при этом не имелось никаких царских указов или сенатских приговоров на этот счёт[301]. В это время одновременно с только что образованной Канцелярией рекрутского счёта А. И. Ушакова продолжал работать с 1711 г.[302] над исследованием рекрутских «счетов» и порученец Сената Баскаков, деятельность которого царь также поддерживал (14 февраля 1715 г.). Расспросы рекрут о злоупотреблениях при наборах привели к многочисленным переменам в показаниях и подозрениях на клевету. Ложные доносы рекрут на наборщиков было разрешено расследовать пытками («розыск»), как и подозрения на злоупотребления и взятки наборщиков рекрут.

В том же году новая канцелярия получила свой штат (судья Баскаков, три дьяка и подьячие) и средства для содержания его стали выдаваться регулярно. Один из вариантов названия канцелярии звучал так: «Канцелярия счётная у рекрутных дел и у доимки даточных».

Канцелярии пришлось взыскивать деньги с губернаторов за собранный на местах рекрутский провиант, который, однако, многими губернаторами был израсходован на иные цели. Рекрутской недоимки было много. Царь приказал канцелярии взыскивать её вдвое за просрочку[303].

По «Уставу воинскому» (1716 г.) учётом поступления рекрут в полевые войска должен был ведать генерал – кригс – комиссар (гл. 15)[304].

8. «Доля» - налоговая и территориальная единица в России в 1710 – 1719 гг.

До сих пор в науке так и не было разъяснено, что означает такое деление тяглых дворов на эти «доли». Почему именно на столько доль была разделена страна и по стольку дворов? По моему мнению все тяглые дворы страны были разделены на доли в соответствии с числом полков русской армии того времени. Однако здесь речь идёт не только о реальных, но и о неких условных полках, так как расходы государства шли не только на армейские полки, но и на флот, артиллерию, гарнизонные войска, дипломатию и на царский двор. Число условных полков («долей») было определено простым удвоением реального числа пехотных и драгунских полков полевой армии. Все расходы на эти неармейские цели были оценены и соотнесены с расходами на один армейский полк. В 1712 г. русская армия состояла из 42 пехотных и 33 драгунских полков. Таким образом, получилось, что всего в России 150 долей, то есть условных полков (при раскладке тяглых дворов эта цифра была скорректирована до 146,7 долей, вероятно, по просьбе А. Д. Меншикова царь снял с Санкт – Петербургской губернии 3,3 доли из – за запустения дворов после эпидемии чумы 1710 – 1711 гг.). Все они были распределены по губерниям в зависимости от числа тяглых дворов в той или иной губернии. Снабжение всем необходимым для этих полков, включая рекрут, но исключая «мундир», осуществлялось той губернией, к которой полк был приписан[305].

Набор с указанием количества набираемых рекрут с доли был удобен тем, что сразу было видно, какое пополнение примерно получает армейский полк (следовало только умножить количество рекрут на одну долю на 2). Обычная численность полка составляла одну тысячу человек или немного более. Следовательно, при наборе,

например, по сто человек с доли полк обновлялся на пятую часть своего штатного состава. Само деление страны на доли предназначено было, прежде всего, для такого наглядного представления об укомплектованности армейских полков, в рекрутских целях.

9. Рекрутские проблемы в отдельных губерниях

С образованием губерний рекрутские наборы были переданы в обязанность губернаторам. С 1710 г. Поместный приказ перестал заниматься рекрутскими наборами по всей стране, чем он занимался до этого с 1705 г., а только рекрутскими делами Московской губернии. По другим данным даже и в этой губернии рекрутский набор в 1710 г. перешёл в ведение Военного приказа[306].

Однако, 31 августа 1711 г. Сенат снова передал рекрутские дела Поместному приказу. Правда, в приговоре Сената сразу после этого распоряжения упоминаются только патриаршие, архиерейские, монастырские и церковные крестьяне, которые должны подчиняться в деле рекрутчины Поместному приказу[307]. Из другого сенатского приговора видно, что в 1712 г. Поместный приказ занимался только рекрутами Московской губернии. 12 августа 1712 г. Сенат приговорил вывести Поместный приказ из – под ведения Московской губернии и подчинить Сенату. При этом все дела по рекрутским наборам оставить в Московской губернской канцелярии. Таким образом, Поместный приказ окончательно перестал заниматься рекрутскими делами[308]. Военный приказ 15 марта 1711 г. передал набор с Московской губернии с учреждением Сената губернским властям[309].

Качество набираемых рекрут оставалось низким. Царь пытался исправить положение, потребовав 19 июня 1711 г., чтобы губернаторы

лично осматривали рекрут и подписывали их именные списки[310]. Лично подписывать именные списки были обязаны и наборщики рекрут[311]. Отдельно царь требовал контролировать качество рекрут, поставляемых в Санкт – Петербург. Для этого доверенным лицам губернаторов следовало пересматривать рекрутов лично в ближайших к Санкт – Петербургу городах своей губернии[312].

Особенно много приходилось заниматься рекрутами в самой большой в России по численности населения Московской губернии, поэтому Сенат 28 января 1713 г. назначил ответственным за рекрутский набор в этой губернии вице – губернатора Василия Ершова[313].

Планы рекрутских наборов постоянно не выполнялись. За это подвергались телесному наказанию комиссары губерний, состоявшие при Сенате. Сенат и самим губернаторам грозил за рекрутские недоимки отписанием их поместий и вотчин на великого государя[314].

Самым тяжёлым в этот период для тяглого населения оказался 1711 г. Потом рекрутская нагрузка на население стала уменьшаться. Например, с Сибирской губернии было взято рекрут в 1711 г. 4 500 человек, в 1713 г. – 1 245, в 1714 г. – 996[315].

В Архангелогородской губернии особенно сильно уменьшилось количество жилых дворов. Тяглое население, среди которого было много дворцовых крестьян, бежало на юг. Рекрутские наборы всё равно шли по устаревшим данным переписи 1678 г. По сообщению губернских властей это означало, что, например, набор 1713 г. с 40 дворов фактически шёл с 10 дворов[316].

Между Архангелогородской и Сибирской губерниями возник спор о длительно проживающих в Сибири архангелогородцах (посадских и крестьянах) – за какой губернией засчитывать их при

взятии в солдаты. Сенат признал, что если архангелогородцы живут в Сибири в своих домах и платят там подати, то в рекрутские наборы их следует зачесть за Сибирской губернией. Временно же находящихся в Сибири по делам торговли и промыслов за Сибирской губернией не засчитывать[317].

10.Выводы

Передача всего рекрутского дела в стране Сенату в 1711 г. в целом благоприятно сказалось на рекрутской системе России. Канцелярия Сената постепенно сформировалась как компетентный орган государственного управления, способный решать многообразные государственные проблемы, в том числе и проблемы комплектования армии. Об этом свидетельствует сохранившийся объёмный фонд канцелярии Сената (РГАДА. Ф. 248).

Практика проведения масштабных номерных рекрутских наборов в 1711 – 1718 гг. была продолжена, хотя нормы набора по сравнению с периодом 1705 – 1711 гг. были значительно легче для населения. Эти нормы перестали быть постоянными, а варьировались в зависимости от конкретных потребностей войск в пополнении. Такой более гибкий подход стал возможен, потому что в целом интенсивность военных действий в этот период ослабла. Это позволило уменьшить тяжесть рекрутской повинность для населения.

К 1713 г. закончились в России наборы даточных, выезжавших ежегодно со своими помещиками на службу – поместная система комплектования в России прекратила своё существование, а все даточные помещиков, когда – то выезжавшие весной на службу, а осенью распускаемые по домам, остались на постоянной службе в

армии драгунами и солдатами. Ликвидация архаической поместной системы комплектования положительно сказалось на обороноспособности страны.

Несовершенство рекрутчины в России в этот период сказалось в сохранении такого несовершенного явления как чрезвычайные рекрутские наборы – для обороны Киевской, Азовской и Казанской губерний, набор вольноотпущенных, набор грамотных в унтер – офицеры, ландмилицкие наборы.

В 1711 – 1719 гг. правительство организовало полурегулярные ландмилицкие войска в пограничных губерниях – Санкт – Петербургской и Киевской. Ландмилиция просуществовала в Киевской губернии до второй половины XVIII в., а Санкт – Петербургская ландмилиция уже в 1719 г. была расформирована.

Сенат предпринимал меры по улучшению содержания рекрут, хотя обращение с рекрутами по - прежнему оставалось жестоким. Много проблем возникало из – за больших расстояний, на которые приходилось перебрасывать рекрут (русская армия действовала и на таких отдалённых территориях как северная Германия и Финляндия). Это резко увеличивало расходы на рекрут, а значит и налоговую нагрузку на население.

Гораздо более широко, чем в предыдущий период в 1711 – 1718 гг. практиковались освобождения от рекрутчины. Это свидетельствовало о стремлении правительства учесть при рекрутских наборах другие важные задачи государственного управления, не только задачу пополнения войск.

В стране стихийно сложилась практика выставление в рекрутские наборы «наёмщиков» теми, кто мог позволить себе заплатить такому заместителю рекрута. Особенно такое замещение широко

практиковалось среди посадских. Правительство то официально разрешало наём заместителей рекрут, то запрещало, так как такой наём, с одной стороны, облегчал для населения несение рекрутской повинности, а с другой стороны среди таких заместителей было много беглых рекрут, которые по нескольку раз нанимались и по нескольку раз бежали, сделав такое мошенничество своим ремеслом.

Основные льготы по рекрутскому набору действовали в связи со строительством Санкт – Петербурга и флота.

В этот период возникло специальное рекрутское учреждение общегосударственного значения – Канцелярия рекрутного счёта, так как учёт уже взятых рекрут и справедливое распределение рекрутской повинности на население стало осознаваться правительством как серьёзная проблема. Эта канцелярия просуществует до конца правления Петра Великого.

В тесной связи с рекрутчиной было введение новой единицы налогового учёта и территориального деления страны – «доли». Количество «долей», на которые была разделена Россия, соответствовала количеству батальонов в армии с некоторой корректировкой для учёта расходов государства на высшее военное руководство, флот, дипломатию и царский двор. Введение «доли» свидетельствовало о сильной милитаризации всего государственного управления.

Почти одновременно с образованием Сената Россия была разделена на небольшое число губерний. Одной из главных обязанностей губернаторов стал набор рекрут, в связи с чем возникало множество проблем.

В целом рекрутская нагрузка на социально – экономическую систему страны в этот период ослабела, а военные успехи в этот

период в северной Германии и в Финляндии свидетельствуют, что это произошло без ущерба для боеспособности армии.

Глава 4. Рекрутская система комплектования России в 1719 – 1724 гг.

В 1719 – 1724 гг. в результате масштабной административной реформы рекрутская система управлялась с помощью вновь созданных органов центрального и местного управления. Центральным органом стала Военная коллегия – одно из новых

отраслевых ведомств, созданных в этот период в России. На местном уровне основной территориальной единицей стала провинция – более мелкое по территории образование, чем губернии времён Петра Великого (губерний было 8, а провинций - 49). Сенат перестал непосредственно заниматься рекрутскими наборами. Губернаторы, хотя и формально отвечали за рекрутские наборы в своей губернии, фактически занимались только рекрутчиной в своей провинции. Участвовала в рекрутской системе и Камер – коллегия, отвечавшая за доходы государства.

После проведения переписи населения, получившей название первой ревизии, с 1724 г. основной податной единицей в стране стал не двор, а душа мужского пола, и расчёт нормы рекрутских наборов уже шёл из расчёта взятия в набор одного рекрута с определённого количества душ мужского пола.

Последний период Северной войны не отличался высокой интенсивностью военных действий, однако рекрутские недоимки в России оставались очень большими. По случаю окончания войны эти недоимки были прощены.

1. Рекрутские наборы в 1719 – 1724 гг.

В начале 1719 г. канцелярия Сената подготовила материалы по состоянию комплектования армии и потребностях отдельных армейских группировок в пополнении[318]. Заявки из армии на рекрут, поступившие в Сенат через Военную канцелярию представлены в таблице 6.

Таблица 6. Заявки на пополнение отдельных армейских группировок рекрутами по справке канцелярии Сената от 17 февраля 1719 г.

Армейская группировка	**Необходимое количество рекрут**
17 драгунских полков генерал – майора Девезбола на Украине	1 909
3 драгунских полка в Смоленске	374
Дивизия Вейде в Санкт – Петербургской губернии	1 128
Дивизия Репнина в Риге	1 385
Финляндский корпус	3 575
Команда бригадира Кропотова в Казанской губернии на строительстве Царицынской линии	395
Каргопольский драгунский полк в Курляндии и 3 драгунских полка около Выборга	556
Всего	**9 321**

Источник: РГАДА. Ф. 248. Кн. 376. Л. 25 – 30.

Эти заявки вполне можно было удовлетворить рекрутами из текущего рекрутского набора по указу от 20 ноября 1718 г. с 50 дворов, однако, на губерниях числились большие рекрутские недоимки. Сенат решил, что эти недоимки должны поступать в наиболее многочисленную группировку русской армии в Санкт – Петербурге и в Финляндии (комплектование Финляндского корпуса шло через Санкт - Петербург). Раскладка поставки рекрут по губерниям представлена в таблице 7.

Таблица 7. Раскладка Сенатом рекрутских поставок по губерниям

Губерния	**Наряд по текущему рекрутскому набору**	**Рекрутская недоимка прошлых наборов**	**Армейская группировка**
Киевская	554	0	17 драгунских полков генерал – майора Девезбола на Украине
Азовская	239	0	
Московская	525	0	
	1 128	0	
	1 385	0	Дивизия Репнина в Риге

	1 989	6 205	Санкт - Петербург
Казанская	395	0	Команда бригадира Кропотова в Казанской губернии на строительстве Царицынской линии
	1 930	0	Санкт – Петербург
Архангельская	1 993	1 154	
Сибирская	996	343	
Рижская	622	660	
	374	0	3 драгунских полка в Смоленске
Всего	**12 130**	**8362**	

Источник: РГАДА. Ф. 248. Кн. 376. Л. 25 – 30.

Как видно из таблицы 7 на пополнение войск в Санкт – Петербургской губернии и в Финляндии полностью направлялись рекруты Архангельской и Сибирской губернии, что связано с

наличием в этих губерниях населения, привычного к морским промыслах, так как служба на берегах Балтики часто требовала даже от армейских полков навыков службы на галерах. Московская губерния, как самая населённая, поставляла рекрут сразу в три группировки – на Украину, в Ригу и в Санкт – Петербург. Казанская и Смоленская губернии, кроме пополнения войсковых частей полевой армии на своих территориях посылали рекрут в Санкт – Петербург. Киевская и Азовская губернии комплектовали только полевые войска на своих территориях – на Украине. В раскладке, очевидно, по ошибке не указаны рекрутские ресурсы для Каргопольского драгунского полка, расквартированного в Курляндии и для конницы, расквартированной около Выборга.

Санкт – Петербургская губерния почему – то не указана вообще в этой раскладке рекрут. Возможно, что это связано с переводом местной ландмилиции в армейские полки. В этих же материалах о состоянии рекрутского дела в стране в начале 1719 г. содержатся сведения о численности однодворческих дворов в восьми провинциях Санкт – Петербургской губернии. Список этих провинций полностью совпадает со списком провинций, в которых зафиксированы «ландмилицы» (таблица 8).

Таблица 8. Численность однодворцев в Санкт – Петербургской губернии на начало 1719 г.

Провинция	**Численность однодворческих дворов**
Великолуцкая	2 129

Новгородская	3 951
Псковская	0
Пошехонская	850
Тверская	1 371
Ярославская	1 547
Углецкая	1 906
Белозёрская	754
Всего	**12 508**

Источник: РГАДА. Ф. 248. Кн. 376. Л. 368 – 389.

Путь рекрутских команд из Санкт – Петербурга в Финляндию проходил обычно (если переброска происходила по суше, а не морем) по маршруту Санкт – Петербург – Выборг – Тавасгуса (ныне Тампере) – Абов (ныне Турку, тогдашняя столица Финляндии, место пребывания командования русского Финляндского корпуса). Все три участка пути занимали у рекрутских команд обычно по 10 дней. Это видно по приговору Военной коллегии от 29 марта 1720 г. о переброске очередной партии для пополнения Финляндского корпуса из 1000 человек под командой Барятинского[319].

Во второй половине 1719 г. вышел очередной именной указ царя о пополнении армии и флота рекрутами[320]. Пётр приказал Сенату укомплектовать до штатного расписания полки Финляндского корпуса и набрать в запас 2 000 рекрут для использования их на флоте. При наборе должен был применяться уже опробованный приём, когда вновь набранные рекруты сначала поступали на службу в гарнизонные войска, где служба была легче, а вместо них в полевые

полки переводились гарнизонные солдаты. Таким образом, гарнизонные войска выполняли роль учебных войсковых частей для первоначального обучения рекрут. Для набора рекрут в Сибири царь образовал специальную комиссию под руководством капитан – поручика Шамордина. Сибирские рекруты считались лучшими в России ввиду своей неприхотливости и привычке к тяжёлым условиям жизни. Все эти новые рекрутские партии должны были поступить в войска уже к новой военной кампании 1720 г., то есть к апрелю – маю.

Очередной общий рекрутский набор был объявлен сразу после окончания Северной войны. Пётр своим именным указом от 27 ноября 1721 г. объявил точные размеры набора – 19 731 рекрут, в том числе в полевую армию 6 554, во флот («адмиралтейство») – 3 178, в гарнизонные войска – только половину требуемого – 9 999 рекрут. Особо оговаривалось участие в этом рекрутском наборе однодворцев – с них планировалось взять 8 290 человек, то есть почти 40 % всех рекрут. Вторую половину потребностей гарнизонов в новобранцах для уменьшения рекрутского бремени на население решено было взять в 1723 г. (однако, об этом вышел отдельный сенатский приговор не в 1723 г., а 26 ноября 1722 г.). В первом послевоенном рекрутском наборе появилось новшество относительно купцов. Если с прочего тяглого населения (крестьян и разночинцев, как сформулировано в указе) набор шёл со дворов (по одному рекруту с 83,5 двора), то с купцов собирали рекрут с «десятой деньги», очевидно, ориентируясь на то, сколько налогов платит тот или иной купец. Понятно, что речь идёт в этой неясной формулировке о замене поставки купеческих рекрут выплатой деньгами. Фактически купцы всегда выставляли вместо себя «наёмщиков», разрешалось это официально, или нет[321].

Как известно, сразу после Северной войны началась подготовка к войне с Персией, которая и началась в 1722 г. Путь русской армии на Восток проходил по волжскому водному пути. Пребывание на территориях, населённых нерусскими народами Поволжья навело царя на мысль распространить рекрутскую повинность на эти народы. 19 января 1722 г. царь указал брать рекрут с черемисов (марийцев) и мордвы на общих основаниях. С татарами было сложнее. Хотя царь решил так же распространить на них рекрутчину, но было понятно, что в войне на мусульманском Востоке воинские контингенты из мусульман будут непригодны, кроме, может быть, переводчиков. Поэтому с татар велено было брать только мальчиков 10 – 12 лет, очевидно, с расчётом принудить таких детей со временем к переходу в христианство[322]. Служить такие малолетние в вооружённых силах того времени могли только в денщиках и юнгами на флоте. Трудно понять, почему в этом привлечении к военной службе поволжских народов фигурируют не все поволжские нерусские народы. Понятно, что башкиры в это время только условно могли считаться подданными царя, ввиду их почти непрерывных восстаний против России. Однако, рекрутчина Петром не была распространена на чувашей и удмуртов. Между тем, в точном смысле этого слова с самого начала рекрутчины при Петре не было никаких официальных запретов брать на службу представителей поволжских народов, кроме татар. Фактически, кроме татар, не брали также и представителей прочих народов Поволжья, но это было формальным нарушением многочисленных указов и приговоров о рекрутчине. Возможно, сами наборщики рекрут считали, что преимущественно языческое мордовское, марийское, чувашское и удмуртское население нарушит монорелигиозный православный состав армии.

Рекрутские наборы в конце правления Петра шли ежегодно. В 1723 г. набор был объявлен 9 марта. К 1724 г. планировалось набрать 10 707 человек по норме одного рекрута с 95,5 двора[323]. К этому времени уже накопились рекрутские недоимки за 1722 – 1723 гг.

Примечательной чертой набора 1724 г. было то, что это был первый в истории России набор не с числа дворов, а с числа душ мужского пола податного населения. По итогам первой ревизии всё налогообложение и все повинности с тяглого населения в стране стали рассчитываться именно таким образом. 12 февраля Сенат велел собирать в новый набор рекрут из расчёта одного рекрута с 250 душ мужского пола, положенных в подушный оклад[324]. Планировали набрать 20 550 человек, фактически набрали 18 074 рекрута[325]. Не подлежали рекрутчине однодворцы Киевской и Азовской губернии, содержащие Украинскую ландмилицию. Сенат называет цифру рекрутской недоимки в стране за время, прошедшее после окончания Северной войны – 19 855 человек. Все рекруты должны были быть набраны до июня 1724 г. Вскоре Сенату и царю пришлось разъяснять отношение купцов к рекрутскому набору – именным указом от 4 августа и сенатским приговором от 17 августа вместо поставки рекрут в этот набор купцы были обязаны заплатить по 100 рублей[326].

После Северной войны решился вопрос о зачёте поголовно взятых в рекруты в 1704 – 1705 гг. подмосковных крестьян, а также взятых в солдаты жителей Москвы и Подмосковья, участвовавших в «больверочных» работах в Москве в 1708 г., когда древняя столица спешно укреплялась для отражения возможного нападения на неё Карлом XII. Людей сначала набрали временно, на строительство укреплений, а потом записали их в солдаты. Московская губерния с тех пор периодически ставила вопрос о зачёте ей этих контингентов

ей в какой – нибудь очередной рекрутский набор. Наконец, Сенат 9 марта 1723 г. велел произвести такой зачёт в размере 16 456 человек, хотя царь разрешил это сделать ещё в 1715 г.[327] Дело было не только в волоките, но и в том, что трудно было выяснить точное число взятых в солдаты в 1704 – 1705 и в 1708 гг. с Москвы и Подмосковья, в таком хаосе находились документы. Всё – таки канцелярия рекрутского счёта А. И. Ушакова сумела определить (или убедить в том, что она действительно определила) это число.

2. Злоупотребления при рекрутских наборах

Среди посылаемых в войска рекрут по – прежнему была большая доля негодных, больных и умерших. Например, из посланных в 1719 г. в Санкт – Петербург в Военную коллегию 2 008 рекрут Московской губернии умерло 499 человек[328]. Этот огромный процент смертности связан с громким делом о массовой гибели рекрут в команде прапорщика Д. Зверева.

С момента начала массовых рекрутских наборов в начале Северной войны перед руководством России встала проблема злоупотреблений при рекрутском наборе и тесно вязанные с ней проблемы бегства рекрут и высокой смертности среди них при переброске вновь набранных солдат к их постоянному месту службы. Жертвы среди рекрут могли исчисляться десятками человек из одной рекрутской партии. Однако, злоупотребления и потери, которые понесла команда рекрут прапорщика Д. Т. Зверева при переброске её из Москвы в Санкт – Петербург в самом конце войны весной 1721 г., выделяются даже на фоне обычных рекрутских безобразий в России того времени. Экстраординарный характер безобразий в рекрутской

команде Д. Т. Зверева заставил вмешаться в это дело самого царя Петра I.

Команда рекрут для русского Финляндского корпуса под командой неграмотного беспоместного прапорщика Д. Т. Зверева была отправлена из Москвы в Санкт – Петербург в апреле 1719 г. в составе четырёхсот рекрут[329]. Согласно действовавшим в то время правилам Московская губернская канцелярия не только назначила конвой для этой партии рекрут, но и снабдила по действовавшим нормам командира конвоя жалованьем для рекрут на весь срок переброски и необходимым провиантом (мукой, крупами и овсом для лошадей), а также подводами. Провиантом рекруты снабжались, так как купить его по дороге было трудно.

Получив этот рекрутный провиант, прапорщик ещё в Москве треть его продал через посредничество дьяков и подьячих Московской губернской канцелярии, которые, и устроили эту коорупционную схему за процент от продажи. Жалованье рекрутам в дороге прапорщик тоже выдавал не полностью. Украденные таким образом деньги, по его словам, он пропил. Переброска происходила в весеннюю распутицу, сильно затянулась, значительно превысив обычный в то время срок переброски рекрут из Москвы в Санкт – Петербург в три недели. Командир конвоя и конвой жестоко обращались с рекрутами. Их, например, из – за возможных побегов не выпускали со струга, на котором рекрутная команда плыла от Новгорода до Санкт – Петербурга, даже на стоянках. Даже если бы командир конвоя не украл такую значительную долю продовольствия для рекрут, то при сильно затянувшемся марше его всё равно не хватило бы для нормального питания рекрут. В результате из всей команды умер сто двадцать один рекрут, бежало двадцать шесть

рекрут, многие дошедшие до Санкт – Петербурга были сильно истощены, а часть умерших умерла уже в Санкт – Петербурге, потому что Зверев некоторое время не представил рекрут Военной коллегии, пытаясь найти какую – то возможность оправдаться перед начальством.

Судя по сильному превышению числа умерших рекрут над числом бежавших, в целом рекруты команды Зверева не были плохо настроены к своей будущей службе. Возможно, если бы рекруты меньше доверяли государству, то часть умерших сумела бы спасти свою жизнь бегством, тем более что добровольно явившиеся из бегов рекруты в то время не наказывались, особенно если выяснялись невыносимые условия их содержания. Если беглых и умерших, а также оставленных дорогой больных рекрут при переброске их в полки было не больше одной шестой, то в то время это считалось небольшой потерей.

Сведения о столь безобразном обращении с рекрутами дошли до царя – был назначен «фергер и кригс - рехт» (следствие и военный суд). Зверева пытали – дали девять ударов кнутом. Царь приговорил командира конвоя и его наиболее свирепого к рекрутам унтер – офицера Киндякова к смертной казни колесованием, которое и было приведено в исполнение 6 июля 1721 г. перед Московской губернской канцелярией. Прочих виновных из унтер - офицеров и солдат конвоя наказали шпиц – рутенами, батогами, каторгой и вечной службой профосом (полковым палачом).

Царь считал, что такие безобразия с командой Зверева произошли по трём причинам: первая - рекрутская команда была отправлена из Москвы в Санкт - Петербург в самое неподходящее время года – в весеннюю распутицу, второе - командование такой большой по

численности рекрутской командой было вручено офицеру самого малого чина, да ещё и неграмотного, и третье - не был назначен в рекрутскую команду «комиссар», обычно следивший за правильным расходованием рекрутских денег и рекрутского продовольствия, а также ведший учёт.

В ходе следствия выяснилось участие в посредничестве в незаконной реализации части рекрутского провианта подьячего Поместного приказа Панова (Поместный приказ в этот период занимался рекрутчиной только в пределах Московской губернии). Однако, в качестве покровителя Панова выступил пользовавшийся тогда большим доверием царя глава Канцелярии рекрутного счёта (в документах называется также Потешным Двором) А. И. Ушаков. Под тем предлогом, что Панов необходим Канцелярии для выяснения подробностей рекрутных дел в 1711 – 1714 гг., когда подьячий служил в Рекрутном столе Поместного приказа, А. И. Ушаков не высылал его для допросов, пытки и наказания в Санкт – Петербург. В конце концов, чтобы добиться его явки у подъячего было конфисковано имущество, арестованы жена и дети, а сам он был прислан в Санкт – Петербург в кандалах. Кроме него из служителей московской губернской канцелярии оказались замешанными в деле дьяк Киреев и подьячий Сибилёв. Канцелярия рекрутного счёта А. И. Ушакова препятствовала выдаче следствию и подьячего Сибилёва тоже. Московская губерния рапортовала в Санкт – Петербург в Военную коллегию двумя доношениями от 4 апреля[330], 3 июня 1722 г.[331] и 19 марта 1723 г.[332], что не могут сначала найти Сибилёва, а потом и заставить начальника Канцелярии рекрутного счёта А. И Ушакова выслать его в Санкт – Петербург для следствия и суда.

Злоупотребления конвоя при переброске рекрут были явлением частым, начиная с массового набора в русскую армию в 1705 г. Однако, к концу Северной войны уровень коррупции чиновников и жестокости конвоиров достигли невиданного уровня. Судя по материалам следствия, действовал отработанный механизм, когда и назначение командира конвоя зависело от того, согласен ли он продать по дешёвке значительную часть рекрутного провианта. Расчёт был на то, что значительная доля рекрут бежит дорогой и, таким образом, большой нехватки продовольствия для рекрут не будет. Тяготы рекрут команды Зверева могли бы хоть как – то быть оправданы длинным и неизвестным маршрутом. Однако, команда шла самым простым и известным путём – из старой столицы в новую. Корни коррупции при рекрутском наборе уходили на самый верх петровской администрации – сам А. И. Ушаков, влиятельный руководитель тайного сыска не только при Петре, но и вплоть до императрицы Елизаветы, препятствовал выдачи правосудию нескольких замешанных в деле подьячих. Если казнь Зверева и его подручного благодаря личному вмешательству царя свершилась быстро, то привлечение к ответственности коррумпированных гражданских чиновников затянулось минимум на два года, и даже точно неизвестно, были ли все виновные наказаны. Массовое бегство рекрут, массовая смертность среди них и масштабная коррупция руководителей рекрутской системой – вот отличительные черты рекрутской системы комплектования русской армии в конце Северной войны, ярче всего проявившиеся в деле прапорщика Д. Т. Зверева.

Командир команды рекрут при её переброске с рекрутских станций в полки мог допускать разнообразные злоупотребления в отношении рекрут. 22 июня 1719 г. нижегородские рекрут подали в

Военную коллегию целых девять жалоб на своего «приводца» прапорщика Ерлова[333]. В итоге расследования прапорщик уже 4 декабря в документах числится бывшим прапорщиком[334]. Прапорщик оказался неграмотным (в документах следствия за него расписывался комиссар Казанской губернии). Все злоупотребления прапорщика связаны с вымогательством денег у рекрут. Одному рекруту он недодал пожалованных ему 1,5 рубля. У другого вымогал 50 копеек, посадив жертву под караул у себя дома. Рекрут отдал ему эти деньги. Третий рекрут отдал прапорщику на сохранение 3 рубля, а прапорщик вернул ему из них только 2 рубля. Сразу шестнадцать рекрут сообщили, что командир отнял у них по 90 копеек. До Твери от Нижнего Новгорода рекрутскую команду сопровождали приданные крестьянские подводы для перевозки рекрутского провианта и багажа. В Твери Ерлов решил дальше везти рекрут и все их грузы в стругах по реке. Подводчиков (крестьян со своими подводами, для которых это сопровождение команды было повинностью) прапорщик отпустил, взяв с них взятку то ли по 64, то ли по 90 копеек с подводы (в допросе рекруты называли разные цифры). Был нанят струг для плавания от Твери до Вышнего Волочка. Струг необходимо было тянуть лямкой. За эту работу прапорщик обещал заплатить согласившимся на такую работу рекрутам по 1 рублю, однако, заплатил только по 30 копеек. На подступах к Санкт – Петербургу команда пошла уже по «новой першпективной дороге» (уже построенному участку шоссе Москва – Санкт - Петербург). Прапорщик стал вымогать у рекрут по 90 копеек для найма подвод. У кого денег не было, тех он бил батогами. Он обещал выдать тем, кто понесёт сам свой багаж (провиант) по 50 копеек, но не выдал. Уже в Санкт – Петербурге рекрутам до смотра в

Военной коллегии, пока неграмотный прапорщик составлял отчёт, рекрутам пришлось жить две недели за свой счёт на постоялом дворе.

Как видно из материалов этого дела Ерлову пришлось пользоваться деньгами рекрут не только из корыстных преступных соображений, но и ввиду объективно складывавшихся обстоятельств. Из – за весенней распутицы путь от Твери можно было продолжить только по реке на струге. Денег же на наём струга командир рекрутской команды не имел. Пришлось вымогать эти деньги у рекрут. Рекруты в таких случаях обычно обязывались сами тянуть лямку со стругом, однако, прапорщик попытался заплатить за эту работу согласившимся тянуть лямку. После Вышнего Волочка потребовалось снова нанять подводы – снова прапорщик стал вымогать деньги у рекрут. Постой в Санкт – Петербурге до подачи отчёта был возможен только в частных постоялых дворах – снова рекруты платят. Коррупция прапорщика здесь сопровождается объективно сложной ситуацией, в которую попала рекрутская команда.

Если сравнивать злоупотребления при переброске рекрутских команд прапорщиков Зверева из Москвы и Ерлова из Нижнего Новгорода, то видно, что при организации этих партий были нарушены совершенно одинаковые обычные требования. Во – первых, обе партии были отправлены в путь в весеннюю распутицу. Во – вторых, во главе рекрутских партий были поставлены самые низкие по чину офицеры. В – третьих, оба прапорщика были неграмотны. В – четвёртых, в обеих командах не было комиссара - специально приставленного офицера, отвечавшего за снабжение рекрут всем необходимым, за ведение отчётности и за контроль над действиями командира рекрутской партии. Однако при аналогичных условиях в

команде Зверева погибла треть рекрут, чего не было в команде Ерлова. Главная причина такого различия – московский прапорщик Зверев вступил в преступный сговор с чиновниками губернской канцелярии и продал треть рекрутского провианта перед переброской рекрут, а деньги присвоил. Нижегородский прапорщик Ерлов, в отличии от своего столичного коллеги, на такое масштабное преступление не решился.

3. Меры по улучшению положения рекрут

В 1719 г. положение рекрут несколько улучшилось – 22 сентября Сенат по указу царя велел выдавать рекрутам с момента призыва солдатское жалованье. При этом прекратилось взимание с населения так называемых рекрутских денег, чтобы уменьшить налоговое бремя[335].

Для улучшения положения рекрут при их доставке из рекрутских станций в полки Военная коллегия 31 октября 1719 г. выпустила «Инструкцию господам офицерам, которые для приёму и приводу рекрут определяютца»[336]. Под инструкцией – подписи Меншикова, Вейде (оба – президенты Военной коллегии) и членов коллегии Р. Брюса и Воейкова. Инструкция предписывает (в очередной раз) брать в службу только годных рекрут и выдавать им с момента зачисления на службу солдатское жалованье. Все рекруты связывались круговой порукой, о чём давали письменное обязательство. Офицеры были обязаны учить рекрут «экзерциям» и следить, чтобы все рекруты были обеспечены необходимой одеждой. За попытку побега рекрут предписывалось наказывать кнутом. К каждой рекрутской команде, кроме командира, присылался комиссар, отвечавший за правильное

снабжение рекрут всем необходимым. Для переброски рекрут без лишних тягот предписывалось устраивать после трёх дней движения команды один день отдыха (дневку). По новому инструкция требовала организовать питание рекрут. В пути трудно было всегда иметь печёный хлеб для рекрут. Для решения этой проблемы впереди рекрутской команды посылался офицер для закупки печёного хлеба и сухарей, чтобы для питания рекрут всё было готово заранее. Чтобы уменьшить смертность рекрут заболевших в пути следовало оставлять в населённых пунктах, позаботившись о них. Командир рекрутской команды обязан был посылать донесение о состоянии своей команды в Военную коллегию каждую неделю. Полный отчёт о движении рекрутской партии командир должен был представить Военной коллегии после прибытия в Санкт – Петербург.

Командир рекрутской команды должен был вести во время движения команды дневник с указанием даты прибытия команды в тот или иной населённый пункт, пройденного расстояния и мест ночёвок и «днёвок» (отдыха рекрутской команды).

Сохранился такой дневник о переброске команды рекрут Казанской губернии в Санкт – Петербург с 17 декабря 1719 г. по 6 марта 1720 г.[337] Из Казани команда вышла в составе 72 рекрут и 300 гарнизонных солдат Казанской губернии. В этот период часть взятых в службу рекрут велено было оставлять на гарнизонной службе в губерниях, а в полевую армию вместо них направлять гарнизонных солдат. Кроме облегчения службы молодым солдатам такое комплектование значительно уменьшало побеги рекрут в пути следования. В Нижнем Новгороде к команде были присоединены 200 нижегородских рекрут. В ходе переброски из команды бежало 15 человек, умерло 4 человека, один был разоблачён как беглый

крестьянин и оставлен для следствия над ним в Москве. Команда шла зимой, поэтому самый удобный путь пролегал по руслу замёрзшей Волги и Оки от Казани до Мурома, а далее уже сухопутными дорогами. В среднем течении Волги можно было несколько сократить путь покинув русло, однако, очевидно, опасались заблудиться среди заметённых снегом дорог. Всего команде потребовался для достижения Санкт – Петербурга 51 дневной переход. В среднем за один переход проходили 29 вёрст, однако, иногда приходилось проходить и по 40 вёрст. 27 декабря 1719 г. команда прошла целых 45 вёрст, это переход оказался самым длинным дневным переходом. Предписывалось рекрутским командам передвигаться так же как передвигалась в те времена походным порядком армия – устраивать одну дневку после трёх дневных переходов, однако, в этой переброске это правило не соблюдалось. От Казани до Нижнего Новгорода было 16 дневных переходов и ни одной дневки. Зато команде удалось встретить Новый год в уже в Нижнем Новгороде, к чему, очевидно, и стремился командир. Там отдыхали 6 дней, что примерно соответствует требованиям инструкции. Кроме того, в Нижнем надо было ещё принять рекрут, что тоже заняло какое – то время. От Нижнего до Москвы тоже прошли без днёвок за 13 дневных переходов, причём после Мурома шли уже дорогами, а не замёрзшими руслами крупных рек. В Москве отдыхали целых 21 день, что можно объяснить тем, что здесь командир, возможно, отчитывался перед московской конторой Военной коллегии. От Москвы до Новгорода прошли снова без днёвок за 19 дневных переходов. Судя по инструкции, командир здесь должен быть дать отдых рекрутам и солдатам в 6 или 7 днёвок, но отдыхали в Новгороде только 3 дня. Последний участок от Новгорода до Санкт – Петербурга прошли

также без днёвок за 7 дней. Возможно, командир торопился, чтобы наверстать упущенное время в Москве и Нижнем. Команда должна была быть в пути 68 дней (51 дневной переход и 17 полагающихся при этом днёвок). Фактически путь занял 81 день. Командир явно стремился делать дневки только в крупных городах, очевидно, опасаясь побегов при дневках в малых населённых пунктах. Кроме того, заболевших удобно было бы оставлять именно в крупных городах, где было больше возможности их вылечить. Но команда так и не оставила нигде ни одного заболевшего. Людей заставляли идти несмотря ни на какое недомогание. Возможно, если бы не такое жёсткое обращение удалось бы спасти жизни четырём умершим во время марша. Как видно, командир рекрутской партии отличался большой опытностью в переброске рекрут, совмещая её с требовательностью. В целом марш оказался на редкость успешным – было потеряно только 19 из 551 человека, то есть примерно 3%, тогда как в то время потеря меньше 17% рекрут считалась обычной. В подсчёте не учитывался разоблачённый беглый крестьянин (без него было не 552, а 551 человек), поскольку в этом случае никакой вины командира рекрутской партии не было.

4. Набор в Санкт – Петербургскую ландмилицию

В 1719 г. была ликвидирована санкт – петербургская ландмилиция, а военнослужащие этого формирования стали набираться в обычные рекрутские наборы.

В начале XVIII в. ландмилицией[338] в Европе было принято называть любые полурегулярные войска. По такому определению ландмилицией должны считаться, например, донские казаки.

Позаимствовав этот термин на Западе, в России придали ему более узкое значение. Российская ландмилиция – однодворческие или поместные войска, существовавшие до конца XVIII в., разновидность поселенных войск, использовавшихся, в основном, для охраны южных границ от набегов кочевников.[339] Судя по опубликованным источникам первые российские ландмилицкие части (8 полков, 11 тысяч человек) появились в 1712 (год выхода распоряжения) – 1713 гг. (год начала формирования войск) в Киевской губернии, будучи сформированными из однодворцев Азовской и Киевской губернии[340]. Эти войска несли пешую гарнизонную службу в городах Киевской губернии (Киев, Полтава, Нежин, Переяславль, Белгород, Курск, Старый Оскол). Эта ландмилиция была расформирована в 1719 году. В 1722 году ландмилиция на южной границе была сформирована заново, но в 1723 году вместо неё стали набирать первые конные гусарские полки по образцу сербских и валашских гусар в армии австрийского императора[341]. Спустя всего три месяца в том же году ландмилиция была снова восстановлена, но уже в качестве конницы[342]. На этот раз численность её не была точно установлена. В ходе подушной переписи следовало установить число однодворцев, которых велено было обложить подушной податью в 1,1 руб. в год на человека, из которых 0,4 руб. в год шло на содержание «нерегулярной» конной ландмилиции из этих же однодворцев. «Нерегулярность» этой службы состояла в том, что войска собирались только на время кратких ежегодных учений и по мере необходимости (для поочерёдного патрулирования границы и для отражения набегов кочевников, когда они случались), а в остальное время ландмилицы жили по своим домам. Однако, офицеры в этих войсках служили на регулярной основе. Две трети «ландмилицев»[343] вооружались, кроме

обычного вооружения нерегулярного конника (копье, сабля и пара пистолетов), ещё и карабином. В России в XVIII в. существовало несколько ландмилицких группировок – Украинская, Закамская, Сибирская, Камчатская и Смоленская[344]. На основании вновь вводимых в оборот документов удаётся установить существование ещё одной российской ландмилиции, самой ранней по времени возникновения – Санкт-Петербургской ландмилиции, существовавшей в 1711 - 1719 гг. Некоторые черты существенно отличают эту первую русскую ландмилицию от прочих подобных группировок.

Впервые упомянул о ландмилицких солдатах на Балтике Голиков И. И. в своём обширном изложении документов кабинета Петра I. К 1716 г. историк относит распоряжение царя о создании в Ревеле четвёртого полка из ландмилицких солдат. Царь предписал в свободное время использовать этих солдат на работах в Ревеле и в Кронштадте. Никаких пояснений к этому указу Голиков И. И. не даёт[345]. Использует этот указ и Рабинович М. Д. в своём справочнике по полкам петровской армии. По его сведениям этот полк нёс службу в Ревеле в 1716 - 1719 гг. и назывался по имени своего командира Шепелевым. При организации этого Шепелева ландмилицкого полка в 1716 г. в него была переведена часть личного состава из Ревельского гарнизонного полка – офицеры, унтер – офицеры и рядовые, пригодные для обучения вновь набранных ландмилицев[346]. Дата расформирования этого полка (1719 г.) обозначена М. Д. Рабиновичем только предположительно. Никаких разъяснений по поводу ландмилицкого характера этого полка и того, что Пётр называет его четвёртым, также не даётся[347].

Решающее значение для установления факта существования Санкт-Петербургской ландмилиции в 1711 - 1719 гг. имеют неопубликованные документы канцелярии Военной коллегии, относящиеся к 1719 - 1720 гг.[348] В списках рекрут, присланных в Военную коллегию при наборе в 1719 г., некоторые помещичьи и монастырские крестьяне одновременно числятся также и ландмилицкими солдатами, зачисленными на эту службу по набору, объявленному в 1711 г. из Санкт-Петербургской губернской канцелярии по норме одного рекрута с 10 дворов. Судя по нескольким «сказкам» беглых рекрут в 1719 - 1720 гг. по этому набору брали рекрут ещё и в 1719 г. Так как Санкт-Петербургская ландмилиция в этом году уже была ликвидирована, то на службу рекрут направляли уже в обычные, а не в ландмилицкие полки. В Санкт-Петербургской губернии ландмилицы набирались в Бежецком, Псковском, Угличском, Ярославском, Кашинском, Старорусском, Новгородском, Новоторжском уездах, в Новоторжском посаде, то есть не во вновь присоединённых бывших шведских территориях, а в тех местностях губернии, которые отличались высокой плотностью русского населения. К 1720 г. относится справка о недоимке рекрут по ландмилицкому набору с 10 дворов, объявленному из Санкт – Петербургской губернской канцелярии, с Пошехонской провинции.

К 15 апреля 1719 года относится «ведение» о присылке рекрут из Санкт – Петербургской губернии с именной «росписью» присылаемых за подписью солдата Преображенского полка Н. Гаевского и ландрихтера Манукова[349]. Рекруты присылаются в новый набор 1719 г. с 50 дворов и по рекрутским недоимкам прежних лет. Именная «роспись» содержит сведения о 90 рекрутах. О 67 из этих рекрут указано, что они «наряду 711 году лант миницкие салдаты».

Для каждого рекрута указаны имена и фамилии (для некоторых из них неясно, фамилии это или отчества, что обычно для подобных документов этого времени), их сёла, деревни или «присёлки» (кроме единственного исключения – монастырский служка, не числившийся ни за каким селом). Возле имени оказавшихся по смотру в Военной коллегии негодных к службе рекрут указана причина его негодности пометами: «плох», «правой рукой и ногой дряхл», «слеп», «у левой руки пест свело, к доктору», «плох и левой ногой дряхл», «у левой руки большой палец свело». Из Бежецкого уезда происходят 33 ландмилицких солдата, из них негодными к службе признаны 5 человек. Из Угличского уезда – 23 ландмилицких солдата, из них 5 негодных. Ярославский уезд – 5 ландмилицев, негодных нет. Кашинский уезд – 36, из них 1 негоден. Для всех рекрут указаны их владельцы. Все 67 ландмилицких солдат из этой именной «росписи» принадлежали «Невскому» (очевидно, Санкт - Петербургскому Александро - Невскому) монастырю. Только один ландмилицкий солдат из Бежецкого уезда назван монастырским служителем и для него не указана деревня или село. 11 из этих 67 ландмилицких солдат по смотру оказались не годны к службе (16%). Для рекрут из этой именной росписи, не состоявших до набора в ландмилиции, подобный показатель составляет 22 % (5 человек из 23).

14 июля 1719 года датирована следующая именная «роспись» рекрут, присланных из Санкт - Петербургской губернии в Военную коллегию. 11 рекрут из этой «росписи» в момент набора были не только помещичьими или монастырскими крестьянами, но и «наряду 711 году набору з 10 дворов лант миницкими салдатами». Из Старорусского уезда происходят 3 ландмилица, все – крестьяне Александро – Невского монастыря (присланы «судьёй» монастыря С.

Головачёвым). Из Дретенского погоста – М. Гаврилов, из деревни Псковитиново Воскресенского погоста – С. Антипов, из деревни Дерелица Славитинского погоста – П. Маривсков[350]. Помещик Ярославского уезда С. Телепнёв через своего «человека» (то есть управляющего) отдал в службу своего крестьянина деревни Поречья Т. Никитина, о котором указано, что этот крестьянин – «наряду 711 году набору з 10 дворов лант миницкий салдат»[351]. Из Бежецкого уезда в этой росписи к ландмилицам отнесены ещё 3 помещичьих крестьянина (один из них уже «в нетях», то есть бежал дорогой), 2 крестьянина Алексеевского девичьего и один крестьянин Николаевского Антонова монастырей[352]. Ладмилицким солдатом был присланный в набор крепостной из имения кн. Троекурова (Ярославский уезд)[353].

Ещё одна именная «роспись» относится к рекрутам из Новоторжского уезда и посада и датирована 1 августа 1719 года. Первоначально в рекруты было послано 80 ландмилицких солдат, но из них бежало дорогой до Санкт – Петербурга шестеро. Ещё 13 оказались на смотре негодными к службе. Губернские власти выслали «с тех же поместий» взамен бежавших и негодных ещё 19 человек с 10 провожатыми для воспрепятствования побегам. Из этих 19 монастырскими крестьянами были 4, посадским человеком – 1, прочие – помещичьими крестьянами. Но на смотре и из этих трое оказалось негодными к службе (у всех – болезнь ног)[354].

Информация о ландмилицком наборе 1711 года с 10 дворов в Санкт – Петербургской губернии содержится не только в именных «росписях» рекрут, но и в нескольких «сказках» пойманных беглых рекрут. 16 июля 1719 года один из таких беглых показал в допросе, что взят он «тому ж седьмой год», то есть примерно в 1713 году, из

крестьян Вознесенского девичьего монастыря (Псковский уезд), в составе рекрутской команды приведён рекрутским наборщиком во Псков и бежал с псковской рекрутской «станции» (сборного пункта) в Польшу, а потом в Курляндию[355]. Набор с 10 дворов в 1713 году в Санкт – Петербургской губернии, к которой относился и Псковский уезд, предположительно мог быть ландмилицким потому, что столь строгая норма набора (с 10 дворов) по всей стране в это время уже не применялась. При Петре I набор с 10 дворов, кроме ландмилицкого в Санкт – Петербургской губернии в 1711 году, проводился только в Московской губернии в 1710 году. Несмотря на то, что в этой «сказке» набор прямо не назван ландмилицким, можно предположить, что именно в этот набор и был набран беглец.

В 1720 г. беглый солдат девятнадцати лет в своей «сказке» показал, что его взяли в службу в 1719 г. по ландмилицкому набору с 10 дворов. В набор приведён он был не в Военную коллегию, как это обычно делалось в то время, а в Санкт – Петербургскую губернскую канцелярию, и там же был определён в службу в обычный пехотный полк на острове Котлин[356]. Информация из этой «сказки» фиксирует момент, когда ландмилиция в Санкт – Петербургской губернии была уже ликвидирована, но рекруты в ландмилицкий набор, объявленный в 1711 г., ещё набирались. Столь большому сроку набора (за 1711 – 1719 гг. этот набор ещё не был закончен) способствовала его очень тяжёлая норма – с 10 дворов.

Есть упоминание о наборе рекрут из ландмилицких солдат наряда 1711 года с Деревской и Бежецкой пятин (разделение на пятины было характерно только для Новгородского уезда)[357].

Справка от 21 ноября 1720 года фиксирует недоимку 2 рекрут с Пошехонской провинции по ландмилицкому набору с 10 дворов, возникшую, правда, из – за присылки негодных рекрут[358].

Всего, таким образом, известно как минимум о 167 ландмилицких солдатах Санкт – Петербургской губернии из примерно 4 тысяч солдат, положенных по штату 4 гарнизонных полков, и из примерно 10 тысяч рекрут, которых должны были набрать, чтобы выполнить план специального ландмилицкого набора (в Санкт – Петербургской губернии числилось около 100 тысяч дворов, подлежащих рекрутской повинности, следовательно, при норме набора 1 рекрут с 10 дворов и получится 10 тысяч рекрут).

Момент создания Санкт-Петербургской ландмилиции предположительно отражён в письме Меншикова Петру I от 30 июня 1711 года, хотя сам термин «ландмилиция» здесь ещё не употребляется[359]. Царь в момент составления этого документа находился в Прутском походе против турок, поручив оборону Санкт-Петербурга и ведение войны со шведами своему фавориту. В этом письме санкт-петербургский губернатор Меншиков сообщает о наборе в губернии для её охранения трёх драгунских полков. Меншиков уточняет, что он набирает одного драгуна с 10 дворов только на время войны с турками, поэтому помещики охотно отдают в службу своих крепостных, которые при этом не выходят из зависимости от помещика, как это обычно бывало при рекрутских наборах. Успешному набору способствовал и обман населения со стороны губернатора, что эти «даточные» берутся для войны с турками, - ведь на самом деле они набирались на бесконечно длящуюся шведскую войну, очевидно, не слишком популярную среди населения.

Набор был объявлен по самой тяжёлой для населения норме – одного рекрута брали с 10 дворов. Только ещё один раз в правление Петра проводился набор по такой норме – в 1710 году с Москвы и местностей на сто вёрст вокруг неё были собраны рекруты с 10 дворов, но при этом сразу оговаривалось, что для компенсации такой тяжести в будущем, 1711 году, с этих местностей рекрутского набора не будет вовсе. Трудности ландмилицкого набора в Санкт – Петербургской губернии, объявленного в 1711 г., были таковы, что ещё и в 1720 г. он не был закончен. В распоряжении о начале этого губернского ландмилицкого набора оговаривалось, что помещик или вотчинник может не выставлять рекрут в этот набор, если сам поступит на службу в эти полки, однако, что – либо о службе в «ландмилицах» помещиков или вотчинников ничего не известно. Этот набор необычен тем, что он – единственный в истории рекрутских наборов в России, который был объявлен и вёлся губернскими, а не центральными властями.

Зачисленные в ландмилицию несли службу обычным для «даточных» в допетровской Руси способом – выезжали на службу на короткий период в относительно свободное от сельских работ время года. В чрезвычайной ситуации (нападение врага или сильная угроза такого нападения) они поголовно являлись на службу. Наиболее вероятно, что и снабжение их провиантом, мундиром, амуницией и даже вооружением также осуществлялось помещиком, которому ландмилицы продолжали принадлежать. Ввиду своей невысокой боеспособности ландмилицкие полки в Санкт - Петербургской губернии несли службу не полевых, а гарнизонных войск – охрана государственных объектов, казны и заключённых, борьба с бунтами и разбоями, посыльная служба, конвоирование рекрут и т. п. Пётр I был

хорошо осведомлён о состоянии дел в ландмилиции столичной губернии и одно время даже расширял её состав. В 1716 г. он указал набрать в ландмилицию четвёртый (Шепелев) полк с дислокацией в Ревеле. В свободное время этот полк должен был находиться на работах в том же Ревеле или в Кронштадте. Аналогично ландмилиция на Украине примерно в это же время привлекалась к строительству крепости в Киеве.

В начале 1719 г. активизировалась война с Швецией. В Балтийское море был введён флот враждебно к России настроенной Британии. Шведское правительство рассчитывало при поддержке своего нового союзника закончить войну на более выгодных для себя условиях. Одновременно влияние Меншикова А. Д. на Петра ослабло. Очередные разоблачения воровства и злоупотреблений фаворита не спасали его уже от гнева царя[360]. Необходимость пополнения полевой армии, недоверие к организатору Санкт-Петербургской ландмилиции и очевидная низкая боеспособность ландмилицев, этих полусолдат, которым их крепостная зависимость и сельские занятия мешали быть настоящими солдатами, послужили причинами ликвидации ландмилиции по всей стране - одновременно с ландмилицией Санкт-Петербургской была ликвидирована и Украинская ландмилиция. На юге сторонником существования ландмилиции из местных однодворцев был фельдмаршал Б. П. Шереметьев, командовавший Украинским корпусом. Он умер в 1718 г., незадолго до смерти вызвав гнев царя своей двусмысленной позицией в деле царевича Алексея. В 1723 г. ввиду турецкой угрозы Украинская ландмилиция была воссоздана. Первая же по времени возникновения Санкт – Петербургская ландмилиция уже никогда больше не воссоздавалась.

На основе вновь вводимых в научный оборот документов фонда канцелярии Военной коллегии нам удалось уточнить дату создания первых ландмилицких формирований русской армии. Удалось также доказать факт существования до сих пор не зафиксированной наукой ландмилицкой группировки, самой ранней по времени создания в русской армии, - Санкт – Петербургской ландмилиции (1711 – 1719 гг.).

5. Финские рекруты в русской армии

Особо стоит в истории рекрутчины при Петре I набор в русскую армию финнов с оккупированной русскими войсками Финляндии.

Перелом в Северной войне совершился после разгрома шведов под Полтавой в 1709 году. Подвластная шведам и граничащая с Россией Финляндия стала ареной военных действий в 1710 году. В этом году русские для ликвидации шведской угрозы Санкт – Петербургу овладели первым важным центром на территории Финляндии Выборгом. Положение южной Финляндии между Санкт – Петербургом и Стокгольмом делало для русского командования оккупацию этой зависимой от Швеции страны естественной ближайшей целью. В 1712 году вторжение русских из Выборга в контролируемую шведами часть Финляндии оказалось неудачным. Приграничная финская территория к этому времени была намеренно опустошена шведами – население выселено, селения и запасы продовольствия и фуража сожжены. Под угрозой голода русская армия отступила в Выборг.

Захват русскими основной части территории Финляндии произошёл в 1713 -1714 годах. Талантливый русский полководец генерал (впоследствии фельдмаршал) М. М. Голицын в двух сражениях (при Пялкяне в 1713 году и при Лапполе (Напуэ) в 1714 году) нанёс поражение основным шведским силам в Финляндии. Разгромленные войска генерала Армфельда отступили на территорию собственно Швеции. Последнее контролируемое шведами укрепление в Финляндии Коянбург (северо – восток страны) сдалось русским в 1716 году. Практически вся Финляндия находилась под властью русской оккупационной администрации вплоть до окончания войны в 1721 году. Только на границе Финляндии и Швеции стороны беспокоили друг друга регулярными неглубокими вторжениями. Кроме этого против русской власти в Финляндии действовали местные партизаны.

Взаимоотношения русских оккупационных войск и воссозданной русскими с 1717 года гражданской администрации с местным финским населением были разными в разные периоды и в разных частях оккупированной страны и в целом прошли путь от простого ограбления и порабощения финнов русскими войсками на начальном этапе до значительного улучшения отношений в конце оккупации[361]. Традиции войны той эпохи допускали опустошение территории противника и взыскание с населения оккупированной территории контрибуции для полного содержания оккупационных войск. Положение Финляндии осложнялось сильным опустошением страны непосильными налогами и наборами рекрут в ходе Северной войны шведской властью ещё до русской оккупации. При наступлении русских значительная часть населения ушла со шведами или бежала в труднодоступные леса и на прибрежные острова. Командование

русского оккупационного корпуса в Финляндии заслужило благодарную память финнов своими серьёзными усилиями по восстановлению нормальной жизни в стране. Контрибуция собиралась в щадящих размерах вполне гуманными методами. Лояльность финнов русским оккупационным властям доходила до случаев выдачи населением партизан оккупационным властям.

В 1720 году русские провели на территории Финляндии рекрутский набор. Такой шаг оккупационных властей может быть истолкован либо как использование ресурсов подвластной территории с вполне лояльным населением, либо как попытку под предлогом набора в армию изъять из страны потенциально враждебные оккупантам элементы. К тому времени сведения о финнах, как о хороших солдатах, проникли в Россию и отложились, например, в труде Посошкова[362]. Пётр I в ходе дипломатической борьбы за вновь завоёванные земли в Прибалтике в какой – то момент предполагал даже присоединить к России южную Финляндию для обеспечения надёжного выхода русского флота из финского залива в Балтийское море. Именно в свете этих многообразных мотивов и следует толковать рекрутский набор финнов в русскую армию.

Русская рекрутчина оказалась тяжёлым испытанием для финнов. Традиционно обращение с рекрутами в русской армии отличалось жёсткостью, часто переходящей в жестокость. Языковый и религиозный барьеры создавали дополнительные трудности финнам для службы в русской армии. Пётр I не собирался использовать набранных в русскую армию финнов на их родине. Переброска на огромные расстояния в местности с непривычным для них климатом повышали число болезней и смертей среди финнов – солдат русской армии.

Первое по времени сочинение, упоминающее о наборе рекрут в русскую армию во время Северной войны, - финская хроника из г. Або (нынешний г. Турку)[363]. Эта анонимная летопись от «сотворения мира» дошла до нас в одном кодексе с Псалтырью и датируется 1761 годом. Традиция анонимного церковного средневекового летописания ещё в середине XVIII века сохранялась в Финляндии. Эта финская летопись ничем принципиально не отличается от, например, летописей русских (анонимный церковный автор, краткое погодное изложение событий). В этой Абосской хронике 1761 года отражена точка зрения населения Финляндии на русскую оккупацию и на рекрутский набор среди финнов. В целом, какой – либо антирусской тенденции эта хроника не содержит. Этот источник представляется вполне надёжным, хотя и очень кратким. Автор не говорит прямо о рекрутском наборе среди финнов. Он упоминает, что много жителей было угнано русскими в Санкт – Петербург и в Астрахань. Известно из опубликованных документов, что в Санкт – Петербург русские угоняли специалистов – судостроителей, но в Астрахань перебрасывали только финских рекрут. Таким образом, Абосская хроника здесь неявно говорит именно о финских рекрутах.

И. И. Голиков в своей обширной и хорошо документированной компиляции говорит о финских рекрутах в петровской армии, ошибочно называя финнов («финляндцев») «лифляндцами»[364]. Пётр в изложенном Голиковым И. И. указе М. М. Голицыну 1720 года приказывает присылаемых от ланд – гевдинга посылать для работы в Санкт – Петербург. М. М. Голицын в это время командовал русским Финляндским корпусом, не имевшим никакого отношения к Лифляндии, которая входила тогда в состав Рижской губернии. Шведским названием «ланд - гевдинг» в это время в русской

административной системе назывался только гражданский губернатор оккупированной русскими Финляндии. Должность эта также не имела никакого отношения к Лифляндии. Таким образом, вероятно, это сообщение И. И. Голикова относится к набору в русскую армию не «лифляндцев», а финнов. Сообщение это отражает последний этап набора, когда, учитывая непредвиденные трудности, возникшие при переброске финских рекрут вглубь территории России, было решено использовать финнов вблизи от Финляндии в Санкт – Петербурге.

С набором финнов в русскую армию связан малодостоверный анекдот, типичный для фольклорных историй о Петре. Передаёт этот анекдот некий автор по фамилии Рюс (или Рюсов) (его излагает публикатор Абосской хроники 1761 года Бутков П. Г. в своих комментариях к этой хронике). Якобы, причиной рекрутского набора в Финляндии при русской оккупации было преступление, действительно совершённое русским гражданским губернатором страны шотландцем на русской службе Густавом Дугласом на пасху 1719 года. Этот чиновник во время праздничной попойки, перешедшей в пьяную драку, смертельно ранил русского генерал – гевалдигера (то есть начальника военной полиции) Епифанова и, пытаясь искупить свой проступок, пообещал царю набрать финских рекрут в русскую армию. Ни Бутков П. Г., ни Бородкин М. М., излагавшие эту легенду, не верят в неё, но в финской историографии она признаётся за достоверную. Это связано с преувеличением роли Г. Дугласа в негативных сторонах русской политики в оккупированной Финляндии. На самом деле такие администраторы как М. М. Голицын, Ф. М. Апраксин и сам царь достаточно подробно входили в финские дела, чтобы столь случайное обстоятельство, как

преступление Г. Дугласа, могло иметь решающее значение в таком важном вопросе, как рекрутский набор среди финнов.

В русской историографии вопрос о финских рекрутах при Петре I разобрал в своей объёмной «Истории Финляндии» М. М. Бородкин. Крупный чиновник в аппарате русского губернатора в Финляндии в начале XX века, публицист и историк, свои многочисленные печатные труды он посвятил защите русской власти над Финляндией[365]. Его «История» справедливо считается произведением тенденциозным, но насыщенным многочисленными впервые вводимыми в научный оборот фактами. Рекрутский набор в Финляндии автор описывает по документам из фонда Ф. М. Апраксина в РГА ВМФ, не пользуясь материалами РГВИА. Анекдот Рюса (Рюсова) о Дугласе Г., обрушившем на голову финского населения русский рекрутский набор, автор отвергает. Какой – либо антифинской тенденциозности в сюжете о финских рекрутах в русской армии Бородкин М. М. не проявляет. Ему принадлежит честь введения в научный оборот сведений об этом необычном рекрутском наборе, но возможности российских архивов он использовал не в полной мере.

Финская историография в вопросе о рекрутском наборе финнов в русскую армию не продвинулась дальше Рюса (Рюсова) и Бородкина М. М. Автор наиболее авторитетного на сегодня общего труда по истории своей страны Ютиккала Е. считает инициатором рекрутского набора Г. Дугласа и вслед за Бородкиным М. М. упоминает о большой доли беглых среди финских рекрут[366].

Авторам XVIII в. набор финнов в русскую армию при Петре I казался столь невозможным, что они предпочитали толковать попавшие в их руки материалы об этом, либо как угон населения на работы в Россию (анонимный автор Абосской хроники 1761 г.), либо

как вообще не относящиеся к финнам (И. И. Голиков). В историографии XIX – начала XX вв. факт набора был признан, но анекдотическое объяснение причины этого феномена ещё не было изжито. Финская историография верит анекдоту некоего Рюса (Рюсова) о злых кознях международного авантюриста Г. Дугласа, косвенно обеляя таким образом русскую оккупационную администрацию Финляндии и самого Петра I. Впервые достойно разработавший этот сюжет русский историк М. М. Бородкин не принимает это лестное для русских объяснение, признавая, что русские администраторы (Голицын М. М., Апраксин Ф. М., Пётр I) могли придумать набирать финнов в русскую армию и без Г. Дугласа.

Набор финских рекрут отражён в материалах российских архивов. Документы из РГА ВМФ использовал Бородкин М. М. В РГВИА имеется не использованный до сих пор комплекс документов канцелярии Военной коллегии, относящихся к 1720 г., о наборе финнов, бегстве части финских рекрут на пути из Санкт – Петербурга в Новгород, высокой смертности среди финских рекрут при переброске их в русские полки[367].

Наиболее вероятно, что набор финнов в русскую армию был предпринят с целью уменьшения размаха партизанского движения против русской армии в Финляндии[368]. По имени одного удачливого предводителя финских партизан в Северную войну называли «кивикесами». Ещё в начале войны они совершали рейды в занятую русскими Ингрию. Шведский командующий Кониорт счёл, что это нарушает традиции войны, как их понимали в Европе в то время, и грозил финским партизанам смертной казнью за борьбу с русскими. Однако, Карл XII отменил приказание Кониорта и одобрил инициативу своих финских подданных. В 1713 г. финские партизаны

появлялись даже в окрестностях Санкт – Петербурга. Это так обеспокоило командовавшего завоеванием Финляндии Ф. М. Апраксина, что он отправил шведскому командованию угрозу казнить пойманных партизан, даже если они будут предъявлять специальные патенты от шведских властей. В 1714 году финские партизаны совершили несколько удачных нападений на дороге между Гельсингфорсом (Хельсинки) и Тавастгусом (Тампере) на небольшие русские партии, сопровождавшие воинские грузы (медикаменты), и даже переписка Ф. М. Апраксина и М. М. Голицына однажды была перехвачена партизанами. Шведское командование направляло в оккупированную, но плохо контролировавшуюся русскими страну небольшие отряды для возвращения бежавших из шведской армии финнов. Часть этих групп перехватывалась русскими, но некоторые такие рейды были удачными для шведов. Отношение населения к партизанам стало меняться со временем в более благоприятную для русских оккупационных властей сторону под влиянием успехов в налаживании нормальной жизни в стране. К 1720 г. стала возрождаться торговля. Контрибуция, взыскиваемая русскими властями никогда не была большой. С другой стороны, часть партизан со временем своими поборами с населения перестала чем – либо отличаться от обыкновенных разбойников. Увеличилось число случаев, когда само население выдавало партизан русским властям.

Для окончательного умиротворения, прекращения фактических наборов шведами финнов в свою армию из оккупированной русскими страны и ликвидации партизанского движения было принято решение набрать рекрут с Финляндии в русскую армию по шведским правилам и направить их на службу в гарнизоны вглубь России (в Казань и в Астрахань). Ещё в 1716 г. в оккупированной русскими войсками части

Финляндии была проведена перепись, согласно которой в этой части страны было 14 300 крестьянских дворов, а население городов составляло не более 3 % населения[369].

Согласно шведским правилам набора на военную службу рекрут был обязан явиться на службу со своим оружием. Такой обычай давал удобную возможность оккупационным властям изъять оружие у населения. При обсуждении принципов будущего набора Г. Дуглас, ландс – гевдинг (гражданский управитель) Финляндии с 1717 года, предложил для облегчения набора объявить, что он проводится с целью борьбы с партизанами, однако, Ф. М. Апраксин не согласился на такой обман. Рекрут брали с определённого числа «манталей» - единиц налогового обложения, включавшего от 1 до 5 дворов. Планировалось с помощью русских оккупационных войск набрать 2142 рекрута 18 – 25 лет и 100 бывших солдат шведской армии и собрать их на двух сборных пунктах - в замке г. Або (Турку) и на одном из островов в окрестностях г. Гельсингфорса. Рекруты должны были явиться с оружием, хранящимся у них дома, как это предписывалось ранее шведскими властями. На сборных пунктах это оружие у финнов изымалось. Сами эти сборные пункты представляли собой хорошо укреплённые людьми и природой места, что было удобно для предотвращения побегов и нападения партизан с целью отбития рекрут. Со сборных пунктов их должны были под конвоем на галерах переправить в Санкт – Петербург, а если это будет опасно из – за шведского флота, то в более близкий Ревель (Таллин). Русские власти позаботились даже о религиозных потребностях финских рекрут – из Санкт – Петербурга из Адмиралтейств – коллегии прислали для них пастора Симона Сольнуса.

Набор начался в феврале 1720 года и сначала пошёл неожиданно хорошо. Уже к осени был набран 2171 человек, то есть план набора был выполнен. И это при том, что к тому времени рекрутские наборы в самой России сильно затягивались и планы наборов давно полностью никогда не выполнялись из-за сильного истощения населения и его сопротивления набору. Финляндия была сильно опустошена ежегодными шведскими наборами 1700 – 1713 годов, но в 1714 – 1719 годах страна не знала рекрутчины, что и благоприятствовало русскому набору 1720 года. На благоприятном течении набора сказалось достаточно высокое по меркам разорённой Финляндии солдатское жалованье в русской армии.

24 июня в Санкт – Петербург от полковника Юнгера из Финляндии на галерах было доставлено 1850 финских рекрут. К 11 июля из них было передано в команду астраханского коменданта полковника Митрофанова для конвоирования в Астрахань 1233 человека. В Санкт – Петербурге оставлено было 583 больных. Было осуждено на каторжные работы за побеги четверо. Ещё 30 человек отказались принести присягу русскому царю и содержались под караулом. Отказ принести присягу при поступлении на военную службу был совершенно новым явлением для петровской России и повергло администрацию в некоторую растерянность. Если бы такой отказ был заявлен русским подданным, то тогда он подлежал наказанию как изменник. Но что в таком случае делать с иностранными подданными?

4 августа с дороги Митрофанов вернул в Санкт – Петербург 470 заболевших финских рекрут. Свой путь до Астрахани его команда продолжила с 753 финскими рекрутами.

27 июня 1720 года в Военную коллегию были представлены 12 финских рекрут и 4 беглых финских рекрута[370]. Восемь рекрут из этой команды были взяты в службу 24 февраля 1720 года, а остальные четверо – 17 апреля 1720 года[371].

30 июня Военная коллегия приговорила четырёх присланных беглых финских рекрут предать военному суду («кригсрехт»), а 12 финских рекрут отправить в Астрахань, «куда другие их братья финские рекруты отправлены» (то есть к этому времени отправка присланных финских рекрут в Астрахань шла вовсю)[372].

К 22 августа в гарнизоне Санкт – Петербурга умер 281 финский рекрут, в том числе беглых, приговорённых к каторге двое, отказавшихся присягать – 8. За два месяца из приговорённых за побеги к каторге умерло половина (2 из 4), из содержавшихся за караулом не присяжных - 13 % (4 из 30).

К 6 сентября число умерших ещё в Санкт – Петербурге финских рекрут достигло 528 человек. Из 4 приговорённых за побег к каторге остался в живых только один. Из 30 отказавшихся присягать умерло 12 (40 %).

15 августа царь, обеспокоенный большим количеством заболевших среди финских рекрут, приказал астраханскому коменданту полковнику Митрофанову, ведущему партию финских рекрут в Астрахань и дошедшему уже до Твери, давать им соли в 2 раза больше обычного и не давать зелёных фруктов[373]. Военная коллегия уточнила пищевые запреты для финнов – к числу вредной для них пищи была причислена также свежая рыба (особенно белуга). Дефицитную соль коллегия приказала выдавать финнам, вопреки указу царя, не в 2, а в 1,5 раза больше обычной русской солдатской нормы[374]. Однако, главная причина большой смертности среди

финнов, скорее всего, был слишком жаркое лето. Русское командование ошиблось, назначив для финнов местом службы Астрахань, которая своим жарким климатом стала фактически могилой для большинства доставленных туда финских рекрут.

6 августа в Военную коллегию были представлены ещё 216 рекрут из Финляндии[375], доставленных в Санкт – Петербург из Гельсингфорсской крепости на галерах под конвоем из 100 солдат разных полков под командованием майора Великолуцкого полка Лутовинова[376].

9 августа Военная коллегия приговорила отправить эту команду, снабдив её конвоем из 50 драгун Псковского драгунского полка под командой капитана и поручика, жалованьем, провиантом и тридцатью подводами под него, в Тверь к уже пришедшему туда контингенту финских рекрут, отправленных ранее в Астрахань с полковником Митрофановым[377].

Один из финских рекрут Микко Яков – пойга (из деревни Коки Марсо кирхи Улвяла Абосского уезда) при смотре в Военной коллегии обратился с жалобой, что им не платят обещанное жалованье. Сразу же после набора в Финляндии он получил месячное жалованье 45,5 коп. за май, но жалованья на июнь, июль и август он не получил, как и другие финские рекруты его команды[378]. Коллегия оставила эту жалобу без последствий – факты задержки жалованья были в то время нередки и среди русских рекрут и солдат.

17 августа 216 финских рекрут были переданы приведшим их из Финляндии конвоем в Преображенский полк.

18 августа Военная коллегия назначила командиром нового конвоя для переброски этих 216 финских рекрут в Тверь капитана Енгалычева Т. и велела командиру Преображенского полка передать

этих «финцев» новому конвою. Капитан Енгалычев Т. запросил лошадей под провиант, а также предписание, что делать с больными и по скольку вёрст в день идти. Енгалычев Т. упомянул, что для предыдущего конвоя финских рекрут ему было дано 20 лошадей[379]. Митрофанов должен был со своей командой финнов остановиться в Твери и дождаться рекрутскую команду Енгалычева[380].

23 августа из-под дер. Любань из команды капитана Енгалычева Т. совершили побег 73 финских рекрута. В тот же день капитан доложил в Военную коллегию:

«И я с оными финцы быв в маршу разделил их на чатыре каманды по пятидесят по чатыря человека в каманду для лутчего смотрения и астарожности драгунам. А драгуны при них шли зарядя ружье и примкнув штыки. И прибыл я са онами рекруты сего августа 23 числа в деревни Любани абедат и обедав пошел в марше. И вышад иза оной деревни и отшел с пол версты и оныя финцы, усмотря лес частой и подле дороги великия завалы, закричав все разом и драгун попихав в канавы, побежали в лес на обе стороны. И драгуны учали по ним полит из ружья и в штыки колот и которыя могли удержали, а других догоняв в лесу ловили в том числе других и переранили. А удержано и поимано 142 человека. А ушло 74 человека. И я вышеписанной деревни Любани остоновился и розослал во все деревни, чтоб из деревень поставили караулы где явятца лавить.»[381]

В последующем донесении капитан привёл подробности побега. Драгуны погнались за беглецами по лесу и стали стрелять в воздух. Не успевшие бежать финны от стрельбы остановились, некоторые повалились между лесных завалов. Бежавших по дороге драгуны остановили. Тринадцать беглецов сумели поймать в лесу. Сопротивлявшихся рубили тесаками. Убитых финнов не было. Среди

пойманных оказалось трое раненых: один был ранен в руку, другой - в ногу, третий получил рубящий удар тесаком по голове. Огнестрельных ран у финнов не было – солдаты стреляли в воздух, только чтобы напугать беглецов (это доказывает, что в целом конвой относился к финнам хорошо). 5 сентября при возвращении команды в Санкт – Петербург в с. Тосна один из раненых финнов умер. Из приведённого в архивных материалах именного списка видно, что в команде Т. Енгалычева были рекруты из четырёх уездов Финляндии – Абовского, Беренбургского, Тавасгусского и самого северного - Вазовского. Именно вазовские рекруты и составили большинство бежавших – 63 из 73 человека. Известно, что именно жители северной Финляндии наиболее враждебно относились к русской оккупации. Для 66 из 73 беглецов указан возраст. Бежали рекруты от 16 до 38 лет. Средний возраст беглецов – 22 года. Из всех 216 финнов знали русский язык и служили переводчиками для своих соотечественников только 3 человека (все они не бежали). Впоследствии в ходе следствия об этом побеге выяснилось, что никаких нарушений в обращении конвоя с финнами не было – их достаточно кормили, не утруждали слишком быстрым темпом марша, не ковали в кандалы, как это нередко бывало в России того времени, они были достаточно снабжены одеждой.

Военная коллегия, получив первое донесение о побеге, приказала команде Енгалычева остановиться в Любани или на Волховском яме и ждать подкрепления для конвоя, высланного из Санкт – Петербурга (поручик с 50 солдатами). После прибытия подкрепления команда рекрут была доведена до Новгорода, где стала дожидаться дальнейших распоряжений.

Была разослана информация о массовом бегстве финнов в Новгород, Выборг, Кексгольм, Нарву и в города Ингерманландии.

25 августа вверх по Неве из Санкт – Петербурга в Шлиссельбург для поиска этих беглецов был послан разъезд капитана Сытина из 50 драгун, который патрулировал правый берег Невы до 7 октября. Уже ко 2 сентября в Шлиссельбург было доставлено 35 пойманных беглых финских рекрут.

26 августа на заставу в Новгороде явились и добровольно сдались трое беглых финских рекрута из команды капитана Енгалычева Т. (доношение новгородского провинциального воеводы). Впоследствии военный суд признал этих добровольно сдавшихся финнов невиновными и передал их на службу в московский гарнизон.

27 августа Пётр I велел вернуть оставшихся финских рекрут из команды капитана Т. Енгалычева в Санкт – Петербург. 7 сентября Енгалычев Т. возвратился со своим конвоем в Санкт – Петербург и уточнил, что бежало не 74, как он сообщил ранее, а 73 человека.

15 сентября Военная коллегия приговорила устроить оставшимся финским рекрутам и конвою из команды Енгалычева Т. «фергер и кригсрехт» (следствие и военный суд).

26 октября ротмистр губернского «шквадрона» (эскадрона) Кауров И. донёс из Новой Ладоги, что поймано ещё 4 беглых финских рекрута из команды капитана Т. Енгалычева.

Всего было задержано 42 финна из 73 человек, бежавших 23 августа из - под Любани.

16 ноября военный следователь Путилов признал конвой невиновным в бегстве 73 финских рекрут 23 августа.

Косвенно в бегстве трети финских рекрут из 216 человек виновата сама Военная коллегия: если при переброске по морю из

Гельсингфорса в Санкт – Петербург эту партию рекрут охраняли 100 солдат, то при гораздо более трудном переводе этой партии из Санкт – Петербурга в Тверь охрана состояла только из 50 драгун, то есть на одного рекрута приходилось в два раза меньше конвойных. Фактически же эти «драгуны» не имели лошадей и сопровождали рекрут пешими, что сильно затруднило это конвоирование и поимку беглецов.

Побег 23 августа 1720 года из – под деревни Любань 73 финских рекрут (почти трети из команды в 216 человек) стал самым крупным побегом финских рекрут при наборе их в русскую армию и самым крупным массовым побегом рекрут в России при Петре I. Финны ударились в бега при пересечении довоенной русско-шведской границы, когда поняли, что их переводят вглубь России и служить они будут вдалеке от своей Финляндии. Сговорились бежать рекруты из Вазовского уезда Финляндии, население которого непримиримо относилось к русской оккупационной администрации Финляндии. Столь масштабный побег окончательно убедил царя отказаться от дальнейшей переброски финских рекрут в гарнизоны Казани и Астрахани. Уже доставленные в Астрахань финны были оставлены служить там, прочие осталась на работах в Санкт – Петербурге и на гарнизонной службе в Москве. Было приказано распределять финнов по гарнизонным полкам не более чем по десяти человек на роту (то есть так, чтобы финны составляли только несколько процентов от всего личного состава роты).

Из службы финнов в московском гарнизоне в конце Северной войны известен следующий эпизод. При поступлении на службу финнам было объявлено, как и всякому поступавшему в то время в русскую армию, что им за службу будет выдаваться в составе

продуктов питания серьёзное количество соли. На соль в России тогда существовала государственная монополия – соль стоила дорого, этот дефицитный продукт можно было выгодно реализовать на тогдашнем «чёрном рынке», да и тогдашняя медицина рекомендовала соль как универсальное лекарство. По прибытии на службу в Москву выяснилось, что неизвестно почему с давних времён соль солдатам московского гарнизона не выдаётся вовсе. Никаких протестов со стороны русских солдат, привыкших к административным порядкам своей родины, по этому поводу никогда не было. Финские же новобранцы стали жаловаться на невыдачу соли. Дело дошло до Военной коллегии, которая убоявшись новых осложнений с финнами, приказала соль выдавать по положенной норме, но только финским солдатам. Так европейцы – финны сумели защитить свои законные права, даже находясь на принудительной военной службе среди забитых, боящихся отстаивать свои законные интересы русских солдат.

13 сентября Военная коллегия приговорила отправить для службы в московский гарнизон команду из 230 финских рекрута в составе команды капитана Губарева. В конвое было три офицера и 103 унтер-офицера и драгуна Псковского драгунского полка. Побег финских рекрут 23 августа из – под Любани из команды Т. Енгалычева заставил отправлять финнов с усиленным конвоем (на одного конвойного в команде Губарева приходилось примерно по 2 рекрута, а не по 4, как в команде Т. Енгалычева). Большинство финских рекрут в команде Губарева (142 из 230 человек) происходили из жителей Абовского уезда, где относительно хорошо относились к русским.

18 сентября команда Губарева вышла из Санкт – Петербурга и благополучно прибыла в Москву 1 ноября 1720 года. В дороге умерло 12 финских рекрут. Случаев побега не было. Доставленные 218 финнов были поровну распределены между Урусовым и Орловым гарнизонными полками Москвы. Успеху переброски способствовал достаточно многочисленный конвой, отсутствие среди финских рекрут уроженцев Вазовского уезда, а также установившаяся осенняя погода, при которой северяне-финны меньше умирали, чем при июльской и августовской жаре. Финны ещё раз сумели удивить своей лояльностью к русской власти – даже при конвоировании русских рекрут между Санкт – Петербургом и Москвой при Петре I всегда было то или иное количество бежавших, среди финнов команды Губарева беглых не оказалось.

Итоги набора финнов в русскую армию были печальны. Вместо серьёзного пополнения гарнизонов Казани и Астрахани (должно было получиться примерно по одному финскому гарнизонному полку в каждом городе) русская армия получила небольшое число новобранцев (примерно двести человек) для столичного московского гарнизона, не очень-то и нуждавшегося в пополнении. Ещё две сотни финнов остались в Санкт – Петербурге на строительных работах, фактически отстранёнными от военной службы. Роль их в этих строительных работах также была невелика (каждый год со всей России в Санкт – Петербург приводилось несколько десятков тысяч принудительно набранных работников). В Астрахань было направлено около 1400 финских рекрут, скорее всего, почти все они умерли, не выдержав слишком жаркого для них климата Нижней Волги. Из примерно двух тысяч рекрут домой в Финляндию по окончании войны возвратилось только около четырёхсот человек.

Серьёзное сопротивление набору в русскую армию оказали жители Вазовского уезда в северной Финляндии. Прочие финны сумели удивить своей лояльностью русским, что подтверждает успешность русской политики по умиротворению Финляндии среди населения южной части страны.

Вопреки впечатлению от случая побега крупной партии финнов из команды Енгалычева Т. в целом число беглых финских рекрут было невелико. Побег 23 августа из – под Любани 73 финских рекрута из северной Финляндии сыграл свою роль в облегчении условий службы финнов в России – большинство финнов после этого побега оставили служить в Москве и на работах в Санкт – Петербурге и не оправили в Астрахань с губительным для финнов климатом.

Среди документов, связанных с набором финнов в русскую армию есть несколько именных списков финских рекрут, где зафиксированы их возраст, социальное и семейное положение. Все рекруты – из «мужиков», то есть из вольных крестьян, не знавших над собой никакого помещика. Среди рекрут есть небольшое (менее 10 %) число батраков, не имевших своей земли и живших у какого – нибудь крестьянина. Большинство рекрут были неженатыми. Шведское правило о наборе в армию лиц 18 – 25 лет русскими властями фактически не соблюдалось - брались рекруты от 14 до 38 лет. В бедной и истощённой войной Финляндии солдатское жалованье в русской армии в 45,5 копеек в месяц считалось серьёзным заработком, что сыграло немалую роль в успехе русского рекрутского набора среди населения южной Финляндии.

Рекрутский набор финнов в русскую армию должен был удивить русское командование тремя особенностями – ужасающей смертностью финнов от неблагоприятного для них своими высокими

температурами климатом России, сильным сопротивлением рекрутчине со стороны населения северной Финляндии и удивительной успешностью набора в южной Финляндии. Набор финнов в русскую армию оказался почти бесполезен для России – в силу русского климата они могли относительно безболезненно служить только недалеко от своей Финляндии, что, однако, было слишком опасно для России. Ошибка русского командования с набором финнов обернулась смертью примерно 80 % набранных. Из положительных последствий набора надо указать на проявившуюся лояльность населения южной Финляндии русской власти и продемонстрированное им законопослушание вполне цивилизованного европейского народа.

6. Выводы

В последний период Северной войны ни интенсивность военных действий, ни их территориальный размах не требовали особенных усилий в комплектовании армии пополнениями. Наиболее серьёзными проблемами были многочисленные злоупотребления при рекрутском наборе и постоянно накапливавшиеся рекрутские недоимки. Очень много недоимок было прощено по случаю окончания Северной войны, однако, сразу после войны рекрутские недоимки снова стали расти, как снежный ком. В связи с быстро преобразуемым реформами и растущим численно административным аппаратом усилилась коррупция при рекрутских наборах. Власти предпринимали серьёзные меры по улучшению положения рекрут, однако, часто новые инструкции по более мягкому обращению с рекрутами не выполнялись. Судя по постоянным масштабным недоимкам рекрут

страна тяжело страдала от рекрутчины. В 1719 – 1724 гг. для пополнения регулярной армии были ликвидированы некоторые полурегулярные воинские формирования, вроде Санкт – Петербургской ландмилиции. Царь даже попытался пополнять армию населением оккупированной Финляндии, однако, из – за сопротивления финнов такому набору большой пользы такой набор не принёс.

Глава 5. Проблема бегства рекрут при Петре I

Серьёзной проблемой для рекрутской системы комплектования при Петре стало бегство рекрут с дороги и с рекрутских «станций». Связано это было с тяжёлым положением, в котором находились рекруты, со злоупотреблениями при рекрутских наборах и со стремлением избежать участия в боевых действиях. Особенно острой стала эта проблема с начала массовых номерных рекрутских наборов в 1705 г. Власти боролись с этим явлением как законодательными, так и административно – распорядительными методами. Однако, окончательно покончить с этим явлением при Петре так и не удалось.

1. Законодательные меры борьбы с бегством рекрут

Первоначально военное законодательство России при Петре относилось к беглым рекрутам, по примеру наёмных армий Западной Европы, чрезвычайно строго. По указу с Генерального Двора в Преображенском от 27 сентября 1700 г. велено было пойманных беглых рекрут вешать[382]. Добровольно явившиеся из бегов рекруты, однако, уже не подлежали казни[383]. Впоследствии накануне масштабных рекрутских наборов после очевидного большого количества беглых при наборе с посадов именным указом царя от 19 января 1705 г. отношение к беглым смягчилось – вешать теперь полагалось только каждого третьего пойманного беглого рекрута по жребию, а прочих бить кнутом и ссылать на вечную каторгу. Однако, уже 20 февраля 1705 г. в указе о первом массовом рекрутском наборе за бегство рекрут и их укрывателей велено было снова вешать. За беглого с той же общины выставлялся новый рекрут[384]. Позднее царь

продолжил смягчение отношения к беглым рекрутам. Указы от 10 февраля и 4 июня 1705 г. заменяют добровольно явившимся из бегов рекрутам вечную каторгу на пятилетнюю в Азове и в Санкт – Петербурге с последующим возвращением на службу.

Указ от 24 августа 1705 г. ещё раз уточняет наказания за бегство рекрут. Если беглый рекрут прятался в том имении или общине, с которой был взят, то с этой общины взыскивалось 10 рублей штрафа, и брался ещё один рекрут в наказание. За побег группы рекрут заводил велено было вешать, а если таких инициаторов побега установить не удалось, то вешать каждого десятого рекрута по жребию. Прочие должны были наказываться кнутом. Добровольно явившиеся из бегов рекруты наказывались мягче – только при полку «по артикулу», то есть шпицрутенами по решению командира полка. Указ от 29 октября 1705 г. устанавливает смертную казнь за недонесение о беглом рекруте[385].

Принцип круговой поруки рекрут по двадцать и более человек для удержания их от побегов и возложения ответственности за беглых рекрут на их родственниках и свойственниках стал применяться после указа от 13 января 1708 г. Ближняя канцелярия, разъясняя новый указ в своём приговоре от 22 января 1708 г., повторяет в качестве наказания пойманным беглым смертную казнь. За бегство рекрута наказывались его родственники (отцы, братья, дядья) и свойственники ссылкой вместе с их жёнами и детьми в новозавоёванные города. Укрывателю беглого рекрута полагалось наказание в виде конфискации поместья, а беспоместным – также смертная казнь. Для сбора точной информации при наборе наборщики должны были записать соответствующие сведения о рекруте (имена отцов, прозвища, возраст, приметы, семейное положение (холост или женат),

имена и отчества жён, имена и возраст детей, имена и прозвища дядей, братьёв, племянников и иных свойственников, живущих с рекрутом в одной деревне). 11 июня 1708 г. президент Поместного приказа думный дьяк А. Иванов по запросу наборщика рекрут из Ярославля С. Колычева приговорил брать на службу вместо беглого рекрута его годного родственника или свойственника из той же деревни, однако, дьяк смягчает наказание для пойманных беглых рекрут – их следовало только наказать кнутом и отсылать по прежнему месту службы. 22 апреля 1710 г. Приказ земских дел по запросу наборщика В. Пазухина смягчил наказание за укрывательство беглого рекрута - приказал брать штраф в 15 рублей. Ближняя канцелярия уточнила эту процедуру своим приговором от 5 июня 1710 г. Население для борьбы с беглыми должно было выбирать из своей среды специальных людей для ловли беглых – сотских, пятидесятских и десятских (соответственно одного от ста, пятидесяти и десяти тяглых дворов), штраф брался не только с укрывателей, но и с не донесших о беглеце. Ответственность родственников и свойственников за беглеца отменялась. Можно было спрашивать за бегство рекрута только с его добровольных поручителей (то есть с людей, нанявших наёмщика в рекруты вместо собственной службы). Тех, кто не мог выплатить штраф по бедности, наказывались вместо этого кнутом. Несколько скорректирована была эта процедура следующим приговором Ближней канцелярии от 7 июля 1710 г. Ответственность родственников и свойственников за беглого рекрут отменялась, однако, после определённого срока, если беглец не будет возвращён на службу тем или иным путём, то они были обязаны выставить нового годного к службе рекрута и уплатить штраф в 15 рублей. Пойманные беглые рекруты и сознательно солгавшие о

незнании местонахождения беглого рекрута подлежали наказанию кнутом. Сенат приговором от 12 июня 1711 г. требовал пытать пойманных беглых с целью выяснения информации о тех, кто их скрывал. Первая амнистия добровольно явившимся из бегов рекрутам была объявлена именным указом от 18 февраля 1711 г., причём срок явки был установлен только в полгода. 9 октября того же года Сенат продлил эту амнистию. С тех пор она продлевалась ежегодно вплоть до окончания Северной войны[386].

С началом массовых рекрутских наборов в 1705 г. бегство рекрут стало резко возрастать. Это явление стало оказывать серьёзное влияние даже на крупные волнения на окраинах страны. Башкирский бунт 1705 г. одной из своих причин имел попытку властей отыскивать в Башкирии скрывавшихся здесь беглых рекрут[387].

В 1705 г. было объявлено, что за всякого рекрута, сбежавшего с рекрутской станции или в процессе переброски рекрут в полки, будет взят другой рекрут с того же поместья или общины, с которой был взят беглец[388]. Таким образом, с бегством рекрут боролись по принципу «вечного рекрута» - с данного поместья или с данной общины постоянно определённое число людей должны были находиться на службе. В 1709 г. по предложению президента Поместного приказа думного дьяка Автонома Иванова, фактически главы всего рекрутского дела в это время в России, было указано брать вместо сбежавшего рекрута годных в службу их поручителей (в случае если в службу пошёл «наёмщик»), а также «родственников и свойственников» (братьёв, племянников, отцов, зятьёв и т. п.)[389]. То есть принцип вечного рекрута распространялся уже не на всю общину или поместье, а только на отдельную родственную общину кровных и некровных родственников. Этот принцип был столь тяжёл для

населения, что после победы под Полтавой и коренного перелома в Северной войне (а также после смерти крепко пившего А. Иванова осенью 1709 г.), очевидно, после многочисленных жалоб он был Ближней канцелярией отменён[390]. С этого момента за бегство рекрута отвечала уже не община, родственная или соседская, а лично сам беглый рекрут. К концу Северной войны в бегах числилось примерно 20 тысяч рекрут, сбежавших с рекрутских станций и с дороги в армию[391].

Пётр приказал за привод беглого рекрута или за правдивый донос о беглом рекруте награждать 5 рублями. С укрывателя беглого рекрута взыскивалось солдатское жалованье за 3 года – 36 рублей. За первый побег рекруты наказывались шпицрутенами при полках, за два побега полагалась каторга на 5 лет[392].

Впоследствии в 1716 г. система штрафов за укрывательство была несколько изменена. В случае если беглый рекрут весь период пребывания в бегах жил в разных дворах, то брался штраф 10 рублей с «вышних и знатных особ», 5 рублей – со «средних и приказных» и ещё меньший – с купцов и крестьян. Незнание факта бегства рекрута тем, кто его держал на своей земле или на своём дворе, не освобождало от штрафа, так как было вообще запрещено кого – либо принимать в имения без «поручных записей» - деклараций, которыми власти информировались о таком приёме[393].

2. Масштабы бегства рекрут

По специальному набору с московского посада в 1703 – 1704 гг. было взято на службу 2 712 человек, из них бежало, не дойдя до

полков, 325 человек (12 %)[394]. Наборы посадских в этот период впервые сопровождались таким массовым бегством рекрут.

При наборе конных даточных с дворовых по указу от 14 июня 1705 г. всего было взято в службу 998 человек, из них сбежало 87 (9 %)[395]. Такие наборы даточных с дворовых какое – то время проходили почти каждый год. В 1706 г. набирали таких даточных с 300 и со 100 дворов. Набрано было 836 человек, из них бежало 100 человек (12 %)[396].

После астраханского бунта 1705 – 1706 гг. царь решил брать с этих мест, а также со всего Поволжья («Низа») побольше рекрут, чтобы уменьшить вероятность бунтов. После подавления мятежа из Астрахани вышла рекрутская команда из 2 108 человек. До Москвы из неё бежало 336 человек (16 %). По донесению командира этой партии Ф. Глебова царю от 7 сентября 1706 г. бежали в основном набранные бывшие участники восстания «гулящие» из «понизовой вольницы», бежали обратно в низовые земли[397]. Т. Н. Стрешнев, президент Военного приказа, много занимавшийся в то время рекрутами, признавал в письме Ф. Головину от 29 апреля 1706 г., что из одной партии рекрут в 1 100 человек бежало около 600 рекрут (55 %). Беглецы направлялись на Дон и в Гетманскую Украину, откуда вернуть их было труднее, чем из прочих русских земель, не имевших такого самоуправления, как эти территории. Т. Н. Стрешнев просил Ф. Головина указать гетману и донским казакам о выдаче беглецов[398].

Сохранились данные о бегстве поволжских рекрут за 1706 г.

В 1706 г. из рекрутской партии в 1 200 поволжских рекрут, следовавшей из Москвы во вспомогательные русские войска при короле Польши и Саксонии, бежало с Москвы и с дороги 29 человек (2 %)[399]. Такая небольшая доля беглых, возможно, объясняется тем,

что служба при саксонском короле, очевидно, считалась более лёгкой, а также тем, что рекрутской партией командовал иноземец барон Ф. Депезник (возможно, обращение с рекрутами было более гуманным, чем обычно).

При переброске другой партии «низовых» (то есть поволжских) рекрут из Казани в Оршу, тогда входившую в Речь Посполитую, из партии в 1000 человек бежало 29 (3 %)[400].

Партия симбирских рекрут при переброске в Санкт – Петербург потеряла 35 рекрут беглыми из 1 069 человек (3 %)[401].

На пути из Керенска в Санкт – Петербург из 1 081 рекрута было потеряно беглыми 33 человека (3 %)[402]. Из того же Керенска другая партия в том же году при дороге в Киев через Москву и Смоленск потеряла беглыми 76 из 1 100 человек (7 %)[403].

Партия из Сызрани во Псков уже к Москве потеряла из 1 150 человек беглыми 63 рекрута (6 %)[404].

Наиболее неудачной в смысле побегов оказалась рекрутская партия, шедшая из Казани в Москву в начале 1706 г. Уже в Свияжске (25 вёрст от Казани) из 1 000 человек бежало 130, а в дальнейшем до Москвы бежало ещё 128 рекрут. Потери от бегства, таким образом, составили 26 %[405].

Рекрут ловили и снова отправляли на службу. В том же году из Верхнего и Нижнего Ломова отправили в Москву 511 человек, пойманных после их бегства с саратовской рекрутской станции. До Москвы из них снова бежало 12 человек (2 %)[406].

Рекрутская партия из Петровска (ныне г. Камышин) из 500 человек потеряла на пути до Москвы беглыми 30 человек, а от Москвы до Смоленска бежало ещё 35 человек. Общая доля беглых составила 13 %[407].

Саратовские рекруты по пути в Москву потеряли беглыми из 297 человек 35 рекрут (12 %)[408].

Даже на кратком пути из Москвы в Смоленск из партии в 1 049 рекрут бежало в Можайске 23 человека (2 %)[409].

В 1706 г. решено было пополнить рекрутами группировку Р. Брюса в районе Смоленска с рекрутских станций Санкт – Петербурга. Из отправленных 2 082 рекрут бежало 497 человек (24 %)[410].

Одной из причин бегства рекрут было плохое обеспечение провиантом – бежали от голода, тем более, что укрыться в союзной Речи Посполитой беглому было нетрудно[411].

В 1707 г. бегство рекрут резко усилилось. Особенно много бежало на дороге от Москвы до Смоленска. Из вышедшей 6 июля 1707 г. из Москвы в действующую армию рекрутской партии в 3 023 человека до Смоленска бежало 1 023 рекрута (34 %)[412].

В 1707 г. в условиях угрозы похода шведской армии на Москву с посадов было велено набрать 1 200 конных даточных. Набрано фактически было только 1 030 человек, сбежало из них 271 (26 %)[413]. Как видно, посадские люди не хотели служить больше всего из всех подданных русского царя. Тяготы войны с 1703 - 1704 гг. только усилились. Доля беглых поэтому в целом по всей стране увеличилась, но посадские всё равно бежали больше всех.

В 1708 г., в период наивысшего военного напряжения, когда война шла уже вблизи российских границ, бегство рекрут в прифронтовой полосе было очень велико. 29 мая 1708 г. адъютант фельдмаршала Б. П. Шереметева привёл в Витебск из Москвы партию рекрут. Из 2 500 человек бежало дорогой 703 (28 %)[414]. Бежали эти рекруты в основном из Дорогобужа на строительство укреплений в районе Брянска, где администрация во главе с В. Корчминым

принимала на работы всех подряд, закрывая глаза на то, что среди принимаемых было немало беглых рекрут.

В 1708 г. очередной набор даточных с дворовых был объявлен с 200 дворов. Планировалось набрать 700 человек. Набрали фактически 550. Бежало из них 107 человек (20 %)[415].

В начале 1709 г. основная масса рекрут шла от Москвы на Украину, где разворачивались главные события войны. К февралю из Москвы в Севск было отправлено 4 500 рекрут, из них бежало с дороги 410 (9 %). Вместо бежавших Военному приказу приходилось высылать новых рекрут взамен[416]. Царь постоянно требовал, чтобы вместо беглых рекрут присылались новые[417].

По – прежнему много было беглых рекрут из жителей «низовых» земель. 2 августа 1709 г. казанский губернатор П. М. Апраксин доложил царю, что из 600 посланных из Казани в Астрахань для пополнения гарнизонов рекрут сбежала половина, все – из низовых земель[418].

В 1710 г. бегство рекрут было оставалось серьёзной проблемой. На сообщения об этой проблеме от Т. Н. Стрешнева царь отвечал, что выход из положения только один – ловить и вешать беглецов, а также отнимать поместья у помещиков, скрывающих беглецов[419]. В 1710 г. постоянно сообщал царю о бегствах рекрут с рекрутских станций и архангельский губернатор П. А. Голицын. Рекрут приходилось держать «под крепким караулом»[420].

Из Московской губернии в армию в начале 1711 г. была послана рекрутская партия под командованием И. Бобрищева – Пушкина в 4 150 человек. К 1 февраля 1711 г. из этой партии бежало 595 человек (14 %)[421].

Бегство рекрут при переброске их из Москвы в рижский гарнизон в составе партии рекрут под командованием подполковника Т. Бибикова было столь велико, что Сенату пришлось 14 июня 1711 г. учредить специальные посты на дороге из Москвы в Смоленск в Можайске, Дорогобуже, Вязьме и в Смоленске для поимки таких беглецов. Между этими городами также учреждались такие посты[422].

Т. Бибиков, ещё в Москве для борьбы с бегством рекрут запрашивал у Сената лошадей для поимки беглецов (было выделено Сенатом 6 оседланных лошадей). К партии в 2000 человек было добавлено ещё 100 на случай бегства в пути. В составе этой рекрутской партии было 686 сибирских рекрут, из которых только с Москвы к этому времени бежало 23 (3 %)[423]. Т. Бибиков вышел из Москвы, имея в своей команде 800 московских и 693 сибирских рекрута, из них бежало дорогой 20 московских (3 %) и 12 сибирских (2 %). Конвойные капрал Торунтаев и солдат Семиглазов из московского гарнизонного полка В. С. Мещанинова отпустили рекрута и сами бежали, однако вскоре вернулись с повинной в полковую съезжую избу в Москве. Их наказали шпицрутенами по приговору Сената и оставили на службе[424].

Рекрутская партия подполковника А. Грузинцова из Москвы в Санкт – Петербург в 1 200 рекрут при 400 конвойных солдатах летом 1711 г. также была снабжена 6 лошадями для поимки беглых рекрут[425]. При приёмке рекрут в Москве выяснилось, что числилось в партии не 1 200, а 1 769 рекрут, но 113 человек из них (6 %) уже бежали с Москвы[426]. Рекрутская партия вышла в Санкт – Петербург из Москвы 9 июля 1711 г. За Клином бежало сразу 65 человек. Потом на пути к с.Давыдово в 20 верстах от Клина бежало ещё 75 рекрут. Второй побег случился в лесу. Сговорившиеся бежать рекруты

вынули спрятанные ножи (очевидно, конвой не догадался обыскать рекрут перед выходом из Москвы) и бросились на конвойных. Вместе с рекрутами бежала и часть караульных солдат. Из этих беглецов караулом был пойман только некто Д. Т. Горбунов, взятый из крестьян с. Леонтьево Владимирского уезда, поместья окольничего Н. И. Акинфова. Разбойников на дороге между Москвой и Тверью было столько, что пришлось какое – то время держать пойманного в Твери. На допросе беглый показал, что к побегу его подговорил приказчик его поместья И. С. Панов. Его показание подтвердили ещё восемь рекрут из этого же поместья. Сам приказчик на допросе 3 августа 1711 г. отрицал это обвинение, объясняя оговор тем, что он привёз их в рекруты скованными. По мнению приказчика не было смысла подговаривать рекрут к побегу, поскольку за каждого беглого будут брать в службу его родственников и свойственников, годных в службу. На очной ставке Д. Т. Горбунов отказался от своего доноса. Беглого пытали, чтобы добиться правды - дали пятнадцать ударов кнутом, но он не повторил оговор[427]. Утверждение приказчика, что за беглого брались его родственники и свойственники было неверным (такую процедуру отменили ещё в 1710 г.), но следователи почему – то не обратили на это внимания. Таким образом, несмотря на отказ от показаний Д. Т. Горбунова, вероятно, что всё же приказчик подговаривал рекрут к побегу и возвращению домой.

Партию в 4 042 рекрута конвоировал в начале 1711 г. из Москвы в действующую армию, сосредотачивавшуюся на правобережной Украине для Прутского похода сам гвардейский Преображенский полк. Бегство рекрут при этом было минимальным – 72 человека (2 %)[428].

В 1710 – 1711 гг. серьёзной проблемой было комплектование войсковых частей во вновь завоёванной Риге, что было связано с эпидемией чумы, которая здесь свирепствовала. Комплектовать рижский гарнизон рекрутами в 1711 г. было приказано пяти тыловым губерниям (Московской, Смоленской, Архангелогородской, Сибирской и Казанской). Параметры бегства рекрут при комплектовании рижского гарнизона в 1711 г. приведены в таблице.

Таблица 9. Бегство рекрут при комплектовании рижского гарнизона в 1711 г. (до 8 августа 1711 г.)

Губерния	**Отправлено рекрут**	**Бежало рекрут**	**Доля беглых рекрут, %**
Московская	2 534	237	9
Смоленская	1 000	44	4
Архангелогородская	2 400	50	2
Казанская	3 258	71	2
Сибирская	1 000	169	17
Итого	**10 192**	**571**	**6**

Источник: Д и ПС. Т. 1. – № 257.

Как видно из таблицы 9 повышенное количество беглых было характерно для сибирских рекрут, что не удивительно, учитывая огромное расстояние их переброски и длительное время их нахождения в пути. Несколько выше, чем обычные 2 – 3 %, доля беглых для Московской губернии. Это можно объяснить тем, что

Московская губерния из всех этих пяти тыловых губерний расположена ближе всего к театру военных действий. Тяготы службы здесь были известны лучше. Кроме того, именно в этой губернии было много поместий, нуждавшихся в рабочих руках и готовых укрыть беглецов, следовательно, устроиться беглым можно было удобно именно здесь.

Особое внимание к комплектованию рижского гарнизона уделялось Сенатом и в 1712 – 1713 гг. Из посланных туда из Москвы с 3 по 15 июня 1712 г. 3 192 рекрут Московской, Сибирской, Азовской и Казанской губернии бежало 260 человек (8 %)[429]. К этому времени вошло в правило отводить на бегство и смерть рекрут 10 % от численности рекрутской партии. Такая убыль считалась обычной. При переброске очередной партии рекрут из Казани в Москву из 1 056 человек бежало 7 (1 %), что надо признать очень малым размером бегства[430].

Из посланных из Казани в Ригу 9 июня 1712 г. 1 975 рекрут Казанской губернии бежало с пути 260 человек (13 %)[431]. Рекруты набросились на караул с ножами и дубинами в двух верстах от Вязьмы. Вернуть удалось только 38 человек, а 4 караульных солдата бежали вместе с рекрутами[432].

Бегство рекрут при комплектовании рижского гарнизона во второй половине 1712 – начале 1713 гг. по отчёту Сенату рижского обер – коменданта Я. Полонского показано в таблице.

Таблица 10. Бегство рекрут при комплектовании Рижского гарнизона во второй половине 1712 – начале 1713 гг.

Губерния	**Послано рекрут**	**Бежало рекрут**	**Доля бежавших, %**	**Даты прибытия рекрутских партий в Ригу**
Московская	594	34	6	3 августа 1712 г., 15 января 1713 г.
Казанская	2 400	499	21	5 августа 1712 г., 28 августа 1712 г., 2 декабря 1712 г.
Азовская	933	152	16	6 августа 1712 г., 12 января 1713 г.
Сибирская	928	123	13	15 августа 1712 г.
Итого	**4 855**	**808**	**17**	

Источник: Д и ПС. Т. 3. – № 378.

После неудачного Прутского похода для снабжения армии всем необходимым был создана специальная служба – Военный комиссариат. Одной из важнейших функций её стало снабжение взятых в службу рекрут одеждой и едой, так как именно недостатки в таком снабжении признавались главной причиной бегства рекрут. Обязательной была компенсация бегства рекрут новыми взятыми на службу от тех же губерний[433]. Такая компенсация по приговору Сената от 7 февраля 1712 г. составляла 10 % на случай бегства и смерти рекрут[434]. Однако при наборе 1 000 матросов во флот в 1713 г. Сенат приговорил набрать дополнительно ещё 200 человек на случай бегства и смерти рекрут, то есть повысил этот запас с 10 % до 20 %[435].

В конце 1711 – начале 1712 гг. спешно комплектовали рекрутами группировку Н. И. Репнина, отправившуюся весной 1712 г. из Смоленска через Речь Посполитую в Померанский поход против шведских владений в северной Германии. В таблице 11 приведены данные о бегстве рекрут при поставке рекрут в эту группировку по докладу Н. И. Репнина от 31 января 1712 г.

Таблица 11. Бегство рекрут при комплектовании Померанского корпуса в Смоленске по докладу Н. И. Репнина от 31 января 1712 г.

Губерния	**Отправлено рекрут**	**Бежало рекрут**	**Доля беглых рекрут, %**
Московская	2 002	14	1
Архангелогородская	1 663	227	14
Казанская	1 327	96	7
Сибирская	298	12	4
Итого	**5290**	**349**	**7**

Источник: Д и ПС. Т. 2. – № 120.

В таблице 11 не показано число беглых для Смоленской губернии, так как приём рекрут этой губернии происходил в самом Смоленске и данные о бегствах рекрут к Н. И. Репнину не попадали. Комплектование шло только из пяти тыловых губерний. Остальные три прифронтовые губернии (Санкт – Петербургская, Киевская и Азовская) в комплектовании Померанского корпуса не участвовали.

Выделяется большой долей беглых Архангелогородская губерния. Традиционно имевшая большое число беглых Московская губерния на этот раз имеет беглецов мало – возможно, сказывается небольшое расстояние переброски рекрут. Однако, и Сибирская губерния на этот раз не отличается большой долей беглых.

В Московской губернии в 1711 г. беглых рекрут оказалось очень много. По отчёту Поместного приказа перед Сенатом о рекрутских делах из отправленных из губернии 13 011 рекрут бежало 2 710 человек (21 %)[436]. Поместный приказ в 1711 г. занимался рекрутскими наборами только в столичной Московской губернии.

Государство поощряло частную инициативу по поимке беглых рекрут материально. Некто А. Болотов поймал в числе прочих беглецов (солдат и укрывающихся от службы недорослей) двух беглых рекрут в подмосковном с. Покровское (вотчина И. Р. Стрешнева). Сенат 26 декабря 1712 г. наградил его за каждого беглеца одним рублём[437]. Всего с этой вотчины в 1704 – 1705 гг. было взято в службу 56 рекрут, из них бежал 21 человек (38 %)[438]. Такая большая доля беглых наиболее достоверно может объясняться укрывательством приказчиками возвращающихся в свои деревни беглых. Это обусловлено влиятельностью Стрешневых в государстве (Т. Н. Стрешнев долгое время был главой Военного приказа, занимавшегося наборами рекрут). При допросе в Сенате выяснилось, что двое пойманных беглых рекрут с этого поместья жили после побега в своём прежнем поместье. Часто рекруты бежали в Речь Посполитую[439].

Летом 1713 г. царь приказал набрать из подмосковных дворцовых деревень из крестьянских детей 15 – 20 лет 17 - 20 рекрут во флот[440]. Сенат отправил рекрут с запасом – не 20, а 40, в том числе и 20

сибирских рекрут. С дороги из Москвы в Санкт – Петербург из них бежало 7 человек (1 подмосковный и 6 сибирских), в Санкт – Петербурге бежало ещё трое (25%)[441]. Сибирские рекруты вместе с московским отличались большой склонностью к бегству.

3. Административные меры борьбы с бегством рекрут

Большие масштабы бегства рекрут и некоторое ослабление напряжения войны привели царя к идее амнистии вернувшихся из бегов рекрут. Указом от 18 января 1711 г. такая амнистия была объявлена. Всем добровольно вернувшимся из бегов в армию было обещано не только прощение (в том числе и за преступления, наказываемые смертной казнью!), но и зачисление в прежние чины[442].

Амнистии беглым рекрутам (как и беглым солдатам и драгунам) царь объявлял теперь ежегодно в конце года. 28 октября 1713 г. обещалось прощение всем вернувшимся на службу в Москве до января 1714 г., а в губерниях – в течение двух месяцев после объявления амнистии[443]. Правда, прежних должностей царь вернувшимся уже не обещал. Из вернувшихся и возвращённых из бегов формировали отдельные полки в составе столичного гарнизона[444]. Впоследствии срок явки беглых был продлён сначала до 1 апреля, потом до 1 сентября 1714 г., до 1 января 1715 г., до 1 января 1716 г., а потом и до 1 января 1717 г.[445] Такое продление связано с тем, что амнистия давала немалый эффект – много беглых вернулось на службу. Не явившимся по амнистии беглым после поимки грозила смерть, а укрывавшим их в своих имениях землевладельцам – конфискация поместий и лишение чинов. Впоследствии наказание за укрывательство было ужесточено – 18 января 1715 г. царь велел

ссылать виновных на галеры после телесного наказания[446]. Однако, позже наказание за укрывательство свелось к лишению чинов и поместий. 16 декабря 1717 г. амнистия была продлена ещё на год, однако, наказание для пойманных беглых рекрут смягчилось (каторга вместо смертной казни)[447]. Главным учреждением по приёму вернувшихся беглецов была Военная канцелярия.

Рекрутские амнистии для добровольно явившихся из бегов повторялись каждый год в 1718 – 1721 гг. Если явившийся беглый рекрут был в службу уже не годен, то с той общины или поместья, с которых он был в своё время взят, взыскивались 20 рублей, но только в том случае, если рекрут ещё не был зачислен в полк к моменту бегства. Если же такое зачисление состоялось, то деньги не взыскивались[448].

Одной из причин бегства рекрут с дороги в полки был недостаток провианта, который расхищался командованием рекрутских партий. По результатам деятельности сенатской комиссии по улучшению положения рекрут было признано, что большое влияние на размеры бегства рекрут оказывает также неудачное время переброски рекрут – в осеннюю и весеннюю распутицу время переброски резко возрастает, и рекруты сильно страдают от недостатка продовольствия[449].

3 декабря 1713 г. Пётр в числе поручений И. И. Дмитриеву – Мамонову, ведшему следствие о злоупотреблениях в Архангелогородской губернии, указал расследовать дело командира рекрутской партии Н. Кузмина, который вёл в Санкт – Петербург архангельских рекрут 7 недель, имея провианту для них только на месяц. Из – за этого число беглых рекрут увеличилось[450].

Боролись с бегством рекрут и путём наказания укрывателей. В 1712 г. царь приказал ссылать таких на галеры (срок в указе не назван,

очевидно - пожизненно). В конце концов, было решено метить рекрут - татуировать всем им крест порохом на левой руке (старообрядцы прозвали эту татуировку «печаью антихриста»)[451]. Использование христианского символа для клеймения рекрут, очевидно, смущало даже самих исполнителей этого указа – уже через короткое время рекрутам клеймили на руке только пятно неопределённой формы, которое даже в официальных документах прямо называлось «рекрутским пятном».

Масштабный побег 268 казанских рекрут из – под Вязьмы заставил ужесточить наказание за бегство. За второй побег и «заводчикам» побега полагалась смертная казнь. Если в допросе пойманные будут ссылаться на непойманных рекрут как на «пущих заводчиков», то за такую уловку велено было казнить каждого десятого по жребию. Прочих пойманных беглых рекрут предписывалось наказывать при полках шпицрутенами[452].

Однако, уже 2 декабря 1712 г. последовало ослабление наказания за побеги рекрут. За первый побег следовало только наказание кнутом. За второй – кроме этого и трёхлетняя каторга. За третий побег – кнут и пятилетняя каторга[453]. Сенат подтвердил 25 сентября 1713 г., что за побег рекрут будет наказан только кнутом[454]. 7 апреля 1715 г. наказания несколько изменились. Теперь за второй побег полагалась пятилетняя каторга, а за третий – вечные галеры[455].

Многие беглые стремились осесть в Малороссии (Гетманской Украине), находившейся в составе России на правах автономной территории под управлением гетмана, и Слободской Украины. Царь именным указом от 12 марта 1714 г. специально требовал от киевских губернских властей и от гетмана поимки таких беглецов и водворения беглых рекрут через комиссариатство обратно на службу[456].

Изданный в 1716 г. «Устав воинский» окончательно установил наказания для рекрут. Рекрутом считался всякий взятый в службу в течении первого года после набора. Артикул 95 (глава 12 «Артикулов» при «Уставе воинском») предписывал рекрута, служащего в полку не более года, за первый побег наказывать шпицрутенами, прогоняя его сквозь полк три раза за три дня. За второй побег в течение года рекруту полагалось наказание кнутом, вырывание ноздрей и вечная ссылка на галеры[457].

Однако, в именном указе А. И. Ушакову от 17 октября 1716 г. наказание для беглых рекрут снова было установлено по указу 1715 г.: за первый побег – кнут, за второй – пятилетняя каторга, за третий – вечная каторга[458].

В последнее десятилетие правления Петра серьёзных изменений в ситуации с бегством рекрут не произошло, хотя число беглых несколько уменьшилось.

4. Выводы

Проблема бегства рекрут почти всегда серьёзно осложняла функционирование рекрутской системы комплектования. Власти предпринимали множество мер по борьбе с этим явлением как репрессивного, так и более гуманного характера. До шестой части всех рекрут не доходило до своих полков. Беглые рекруты пополняли в больших количествах разбойничьи банды, число которых сильно выросло за время Северной войны. Бегством рекруты отвечали на жестокое обращение, голод и болезни, которые были обычным явлением при переброске рекрут в войска. Бегство рекрут негативно сказывалось и на боеспособности армии, и на криминальной и

социально – экономической обстановке в стране. После окончания наиболее напряжённого периода Северной войны в 1709 г. законодательство по борьбе с бегством рекрут стало более гуманным, что приносило свои благотворные плоды, хотя окончательно эта проблема при Петре так и не была решена.

Заключение

Изучение проблемы рекрутской системы комплектования при Петре позволяет сформулировать предварительное решение поставленных в начале работы вопросов. Привлечение архивных источников в более широких масштабах, чем это делалось, ранее в историографии дало возможность обогатить наши знания о петровской рекрутчине.

В начальный период существования рекрутской системы комплектования в 1699 – 1705 гг. правительство Петра стремилось максимально облегчить существование в условиях войны для крестьянских хозяйств страны – основы её экономики. Это выражалось в прямом и тщательно соблюдаемом запрете на приём в армию на добровольной или принудительной основе крестьян «с пашни». Поскольку доля таких крестьян достигала в России в то время 90 – 95 %, это значило, что фактически война в этот период мало сказывалась на экономике страны, так как главным фактором натурального крестьянского хозяйства была рабочая сила – пока мужчины – кормильцы в деревне пахали землю, а не призывались на военную службу, экономическое положение страны было вполне удовлетворительным. Принято думать, что масштабную в пространственном и временном аспекте Северную войну можно сравнивать по напряжению с такими войнами в XX в., как первая и вторая мировая, однако, для начального периода такого о Северной войне сказать нельзя. Эта политика Петра базировалась на заимствованном им из Западной Европы того времени представлении, что война должна вестись относительно небольшими хорошо

обученными наёмными армиями добровольцев и разрушение экономики собственной страны чрезмерными военными усилиями не ведёт к успеху. Ставка на набор добровольцев в свою новую армию первоначально имела успех, так как правительство пошло на набор беглых дворовых слуг холопского статуса. Это должно было вызвать недовольство владельцев – крепостников, однако Пётр пошёл на этот откровенно антикрепостнический шаг. Всё равно не удалось сформировать армию только на добровольческой основе – до половины её составили принудительно набранные из холопов даточные (первоначальное название рекрут, сам термин «рекрут» появился впервые в России только в 1702 – 1703 гг.).

Постоянная нужда в рекрутах заставляла искать всё новые источники пополнения армии из некрестьянского населения страны. В 1702 г. предположительно по идее думного дьяка А. Иванова, проводившего набор в Поволжье, было принято решения набирать в армию малообеспеченных посадских людей, набор которых всё – таки не так мог подорвать городскую экономику, как набор богатых горожан. Причина такого шага кроется также в попытке применить западноевропейские представления в российских условиях. Поскольку война велась прежде всего для улучшений условий внешней торговли – выхода к Балтике, по мысли царя она должна была вестись прежде всего руками людей наиболее всего выигрывающих от победы в этой войне – торгово – ремесленным населением, посадскими. Однако, посадское население в России было немногочисленным, а малообеспеченные слои посада мало годились для военной службы. Более того, именно при наборе бедных посадских по всей стране впервые началось значительное бегство рекрут. В какой – то момент в конце 1704 г. начался экстренный набор поголовно крестьян с

подмосковных земель, что должно было сильно истощить центральные районы государства. Правительство к началу 1705 г. было поставлено перед неизбежностью массового набора крестьян в армию.

Пытаясь ответить на поставленные в начале исследования вопросы для первого периода существования рекрутской системы при Петре в 1699 – 1705 гг. надо сказать, что в этот период рекрутчина не вызывала серьёзных протестов в стране. Только для 1703 – 1704 гг. можно отметить большое количество беглых рекрут среди посадских, но в масштабах и страны и армии это было незначительно. Рекрутчина в этот период не принесла серьёзного ослабления экономике страны из – за осторожной рекрутской политики правительства. В начальный период войны русская армия и терпела поражения (Нарва, 1700 г.), и одерживала победы (Эрестфер, Гуммельсгоф и Нотебург, 1702 г., Ниеншанц, 1703 г., Нарва и Дерпт, 1704 г.). Бывшие рекруты в целом воевали хорошо. Этому помогало происхождение многих из них из крепостных холопов. Попав в армию, они повысили свой сословный и социальный статус. Исследуя первый период русской рекрутчины удалось пересмотреть начало посадских наборов в рекруты. Первый такой набор был объявлен не в конце 1702 г., а в начале этого года и носил локальный характер – проходил только в поволжских городах.

Второй период существования рекрутской системы при Петре охватывает период 1705 – 1711 гг., то есть с момента начала массовых наборов в солдаты крестьян до передачи рекрутского дела в стране в ведение только что созданного Сената и губерний. Это – период наивысшего напряжения страны в войне, период Полтавской победы и окончательного перелома военных действий в пользу России. Царь в

этот период систематически подошёл к организации рекрутских наборов. По его указаниям наборы проходили ежегодно в конце года по стандартной норме по одному рекруту с двадцати тяглых дворов. Особенностями этого периода было то, что впервые рекрут из тяглых сословий стали зачислять в конницу (до этого такая служба была привилегией выходцев из служилых сословий). Все наборы с крестьян шли только через Поместный приказ, в котором хранились материалы переписей населения. Параллельно набирал рекрут и Военный приказ, ведавший ежегодными выездами помещичьей конницы на службу, в которых участвовали и крепостные слуги помещиков. По окончании военного летнего сезона помещики возвращались в поместья, а их слуги оставались в армии постоянно, переходя, таким образом, из холопов в служилое сословие. Именно в этот период резко обостряется проблема бегства рекрут, которые приобретают массовый характер. Более того, во всех крупных антиправительственных восстаниях этого периода прослеживается отчётливое влияние массового бегства рекрут на окраины страны – на Дон, в Башкирию, в Астрахань. Нерешённым вопросом можно считать степень влияния беглых рекрут на эти восстания, вспыхнули ли бы они вообще, если бы не бегство рекрут? Можно выявить несколько зон, где бегство рекрут было повышенным. Во – первых, это прифронтовая полоса, что понятно. Во – вторых, это окраины, такие как Сибирь и Нижняя Волга, где скапливалось недовольное население. В – третьих, это столичный московский регион, где у беглых была возможность устроиться в вотчинах влиятельных вельмож, в которых фактически даже власти не могли искать беглецов.

Рекрутская система в этом втором периоде действовала на экономику страны разрушительно, однако, для высшего напряжения

страны в войне это неудивительно. Страдания населения от рекрутчины резко усилились. Судя по количеству беглых, рекрутчина стала настоящим проклятьем для многих, самой тяжёлой государственной и общественной повинностью. Тем не менее, нельзя сказать, что благодаря рекрутской системе в армию попадал не лучший элемент. Как бы ни тяжела была эта повинность, она делала вчерашних крепостных свободными, насколько это вообще было возможно в тех условиях. Петр, благодаря большим масштабам рекрутских наборов этого периода, из всех русских царей вплоть до Александра II стал освободителем самого большого числа крепостных.

Третий период рекрутской системы при Петре охватывает период с момента создания Сената до начала функционирования Военной коллегии, то есть 1711 – 1718 гг. Рекрутские наборы в этот период проводятся в целом реже, по менее тяжёлой для населения норме. Для беглых рекрут начинают объявлять амнистии, которые фактически будут действовать до конца царствования Петра. Прекращаются ежегодные выезды на войну помещичьей конницы. Однако, по – прежнему планы рекрутских наборов не выполняются. Бегство рекрут, если и ослабевает, то незначительно. Много прав в рекрутских наборах было передано в этот период губернаторам. Влияние одного из них, А. Д. Меншикова, было столь велико, что он даже провёл единственный в истории России губернский рекрутский набор в Санкт – Петербургскую ландмилицию, полурегулярное формирование, существовавшее в 1711 – 1719 гг. Ослабевают наказания для беглых рекрут. Окончательно прекращается применение правила «вечного рекрута», когда в случае бегства или смерти рекрута вместо него выставляла нового рекрута та же самая община или имение, которая

выставляла первого. Недовольство рекрутчиной со стороны населения остаётся высоким. Снижение интенсивности наборов несколько уменьшает тот вред экономике, который они наносят. Сказываются и усилия властей по улучшению положения рекрут и улучшению их материального обеспечения. Военные действия в это период идут вяло, да ещё и вдали от российских границ. Померанский и Финляндский корпуса русской армии постоянно испытывают некомплект и нехватку рекрут. В Северной Германии русская армия в силу разных причин не одерживала громких побед, одной из причин этого была трудность комплектования войск рекрутами.

Последний период функционирования рекрутской системы при Петре охватывает период Военной коллегии (с 1719 до смерти Петра в начале 1725 г.). Основные военные действия в этот период проходят на море. Сухопутная армия, правда, участвовала в Персидском войне, начавшейся в 1722 г. По случаю окончания Северной войны были прощены многие рекрутские недоимки, что значительно облегчило положение населения. Царь взялся всерьёз за улучшение положения рекрут. Им стали платить относительно высокое солдатское жалованье с момента призыва. Часть рекрут после набора оставляется на некоторое время на относительно более лёгкой службе в гарнизонах. Возрастает ответственность командиров рекрутских партий за здоровье рекрут. Одновременно нарастают злоупотребления в этой сфере, что видно на примере дела прапорщика Д. Зверева. Истощённая войной страна по - прежнему не в состоянии выполнять планы рекрутских наборов. Интересным экспериментом в этот период была попытка набрать в рекруты финнов из оккупированной русскими шведской провинции Финляндии. Этот эксперимент не удался –

финны устроили самый массовый побег в истории петровской рекрутчины.

Проведённое исследование рекрутской системы комплектования русской армии при Петре I показывает большое влияние этого нового для страны способа пополнения вооружённых сил людьми на боеспособность русской армии, на состояние экономики России и на историческую судьбу страны в целом.

Список литературы

1. Автократов В. Н. Военный приказ: К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в. // Полтава: К 250 – летию Полтавского сражения: Сб. статей. – М., 1959.
2. Актовые источники по истории России и Сибири XVI – XVIII вв. в фонде Г. Ф. Миллера. В 2 – х т. – Новосибирск, 1995.
3. Акты исторические. В 5 – и т. Т. 5. – СПб., 1842.
4. Александров Г. «Печать Антихриста» // Русский архив. – 1873. - № 10.
5. Александров Г. Ещё о «Печати Антихриста» // Русский архив. – 1873. - № 11.
6. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. – Л., 1989.
7. Анисимов Е. В., Беспятых Ю. Н. Шведская поселенная система конца XVII в. и её использование при подготовке петровской военно – податной реформы // 8 – я Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и культуры скандинавских стран и Финляндии. – Петрозаводск, 1979.
8. Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. – СПб., 1890.
9. Архив Правительствующего Сената. Т. 1. – СПб., 1872.
10. Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. – М., 2003.
11. Барышников В. Н. Русский исследователь М.М. Бородкин о Финляндии и о финнах периода времени Петра I // Северная война, Санкт – Петербург и Европа в первой четверти 18 – го в.: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2007.

12. Баскаков В. Северная война 1700 – 1721 гг.: Кампания от Гродно до Полтавы 1706 – 1709 гг. Вып. 1. – СПб., 1890.
13. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. – М., 1958.
14. Беспятых Ю. Н. Россия и Финляндия во время Северной войны (1700 – 1721 гг.) : Автореферат диссертации на соискание звания кандидата исторических наук. – Л., 1980.
15. Беспятых Ю. Н. Северная война на территории Финляндии в исторической литературе // Вопросы политической истории СССР. – М.; Л., 1977.
16. Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии. – СПб., 1885.
17. Бородкин М. М. История Финляндии. В 5 – и т. – СПб., 1910.
18. Бутков П. Г. Достопамятные происшествия, приобщённые к Псалтыри, изданной на финском языке в Або в 1761 г. // Северный архив. – 1825. - №№ 11, 12.
19. Варенцова Л. Ю. Сподвижник Петра Великого - сенатор Тихон Никитич Стрешнев // Северная война, Санкт – Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции (Санкт - Петербург, декабрь 2006). – СПб., 2007.
20. Веневитинов М. Русские в Голландии: Великое посольство 1697 - 1698 гг. – М., 1897.
21. Вопросы военной истории России XVIII – первой половины XIX вв. – М., 1969.
22. Востоков А. А. О делах Генерального Двора // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888.

23. Гаврищук В. В. Военные преобразования в России. Петровский период. – М., 2002.
24. Гаврищук В. В. Русская армия в XVIII в. – М., 2003.
25. Гистория Свейской войны. В 2 – х т. Т. 1. – М., 2004.
26. Голиков И. И. Деяния Петра Великого. В 15 – и т. – М., 1837 - 1843.
27. Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705 – 1706 гг. – М., 1975.
28. Голубев А. А. Расправная палата при Сенате // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888.
29. Гудим – Левкович П. Историческое развитие вооружённых сил в России до 1708 г. Критический разбор кампании 1708 г. – СПб., 1875.
30. Гузевич Д. В., Гузевич И. Д. Великое посольство. – СПб., 2003.
31. Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I: Источниковедческое исследование. – М., 2005.
32. Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I в исторической науке // История и историки. 2004. – М., 2005.
33. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 1 – 6. – СПб., 1880 – 1901.
34. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983.
35. Епифанов П. К. К вопросу о военной реформе Петра Великого // Вопросы истории. – 1945. - № 1.

36. Епифанов П. П. Начало организации русской регулярной армии Петром I (1699 – 1705 гг.) // Учёные записки МГУ. – 1946. - Вып. 87.
37. Желябужский М. Дневные записки // Рождение империи. – М., 1997.
38. Иванов Д. Б. Ландмилицкое повытье Военной коллегии: 1719 – 1812 гг. // Государственность России. Кн. 3. – М., 2001.
39. Ильенко А. К. Комплектование вооружённых сил России до 1802 г. // Столетие военного министерства. 1802 – 1902 гг. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. – СПб., 1902.
40. История Северной войны. – М., 1987.
41. История СССР. В 12 – и т. Т. 6. – М., 1967.
42. Каменский А. Б. Повседневная жизнь русских городских обывателей. – М., 2006.
43. Карпов Г. М. Великое посольство Петра I. — Калининград, 1997.
44. Кауфман Ю. Собирали молодца во солдаты… // Кузнецкий рабочий. – 2008. - № 56 (17 мая).
45. Кизеветтер А. А. Посадская община в России в XVIII ст. – М., 1903.
46. Клочков М. Население России при Петре Великом: По переписям того времени. Т. 1. – СПб., 1911.
47. Корб И. Дневник путешествия в Московию // Рождение империи. – М., 1997.
48. Кууйо Э. Финляндия во время Великой Северной войны // Труды 8 – го советско – финляндского симпозиума историков. – Л., 1985.
49. Лампинен Т. Западная Финляндия в Северную войну // Труды 8 – го советско – финляндского симпозиума историков. – Л., 1985.

50. Лебедев В. И. Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.). – М., 1967.
51. Левинсон – Лессинг В. Ф. Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство петровского времени. – Л., 1977.
52. Лядов П. Крепостные записи в солдаты по найму 1709 и 1710 годов // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1818. - № 3.
53. Лялина М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времён до начала XX в. – СПб., 1908.
54. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. – СПб., 1891.
55. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. – СПб., 1905.
56. Мрочек – Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Историко – юридическое исследование. Т. 1. – М., 1876.
57. Мышлаевский А. З. Пётр Великий: Война в Финляндии в 1712 – 1714 гг. – СПб., 1896.
58. Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708 – 1714 гг. – СПб., 1893.
59. На пути к регулярной армии России. – СПб., 2000.
60. Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. – М., 1954.
61. Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. – М., 1984.
62. Пенской В. В. Украинский ландмилицейский корпус в XVIII в. // Вопросы истории. - 2000. - № 10.

63. Петровский С. О Сенате в царствование Петра Великого// Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 3. – М., 1876.
64. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1 – 14. – М.; СПб., 1874 - 2003.
65. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. В 42 – х т. – СПб., 1830.
66. Полное собрание русских летописей. Т. 37. – Л., 1982.
67. Полтава: К 250 – летию Полтавского сражения: Сб. статей. – М., 1959.
68. Похлёбкин В. В. СССР – Финляндия: 260 лет отношений (1713 – 1973 гг.). – М., 1975.
69. Преображенский А. А. Великое посольство 1697 – 1698 гг. // Вопросы истории. – 1999. - № 2.
70. Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. – СПб., 1889.
71. Рабинович М. Д. Московская ландс – армия // Из истории русской армии и оружия. – М., 1987. – (Труды Государственного исторического музея. - 64).
72. Рабинович М. Д. Полки петровской армии (1682 – 1725 гг.). – М., 1977.
73. Рабинович М. Д. Судьбы служилых людей «старых служб» и однодворцев в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII столетия: Автореферат диссертации на соискание звания кандидата исторических наук. – М., 1953.

74. Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России XVIII – первой половины XIX вв. – М., 1969.
75. Расила В. История Финляндии. – Петрозаводск, 1996.
76. Регулярная армия России: История создания и становления. – М., 2002.
77. Садиков П. К. К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей 1703 г. // Архив истории труда в России. Кн. 4. Ч. 2. – Пг., 1922.
78. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. В 2 – х т. Т. 1. – М.; Л., 1927.
79. Соловьёв Е. А. Критика англо – американской буржуазной историографии военных преобразований первой четверти XVIII в. // Критика буржуазной историографии истории СССР. – М., 1985.
80. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 - и кн. — М., 1993 - 1998.
81. Такала И. Р. Русские немарксистские труды по истории Финляндии // Проблемы историографии всеобщей истории. – Петрозаводск, 1991.
82. Тихонов В. А. Рекрутская система комплектования русской армии в начале Северной войны: 1699 – 1705 гг. //Актуальные проблемы гуманитарных наук: Материалы 8 – й Международной научно – практической конференции: Москва, 29.05.09. В 2 – х ч. Ч. 1. – М., 2009.
83. Тихонов В. А. Злоупотребления при переброске рекрут к месту службы в конце Северной войны: Дело прапорщика Д. Т. Зверева // Наше Отечество: Страницы истории: Сборник научных статей

кафедр истории России средних веков и нового времени и новейшей истории России. Вып. 7. – М., 2009.

84. Тихонов В. А. Санкт – Петербургская ландмилиция: 1711 – 1719 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2008. – 1.
85. Тихонов В. А. Ядринский набор посадских и проблема истощения городов Поволжья в начале Северной войны // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: Материалы 2 - й Всероссийской (10 - й межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Йошкар-Ола, 20-21.11.08). - Йошкар-Ола, 2009.
86. Тихонов В. А. Финские рекруты в русской армии в конце Северной войны: 1720 – 1721 гг. // Россия – Финляндия: Материалы Международной конференции: Санкт – Петербург, 13 – 14.10.09. – СПб., (в печати).
87. Токарев Н. Я. Ближняя канцелярия при Петре Великом и её дела // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888.
88. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. В 6 – и т. – СПб., 1859 - 1863.
89. Цвиркун В. И. Ландмилиция // Отечественная история: Энциклопедия. В 3 – х т. Т. 2. – М., 2000.
90. Шаскольский И. П., Беспятых Ю. Н. Россия и Финляндия в годы Северной войны (1700 – 1721 гг.) // Труды 8 – го советско – финляндского симпозиума историков. – Л., 1985.

[1] Анисимов Е. В. Время петровских реформ. – Л., 1989.

[2] Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. – СПб., 1905

[3] Петровский С. О Сенате в царствование Петра Великого// Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 3. – М., 1876; Мрочек – Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Историко – юридическое исследование. Т. 1. – М., 1876.

[4] Гаврищук В. В. Военные преобразования в России. Петровский период. – М., 2002.

[5] История Северной войны. – М., 1987.

[6] Веневитинов М. Русские в Голландии: Великое посольство 1697 - 1698 гг. – М., 1897; Левинсон – Лессинг В. Ф. Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство петровского времени. – Л., 1977; Карпов Г. М. Великое посольство Петра I. — Калининград, 1997; Преображенский А. А. Великое посольство 1697 – 1698 гг. // Вопросы истории. – 1999. - № 2; Гузевич Д. В., Гузевич И. Д. Великое посольство. – СПб., 2003; Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I: Источниковедческое исследование. – М., 2005;.

[7] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 5125 / 90. Л. 1 – 48.

[8] Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 1 – 6. – СПб., 1880 – 1901.

[9] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1 – 14. – М.; СПб., 1874 – 2003.

[10] Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. – М., 2003.

[11] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 67 – 96.

[12] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 446 – 469.

[13] РГВИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 24. Л. 238 – 527, 538 – 543.

[14] Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. В 42 – х т. – СПб., 1830.

[15] Полное собрание русских летописей. Т. 37. – Л., 1982.

[16] Акты исторические. В 5 – и т. Т. 5. – СПб., 1842. - № 292; Актовые источники по истории России и Сибири XVI – XVIII вв. в фонде Г. Ф. Миллера. В 2 – х т. – Новосибирск, 1995.

[17] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. В 6 – и т. – СПб., 1859 – 1863; Востоков А. А. О делах Генерального Двора // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888; Голубев А. А. Расправная палата при Сенате // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888; Токарев Н. Я. Ближняя канцелярия при Петре Великом и её дела // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888; Мышлаевский А. З. Пётр Великий: Война в Финляндии в 1712 – 1714 гг. – СПб., 1896; Ильенко А. К. Комплектование вооружённых сил России до 1802 г. // Столетие военного министерства. 1802 – 1902 гг. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. – СПб., 1902.

[18] Желябужский М. Дневные записки // Рождение империи. – М., 1997

[19] Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. – СПб., 1890.

[20] Александров Г. «Печать Антихриста» // Русский архив. – 1873. - № 10; Александров Г. Ещё о «Печати Антихриста» // Русский архив. – 1873. - №11.

[21] Лядов П. Крепостные записи в солдаты по найму 1709 и 1710 годов // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1818. - № 3.

[22] Садиков П. К. К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей 1703 г. // Архив истории труда в России. Кн. 4. Ч. 2. – Пг., 1922.

[23] Бутков П. Г. Достопамятные происшествия, приобщённые к Псалтыри, изданной на финском языке в Або в 1761 г. // Северный архив. – 1825. - №№ 11, 12.

[24] Голиков И. И. Деяния императора Петра Великого. В 15 – и т. – М., 1837 - 1843.

[25] Соловьев С.М. Сочинения. В 18 - и кн. — М., 1993 - 1998.

[26] Ключевский В. О. Курс русской истории. В 3 – х т. – М., 1993.

[27] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. В 6 – и т. – СПб., 1859 - 1863.

[28] Мрочек – Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Историко – юридическое исследование. Т. 1. – М., 1876.

[29] Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии. – СПб., 1885.

[30] Востоков А. А. О делах Генерального Двора // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888.

[31] Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. – СПб., 1905.

[32] Клочков М. Население России при Петре Великом: По переписям того времени. Т. 1. – СПб., 1911.

[33] Кизеветтер А. А. Посадская община в России в XVIII ст. – М., 1903.

[34] Ильенко А. К. Комплектование вооружённых сил России до 1802 г. // Столетие военного министерства. 1802 – 1902 гг. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. – СПб., 1902.

[35] Епифанов П. К. К вопросу о военной реформе Петра Великого // Вопросы истории. – 1945. - № 1; Епифанов П. П. Начало организации русской регулярной армии Петром I (1699 – 1705 гг.) // Учёные записки МГУ. – 1946. - Вып. 87.

[36] Автократов В. Н. Военный приказ: К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в. // Полтава: К 250 – летию Полтавского сражения: Сб. статей. – М., 1959.

[37] Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. – М., 1958.

[38] История Северной войны. – М., 1987.

[39] Рабинович М. Д. Полки петровской армии (1682 – 1725 гг.). – М., 1977.

[40] Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России XVIII – первой половины XIX вв. – М., 1969.

[41] Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. – М., 2003.

[42] Веневитинов М. Русские в Голландии: Великое посольство 1697 - 1698 гг. – М., 1897; Левинсон – Лессинг В. Ф. Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство петровского времени. – Л., 1977; Карпов Г. М. Великое посольство Петра I. — Калининград, 1997; Преображенский А. А.

Великое посольство 1697 – 1698 гг. // Вопросы истории. – 1999. - № 2; Гузевич Д. В., Гузевич И. Д. Великое посольство. – СПб., 2003; Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I в исторической науке // История и историки. 2004. – М., 2005; Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. – М., 2005.

[43] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. – СПб., 1887. - № 252 (П и БПВ); “Велено их посадить в тюрьму и приставить крепкие караулы”: Указ о высылке в Арзамас для заключения восставших стрельцов и об условиях их содержания. 1698 г. // Исторический архив. – 1999. - № 6; Желябужский М. Дневные записки; Корб И. Дневник путешествия в Московию // Рождение империи. – М., 1997; Голиков И. И. Деяния императора Петра Великого. В 15 – и т. Т. 1. – М., 1837; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. В 6 – и т. Т. 3. – СПб., 1858.

[44] А. А. Востоков, подробно изучивший материалы этого набора, отмечает преобладание в документах просьб помещиков зачесть им в даточные их крепостных, поступивших в армию добровольцами: «прежде всего…просили они (владельцы крепостных – В. Т.) зачислять в число даточных, следующих с них, тех из их крепостных, которые записались в вольницу сами собою, без согласия своих помещиков» (Востоков А. А. О делах Генерального Двора // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888. – С. 14).

[45] Этот важнейший указ попал в Вологодскую летопись: Полное собрание русских летописей. Т. 37. – Л., 1982. – С. 192. С ошибками указ излагается в записках М. Желябужского (Желябужский М. Дневные записки // Рождение империи. – М., 1997). Прочие публикации: Акты исторические. В 5 – и т. Т. 5. – СПб., 1842. - № 292; Востоков А. А. О делах Генерального Двора … ; Актовые источники по истории России и Сибири XVI – XVIII вв. в фонде Г. Ф. Миллера. В 2 – х т. – Новосибирск, 1995. В ПСЗ этого указа нет.

[46] Полное собрание русских летописей. Т. 37. – Л., 1982. – С. 192.

[47] Желябужский М. Дневные записки … – С. 325.

[48] Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России XVIII – первой половины XIX вв. – М., 1969.

[49] Там же.

[50] Востоков А. А. О делах Генерального Двора … ; Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. – СПб., 1891.

[51] Рабинович М. Д. Формирование … .

[52] Востоков А. А. О делах Генерального Двора … .

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] Там же.

[56] О наборе на Генеральном Дворе и в низовых городах в 1699 – 1700 гг.: Гистория Свейской войны. В 2 – х т. Т. 1. – М., 2004; Голиков И. И. Деяния … Т. 1; Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. – СПб., 1890; Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. – СПб., 1911. – С. 87, 89, 115 – 117.

[57] Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 3. – СПб., 1887. - № 131; Т. 1. – СПб., 1880. - № 570 (далее: Д и ПС).

[58] Анисимов Е. В. Время петровских реформ. – Л., 1989; Епифанов П. К. К вопросу о военной реформе Петра Великого // Вопросы истории. – 1945. - № 1; Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. – М., 1954.

[59] Рабинович М. Д. Формирование … .

[60] Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. – СПб., 1889.

[61] Соловьёв Е. А. Критика англо – американской буржуазной историографии военных преобразований первой четверти XVIII в. // Критика буржуазной историографии истории СССР. – М., 1985.

[62] Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708 – 1714 гг. – СПб., 1893.

[63] Гудим – Левкович П. Историческое развитие вооружённых сил в России до 1708 г. Критический разбор кампании 1708 г. – СПб., 1875.

[64] Отсутствие массовых наборов в русскую армию в 1701 – 1702 гг. опровергает мнение Свечина А. А. (Свечин А. А. Эволюция военного искусства. В 2 – х т. Т. 1. – М.; Л., 1927) и Гаврищука В. В. (Гаврищук В. В. Военные преобразования в России. Петровский период. – М., 2002) о том, что набор 1699 – 1700 гг. привёл в армию люмпенов, не способных в силу своей десоциализации быть хорошими солдатами.

[65] Полное собрание законов Российской империи. В 45 – и т. (Далее - ПСЗ).Т. 4. – СПб., 1830. - № 1820.

[66] Милюков П. Н. Государственное хозяйство России при Петре Великом. – СПб., 1894. – С. 167 - 168.

[67] Ильенко А. К. Комплектование вооружённых сил России до 1802 г. // Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. – СПб., 1902.

[68] ПСЗ. Т. 4. - СПб., 1830. – № 1912.

[69] Автократов В. Н. Военный приказ // Полтава. – М., 1959. – С. 228 – 245.

[70] ПСЗ. Т. 4. – СПб., 1830. - № 1820.

[71] ПСЗ. Т. 4. – СПб., 1830. – № 1878.

[72] Рабинович М. Д. Полки петровской армии (1682 – 1725 гг.). – М., 1977. - № 168.

[73] Рабинович М. Д. Полки … - № 446, 447.

[74] Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 1209. Кн. 5125 / 90. Л. 1 – 48.

[75] Там же.

[76] Там же.

[77] Там же.

[78] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5029. Л. 473 – 477.

[79] П и БПВ. Т. 2. – СПб., 1889. - С. 373.

[80] Российский государственный военно – исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 412. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

[81]П и БПВ. Т. 2. – СПб., 1889. - № 454. Т. Стрешнёв подтвердил получение этой заявки письмом от 2 октября 1702 г. (С. 410).

[82]П и БПВ. Т. 2. – СПб., 1889. - № 470.

[83] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 446 – 447.

[84] Там же.

[85] Д и ПС. Т. 3. – СПб., 1888. - № 1041.

[86] Д и ПС. Т. 4. – СПб., 1888. - № 532.

[87] Д и ПС. Т. 5. – СПб., 1892. - № 722.

[88] О Т. Н. Стрешневе: Варенцова Л. Ю. Сподвижник Петра Великого - сенатор Тихон Никитич Стрешнев // Северная война, Санкт – Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции (Санкт - Петербург, декабрь 2006). – СПб., 2007.

[89] П и БПВ. Т. 2. – СПб., 1889. - С. 462, 521, 529, 565, 583.

[90] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 447.

[91] Там же.

[92] ПСЗ. Т. 4. - СПб., 1830. – № 1944.

[93] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 447.

[94] Ильенко А. К. Комплектование … - С. 19.

[95] Устрялов Н. Г. История … Т. 4. Ч. 2. – С. 488 – 490 (приложение – документ из фонда Кабинета Петра Великого).

[96] Регулярная армия России. – М., 2002. – С. 198.

[97] Клочков М. Население России … – С. 87, 89, 115 - 117.

[98] Желябужский М. Дневные записки … – С.347.

[99] Садиков П. К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей 1703 г. // Архив истории труда в России. Кн. 4. Ч. 2. – Пг., 1922. – С. 45 – 49.

[100] Рабинович М. Д. Полки … – № № 451 – 455 и С. 49.

[101] Там же.

[102] П и БПВ. Т. 3. – СПб., 1893. - № 733.

[103] Д и ПС. Т. 5. – СПб., 1897. - № 1319.

[104] ПСЗ. Т. 4. - СПб., 1830. – № 1996.

[105] Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1 … – С. 269.

[106] Д и ПС. Т. 3. – СПб., 1887. - № 131.

[107] Рабинович М. Д. Полки … - № № 210 – 211.

[108] Д и ПС. Т. 2. – СПб., 1882. - № 333.

[109] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 528 – 529.

[110] ПСЗ. Т. 4. - СПб., 1830. – № 2020; Д и ПС. Т. 3. – СПб., 1887. - № 131.

[111] Рабинович М. Д. Полки … - № № 457, 458.

[112] Д и ПС. Т. 3. – СПб., 1887. - № 131; Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1 … – С. 272.

[113] П и БПВ. Т. 2. – СПб., 1889. - № 616 (= № 482б).

[114] Бережное отношение правительства Петра I к пашенному крестьянству – освобождение его от военной службы - в первые четыре года Северной войны (с лета 1700 до осени 1704 гг.) заметил ещё И. И. Голиков (Голиков И. И. Деяния Петра Великого… Т. 3. – С. 91 - 92).

[115] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 448, 547; ПСЗ. - № 2065; Голиков И. И. Деяния Петра Великого… В 15 – т. Т. 3. – М., 1837. – С. 35 (в источниках по - разному указывается месяц набора – июнь или июль).

[116] Мрочек – Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. … – С. 164 – 165.

[117] Ильенко А. К. Комплектование вооружённых сил России до 1802 г. // Столетие военного министерства. 1802 – 1902 гг. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. – СПб., 1902. – С. 20.

[118] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. В 2 – х ч. Ч. 2. – СПб., 1863. – С. 488.

[119] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 448 – 449.

[120] Мрочек – Дроздовский П. Н. ошибочно принимает этот набор даточных за второй номерной рекрутский набор (Мрочек – Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Историко – юридическое исследование. Т. 1. – М., 1876. – С. 157 – 164), однако, обращение к архивным документам позволяет исправить эту ошибку (РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 460, 549).

[121] Там же. Л. 449, 547; ПСЗ. - № 2095; П и БПВ. Т. 4. – № 1102, 1144, 1209; Голиков И. И. Деяния Петра Великого … Т. 3. – С. 95.

[122] Ильенко А. К. Комплектование вооружённых сил России до 1802 г. … - С. 22.

[123] П и БПВ. Т. 4. – С. 849 (примечания к № 1209).

[124] ПСЗ. - № 2103.

[125] ПСЗ. - № 2106.

[126] ПСЗ. - № 2065.

[127] ПСЗ. - № 2110.

[128] ПСЗ. - № 2113.

[129] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. В 2 – х ч. Ч. 2. … - С. 488.

[130] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 449; В. Н. Автократов ошибочно принимает число представленных к смотру за число зачисленных на службу (Автократов В. Н. Военный приказ…)

[131] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 449.

[132] ПСЗ. - № 2114.

[133] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 450 - 451; ПСЗ. - № 2138.

[134] ПСЗ. - № 2143.

[135] Ильенко А. К. Комплектование вооружённых сил России до 1802 г. … - С. 22 - 23.

[136] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 548.

[137] Там же. Л. 450.

[138] ПСЗ. - № 2082.

[139] ПСЗ. - № 2096.

[140] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 461.

[141] ПСЗ. - № 2268.

[142] ПСЗ. - № 2143.

[143] Там же. Л. 548; ПСЗ. Т. 4. – № 2036; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. – М., 1958; Голиков И. И. Деяния … Т. 2. – С. 533; Т. 3. – С. 35.

[144] Мрочек – Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. … – С. 149 – 157.

[145] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 446 – 469, 547 – 557.

[146] РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 27. Л. 2, 5.

[147] Например, гораздо позднее, в конце Северной войны, когда сама доставка рекрут в полки в России значительно усовершенствовалась, рекруты из Иркутского уезда прибыли в Санкт – Петербург 1 августа 1720 г., выйдя из Иркутска 29 июля 1719 г.! (РГВИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 11. Л. 337 - 358). При

этом вплоть до Тобольска рекрут везли на подводах, а от Соли Камской до Лаишева (вблизи Казани) – по реке на стругах. Если бы весь путь рекруты шли пешком, то доставка затянулась бы ещё на несколько месяцев.

[148] Указ требует, чтобы отдатчик обеспечивал рекрута одеждой и обувью (к приведённому списку одежды и обуви в указе прибавлены чулки и кушак, но не упомянуты рубахи), однако в приложении к указу («Статьи стольникам») большая часть одежды и обуви заменяется денежной выплатой.

[149] П и БПВ. Т. 8. Ч. 1. - СПб., 1912. – № 2885; Т. 8. Ч. 2. – С. 1000 (примечание к № 2885); Т. 9. Ч. 1. - № 3040 (посылка Б. И. Прозоровского в Новгород для расследования дела о взятках при рекрутском наборе).

[150] РГВИА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62. Л. 336 – 351.

[151] Там же. Для отвода рекрут в драгуны («в ковалерию») направлялся капитан В. Ф. Головленков, на рекрутские станции Москвы для обучения рекрут - капитаны И. П. Илин, Г. А. Павлов, Н. Н. Мельгунов, Г. М. Ботвиньев, Л. Ф. Орлов и В. Л. Обухов. Для набора и обучения рекрут разосланы в разные города были капитаны И. Г. Свечин, К. Г. Свечин, И. В. Сытин, Г. Б. Львов, И. Д. Сытин, Ф. Д. Толбугин, И. Т. Клокачёв, Г. Ф. Валмосов, И. А. Мунин, Л. М. Шишков, Н. М. Поскочин, П. А. Коркодинов, И. Н. Непейцын, Б. С. Погодаев, Т. И. Татаринов, С. А. Шишков, Я. Т. Дуров, И. Г. Нестеров, П. А. Милюков, В. Н. Доскин, П. А. Веденяпин. Ещё четыре капитана - И. К. Мономахов, И. Л. Бельской, Л. А. Новокщёнов и Я. Б. Кайсаров - были направлены на рекрутские станции в города, но почему – то на них не прибыли.

[152] ПСЗ. - № 2180.

[153] ПСЗ. - № 2249.

[154] Мрочек – Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. … - С. 165 – 166.

[155] ПСЗ. - № 2251.

[156] Автократов В. Н. Военный приказ …; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. – М., 1958.

[157] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 460.

[158] Клочков М. Население России при Петре Великом: По переписям того времени. Т. 1. – СПб., 1911. – С. 116 – 117.

[159] Там же. – С. 228 – 245.

[160] ПСЗ. - № 2038.

[161] ПСЗ. - № 2050.

[162] ПСЗ. - № 2068.

[163] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 460, 549.

[164] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 460.

[165] Гистория Свейской войны. Т. 1. – С. 259; Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705 – 1706 гг.- М., 1975.

[166] Клочков М. Население России …

[167] П и БПВ. Т. 6. - СПб., 1912. – № 2024.

[168] Там же. – № 2087; Голикова Н. Б. Астраханское восстание …

[169] Там же. – № 2076 (письмо от 22 ноября 1707 г.).

[170] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 549; ПСЗ. - № 2161; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. – М., 1958.

[171] П и БПВ. Т. 6. - СПб., 1912. – № 2092.

[172] ПСЗ. - № 2182 (указ от 22 октября 1707 г.).

[173] Голикова Н. Б. Астраханское восстание …

[174] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 460.

[175] Клочков М. Население России …

[176] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 549; ПСЗ. - № 2214; П и БПВ. Т. 8. Ч. 2. – С. 843 (примечания к № 2738); Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. – М., 1958.

[177] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 461.

[178] Там же.

[179] Клочков М. Население России …

[180] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 549; ПСЗ. - № 2238; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. – М., 1958.

[181] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 461.

[182] Там же.

[183] Клочков М. Население России …

[184] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 468; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. – М., 1958. Указ о наборе 1200 человек в матросы с 25 дворов вышел 13 июня 1710 г. (ПСЗ. - 2273).

[185] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 550.

[186] Там же. Л. 469.

[187] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. В 2 – х ч. Ч. 2. … - С. 488.

[188] Указом от 9 февраля 1710 г. Поместный приказ был освобождён от наборов рекрут (Доклады и приговоры… Т. 1. - № 19). В Московской губернии рекрут стал набирать Военный приказ с подчинением этого приказа Московской губернии, а в прочих губерниях – губернаторы.

[189] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 449 - 450; Уточнение и общий план набора: П и БПВ. Т. 6. - СПб., 1912. – № 2100 и ПСЗ. - № 2171. Рабинович М. Д. Московская ланс – армия // Из истории русской армии и оружия. – М., 1987. – (Труды Государственного исторического музея. - 64). Особенности набора с купечества: Кизеветтер А. А. Посадская община в XVIII ст. – М., 1903.

[190] Ильенко А. К. Комплектование вооружённых сил России до 1802 г. // Столетие военного министерства. 1802 – 1902 гг. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. – СПб., 1902. – Прил. 5. – С. 55.

[191] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. В 2 – х ч. Ч. 2. … - С. 488.

[192] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 452.

[193] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. В 2 – х ч. Ч. 2. … - С. 488.

[194] Доклады и приговоры… Т. 2. – № 777.

[195] П и БПВ. Т. 6. - СПб., 1912. – С. 582 (примечание к № 2114).

[196] П и БПВ. Т. 7. Ч. 1. - № 2271 (письмо к царевичу Алексею).

[197] К этому времени только что скомплектованные из рекрут части «московской армии» пришлось в основном бросить на подавление восстания на Дону: 1000 человек пехоты отправили на Воронеж с полковником Арсеньевым для обороны верфей от казаков К. Булавина. В Преображенский полк под командованием Долгорукова, шедший маршем для подавления восстания,

отправили с майором Протасьевым 450 человек. Разбои на реках Волге и Оке к тому времени так усилились, что для борьбы с ними пришлось отправить в Нижний Новгород 500 человек рекрут с полковником Баранчеевым (но уже 2 августа 1708 г. им было приказано возвратиться в Москву). Собранные драгуны «московской ланс - армии» к тому времени уже были на разных «посылках» из Москвы: против булавинцев было послано 964 драгуна в группировку Долгорукова и 1000 драгун в Козлов с Гулицем. Охраняли верфи в Воронеже 600 человек во главе с полковником Головиным. На мелких «посылках» было 38 рекрут (послано на Вятку с полковником Григоровым – 11, в Санкт – Петербург за лошадями – 25, на Кострому с поручиком Тютчевым для «правежа» даточных - 2). Бежало со службы уже 639 драгунских рекрут, умерло 17, сослан на каторгу за два побега 1 рекрут. В наличии в Москве оставалось только 718 новонабранных драгунских рекрут (П и БПВ. Т. 6. - СПб., 1912. – С. 582 (примечание к № 2114)).

[198] Лебедев В. И. Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.). – М., 1967.

[199] Автократов В. Н. Военный приказ … - С. 232.

[200] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 451.

[201] Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. В 2 – х ч. Ч. 2. … - С. 488.

[202] ПСЗ. - № 2315.

[203] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 468.

[204] П и БПВ. Т. 10. - № 3994, 4002 – 4004.

[205] ПСЗ. - № 2390.

[206] Клочков М. Население России при Петре Великом: По переписям того времени. Т. 1. – СПб., 1911; Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. – СПб., 1905.

[207] РГВИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 25. Л. 194 – 203.

[208] Каменский А. Б. Повседневная жизнь русских городских обывателей. – М., 2006. – С. 87 – 88, 90.

[209] Известен характерный случай с просьбой жены Я. Ф. Долгорукова, видного сподвижника Петра. В 1708 г. жена этого сановника, попавшего в плен к шведам при Нарве в 1700 г., просила вернуть ей из солдат хотя бы несколько

её бывших дворовых, поскольку у неё во дворе не осталось ни одного мужчины – дворового (!). Как ни ценил Пётр Я. Долгорукова, но он велел вернуть из солдат челобитчице только двух её бывших дворовых, да и то обязательно не молодых и не которых она назвала по имени (П и БПВ. Т. 7. Ч. 1. - № 2344). Если семьи видных и очень знатных сановников к 1708 г. остались без мужчин – дворовых, то что говорить о рядовых владельцах крепостных!

[210] Лядов П. Крепостные записи в солдаты по найму 1709 и 1710 годов // Владимирские губернские ведомости: Часть неофициальная. – 1878. - № 3. – С. 3 – 4.

[211] П и БПВ. Т. 9. – С. 1266 – 1267 (примечание к № 3441).

[212] ПСЗ. Т. 4. - № 2321; Архив Сената в РГАДА: Ф. 248; См. также: Архив Правительствующего Сената. Т. 1. – СПб., 1872..

[213] ПСЗ. - № 2326.

[214] ПСЗ. - № 2355.

[215] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 12. - № 25.

[216] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 65 - 71. - № 90 (приговор от 8 мая 1711 г.).

[217] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 71 - 72. - № 91.

[218] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 74. - № 95.

[219] ПСЗ. - № 2362.

[220] ПСЗ. - № 2365.

[221] ПСЗ. - № 2384.

[222] ПСЗ. - № 2404.

[223] ПСЗ. - № 2840.

[224] ПСЗ. - № 2627, 2650.

[225] ПСЗ. - № 2680 (18 мая 1713 г.).

[226] ПСЗ. - № 2684 (29 мая 1713 г.).

[227] ПСЗ. - № 2696 (15 июля 1713 г.).

[228] ПСЗ. - № 2695 (11 июля 1713 г.).

[229] ПСЗ. - № 2338.

[230] ПСЗ. - № 2341; Доклады и приговоры… Т. 1. – СПб., 1880. – С. 15 - 17. - № 33.

[231] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888. – С. 140 – 141.

[232] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 65 - 71. - № 90.

[233] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 64 - 65. - № 89.

[234] В письме А. Д. Меншикова в Сенат от 22 июня в числе уездов губернии, охваченных разбоями, назывались Тверской, Белозёрский, Пошехонский, Устюжно – Железопольский и Старорусский уезды. Разбойники здесь, кроме прочего нападали на рекрутские партии и отбивали рекрут (ПСЗ. - 2390).

[235] Особенно пострадали от эпидемии Псковский, Новгородский, Старорусский и Торжокский уезды, где запустело за два года 16 897 дворов.

[236] Тем не менее, для пополнения Адмиралтейского батальона, несшего охрану санкт – петербургских верфей, А. Д. Меншиков запросил у Сената письмом от 31 августа 1711 г. 200 рекрут (ПСЗ. - № 2449).

[237] ПСЗ. - № 2629.

[238] ПСЗ. - № 2632.

[239] ПСЗ. - № 2690.

[240] ПСЗ. - № 2738.

[241] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 552 (из справки Канцелярии рекрутного счёта); ПСЗ. - № 2884, 2931 (повторный приговор Сената от 12 сентября 1715 г. об этом наборе).

[242] Кауфман Ю. Собирали молодца во солдаты… // Кузнецкий рабочий. – 2008. - № 56 (17 мая).

[243] ПСЗ. - № 3000; РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 551 – 552.

[244] РГАДА. Ф. 248. Кн. 16. Л. 749 - 750.

[245] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 553; ПСЗ. - № 3240.

[246] РГВИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 25. Л. 194 – 203 (отчёт Киевской губернии обо всех рекрутских наборах в губернии в 1710 – 1718 гг.).

[247] ПСЗ. - № 2397 (12 июля 1711 г.).

[248] Д и ПС. Т. 3. В 2 – х кн. Кн. 1. – СПб., 1887. – С. 37. - № 40.

[249] РГАДА. Ф. 248. Кн. 644. Л. 222.

[250] РГАДА. Ф. 248. Кн. 644. Л. 223.

[251] РГАДА. Ф. 248. Кн. 644. Л. 225.

[252] РГАДА. Ф. 248. Кн. 644. Л. 241 – 262.

[253] РГАДА. Ф. 248. Кн. 644. Л. 263.

[254] РГАДА. Ф. 248. Кн. 644. Л. 264.

[255] РГАДА. Ф. 248. Кн. 644. Л. 290.

[256] РГАДА. Ф. 248. Кн. 644. Л. 297.

[257] РГАДА. Ф. 248. Кн. 644. Л. 301.

[258] ПСЗ. - № 3116.

[259] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 553.

[260] ПСЗ. - № 2467.

[261] ПСЗ. - № 3050.

[262] ПСЗ. - № 2643.

[263] П и БПВ. Т. 11. - С. 541 (комментарий к № 4503).

[264] РГВИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 532 – 538; Д. 10. Л. 93 – 100, 103, 363, 403 – 408; Оп. 2. Д. 23. Л. 81; Оп. 3. Д. 28. Л. 207.

[265] Рабинович М. Д. Полки … С. 68. - № 308. Указанная дата выделения части личного состава в новый ландмилицкий полк (1715 -1716 гг.) неточна – царь распорядился о создании нового ландмилицкого полка в 1716 г.; Голиков И. И. Деяния … Т. 6. - С. 548.

[266] ПСЗ. - № 2467.

[267] ПСЗ. Т. 5. - № 2624.

[268] ПСЗ. - № 2498.

[269] ПСЗ. - № 2520.

[270] ПСЗ. - № 2533 (26 мая 1712 г.).

[271] ПСЗ. - № 2658 (20 марта 1713 г.)

[272] ПСЗ. - № 3111 (19 октября 1717 г.).

[273] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 14 - 15. - № 31.

[274] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 29 - 30. - № 51.

[275] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 31 - 32. - № 54; С. 40. - № 60; С. 45. - № 69.

[276] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 48. - № 75.

[277] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 62. - № 86.

[278] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 60 - 61. - № 78.

[279] ПСЗ. - № 2678 (12 мая 1713 г.).

[280] Голубев А. А. Расправная палата при Сенате // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888.

[281] Петровский С. О Сенате в царствование Петра Великого// Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 3. – М., 1876.

[282] Петровский С. О Сенате …

[283] ПСЗ. - № 3026.

[284] ПСЗ. - № 3091.

[285] ПСЗ. - № 2467, 2532; Александров Г. «Печать Антихриста» // Русский архив. – 1873. - № 10. – С. 2068 – 2072; Александров Г. Ещё о «печати антихриста» // Русский архив. – 1873. - № 11. – С. 2296 – 2297.

[286] ПСЗ. - № 2608.

[287] ПСЗ. - № 2885.

[288] РГАДА. Ф. 248. Кн. 645. Л. 205.

[289] ПСЗ. - № 3135 (именной указ от 13 декабря 1717 г.)

[290] ПСЗ. - № 2718.

[291] ПСЗ. - № 2858.

[292] РГАДА. Ф. 248. Кн. 812. Л. 522 – 538.

[293] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 9 - 10. - № 19.

[294] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 71.

[295] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 71 - 72.

[296] ПСЗ. - № 2349.

[297] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 49 - 50. - № 77.

[298] ПСЗ. - № 2774.

[299] ПСЗ. - № 2807.

[300] РГАДА. Ф. 248. Кн. 16. Л. 1120.

[301] ПСЗ. - № 2885.

[302] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – № 570.

[303] ПСЗ. - № 2901.

[304] ПСЗ. - № 3006.

[305] ПСЗ. - № 2474 (указ от 29 января 1712 г.).

[306] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 9 - 10. - № 19; С. 44 - 45. - № 68 (в апреле 1711 г. Поместный приказ прислал в Московскую губернию третных даточных набранных по указу 1711 г.).

[307] ПСЗ. - № 2421 (31 августа 1711 г.).

[308] ПСЗ. - № 2570.

[309] Д и ПС. Т. 1. – СПб., 1880. – С. 9 - 10. - № 19.

[310] ПСЗ. - № 2377, 2741 (27 ноября 1713 г.) (этим указом разрешено было в Санкт – Петербургской и Азовской губерниях подписывать рекрутские списки вице – губернаторам из – за большой занятости местных губернаторов – А. Д. Меншикова и Ф. М. Апраксина).

[311] ПСЗ. - № 2467.

[312] ПСЗ. - № 2753 (14 декабря 1713 г.).

[313] ПСЗ. - № 2639.

[314] ПСЗ. - № 2749 (8 декабря 1713 г.).

[315] РГАДА. Ф. 248. Кн. 376. Л. 366.

[316] РГАДА. Ф. 248. Кн. 73. Л. 11 – 12.

[317] ПСЗ. - № 2402 (17 июля 1711 г.).

[318] РГАДА. Ф. 248. Кн. 376. Л. 25 – 30.

[319] РГВИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 810.

[320] РГАДА. Ф. 248. Кн. 376. Л. 354.

[321] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 553 – 554.

[322] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 554.

[323] Там же.

[324] Там же. Л. 555.

[325] РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 805. Л. 1.

[326] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 555.

[327] Там же Л. 554.

[328] РГАДА. Ф. 248. Кн. 376. Л. 357 - 359.

[329] РГВИА. Ф. 2. Оп.1. Д. 9. Л. 890 – 1119; РГВИА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 28. Л. 474 - 547.

[330] РГВИА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 28. Л. 523 – 524.

[331] Там же. Л. 528.

[332] Там же. Л. 536.

[333] РГВИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 1000 – 1006.

[334] Там же. Л. 1013.

[335] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694.Л. 553.

[336] РГВИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 23. Л. 257 – 260 (копия для казанского губернатора).

[337] РГВИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 23. Л. 261 – 272.

[338] От немецкого «Land» - земля, страна, здесь – население страны (в отличие от профессиональных военных), и от латинского «militia» - войско. «Ландмилиция» - войска, состоящие из «гражданских», а не из профессиональных военных. Поскольку военнослужащие ландмилиции – «гражданские», постольку они не могут находиться на военной службе долгое время, а фактически проходят только ежегодное обучение и являются на службу в чрезвычайных обстоятельствах.

[339] Хорошими примерами ландмилиции в Европе в это время считались австрийские гусары, несшие службу на границе с Турцией, и войска «индельты» в Швеции. В правление императрицы Анны Иоанновны Миних реорганизовал русскую ландмилицию по шведскому образцу, однако ещё Пётр I использовал этот полезный шведский пример (Анисимов Е. В., Беспятых Ю. Н. Шведская поселенная система конца XVII в. и её использование при подготовке петровской военно – податной реформы // 8 – я Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и культуры скандинавских стран и Финляндии. – Петрозаводск, 1979). При Петре I использовался как австрийский (на Украине), так и шведский (на Балтике) опыт. О роли Миниха в реорганизации ландмилиции на юге России: Пенской В. В. Украинский ландмилицейский корпус в XVIII в. // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147 - 153.

[340] Д и ПС. Т. 3. Ч. 1. №№ 26, 83, 123, 174, 296, 325, 340; Ч. 2. №№ 433, 501, 562; Т. 4. Ч. 1. №№ 501, 541; Ч. 2. №№ 951, 1715; Т. 5. Ч. 1. №№ 591; Ч. 2. № 1139; ПСЗ. - № 2643; Рабинович М. Д. Полки … С. 70 – 72. №№ 340 – 353.

[341] ПСЗ. - № 4138.

[342] Там же. С. 44. № 4191; № 4195; № 4200; № 4205; № 4223; Рабинович М. Д. Полки … С. 73. №№ 363 - 367.

[343] Служащие ландмилиции, по установившемуся в XVIII веке обычаю, назывались не «ландмилиционерами», как можно ожидать по нормам современного русского языка, а «ландмилицами». Соответственно, говорили не «ландмилицейский» или «ландмилиционный», а «ландмилицкий». Особенностей употребления этих слов в XVIII веке я и буду придерживаться далее.

[344] Цвиркун В. И. Ландмилиция // Отечественная история: Энциклопедия. В 5 - и т. Т. 3. М., 2000. С. 277 (неточная датировка создания ландмилиции на юге 1713 годом); Иванов Д. Б. Ландмилицкое повытье Военной коллегии. 1719 - 1812 гг. // Государственность России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы местного самоуправления, единицы административно - территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века – февраль 1917 года): Словарь – справочник. Кн. 3: Л - П. М., 2001. С. 12; Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 390; Ильенко А. К. Комплектование … ; Пенской В. В. Украинский …

[345] Голиков И. И. Деяния … Т. 6. - С. 548.

[346] Рабинович М. Д. Полки … С. 68. № 308. Указанная дата выделения части личного состава в новый ландмилицкий полк (1715 -1716 гг.) неточна – царь распорядился о создании нового ландмилицкого полка в 1716 г. (см. ниже прим. 10).

[347] Там же. С. 72. № 354. Голиков И. И. и Рабинович М. Д. использовали один и тот же ещё не опубликованный документ из фонда Кабинета Петра I.

[348] РГВИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 532 – 538; Д. 10. Л. 93 – 100, 103, 363, 403 – 408; Оп. 2. Д. 23. Л. 81; Оп. 3. Д. 28. Л. 207.

[349] Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 532 – 538.

[350] Там же. Д. 10. Л. 93

[351] Там же. Л. 94.

[352] Там же. Л. 97.

[353] Там же. Л. 100.

[354] Там же. Л. 403 - 408.

[355] Там же. Л. 103.

[356] Там же. Оп. 2. Д. 23. Л. 81 – 82.

[357] Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 363.

[358] Там же. Оп. 3. Д. 28. Л. 207.

[359] П и БПВ. Т. 11 ... С. 541 (комментарий к № 4503).

[360] В начале 1719 г. глава комиссии по расследованию казнокрадства «светлейшего князя» Голицын П. М. грозил этому когда - то «полудержавному властелину» заключением под стражу за невозвращение в казну примерно 440 тысяч украденных им рублей (Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984. С. 102 – 103).

[361] Мышлаевский А. З. Пётр Великий: Война в Финляндии в 1712 – 1714 гг. – СПб., 1896; Лялина М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времён до начала XX в. – СПб., 1908; Похлёбкин В. В. СССР – Финляндия: 260 лет отношений (1713 – 1973 гг.). – М., 1975; Беспятых Ю. Н. Северная война на территории Финляндии в исторической литературе // Вопросы политической истории СССР. – М.; Л., 1977; Лампинен Т. Западная Финляндия в Северную войну // Труды 8 – го советско – финляндского симпозиума историков. – Л., 1985; Шаскольский И. П., Беспятых Ю. Н. Россия и Финляндия в годы Северной войны (1700 – 1721 гг.) // Труды 8 – го советско – финляндского симпозиума историков. – Л., 1985; Расила В. История Финляндии. – Петрозаводск, 1996.

[362] Посошков И. Книга о скудости и богатстве. Гл.2: «Есть слово похвальное про фины, что де так крепко на бою стоят, что убьют де человека, а другой на то место и станет.»

[363] Бутков П. Г. Достопамятные происшествия, приобщённые к Псалтыри, изданной на финском языке в Або в 1761 г. // Северный архив. Ч. 15. – СПб., 1825. – № 11. – С. 314 – 320; № 12. – С. 383 – 392.

[364] Голиков И. И. Деяния … Т. 8. – С. 433.

[365] Бородкин М. М. История Финляндии. В 5 – и т. Т. 1. – СПб., 1910. - С. 237 – 238. О М. М. Бородкине: Барышников В. Н. Русский исследователь М.М. Бородкин о Финляндии и о финнах периода времени Петра I // Северная война, Санкт – Петербург и Европа в первой четверти 18 – го в.: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2007; Такала И. Р. Русские

немарксистские труды по истории Финляндии // Проблемы историографии всеобщей истории. – Петрозаводск, 1991.

[366] Пользуюсь изложением мнения Э. Ютиккала в статье: Кууйо Э. Финляндия во время Великой Северной войны // Труды 8 – го советско – финского симпозиума историков: Петрозаводск, 21 – 23.10.81. – Л., 1985. – С. 14 – 15.

[367] РГВИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 24. Л. 238 – 527, 538 - 543

[368] Бородкин М. М. История Финляндии … . – С. 188 – 189.

[369] Беспятых Ю. Н. Россия и Финляндия во время Северной войны (1700 – 1721 гг.) : Автореферат диссертации на соискание звания кандидата исторических наук. – Л., 1980.

[370] РГВИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 24. Л. 539.

[371] Там же. Л. 541 - 543.

[372] Там же. Л. 540.

[373] Там же. Л. 250.

[374] Там же. Л. 251 - 252.

[375] Там же. Л. 238.

[376] Там же. Л. 247.

[377] Там же. Л. 239.

[378] Там же. Л. 267.

[379] Там же. Л. 264.

[380] Там же. Л. 260.

[381] Там же. Л. 272 - 273.

[382] Д и ПС. Т. 2. – № 333.

[383] ПСЗ. – № 1820 («статьи, состоявшиеся на Генеральном Дворе в Преображенском» от 23 декабря 1700 г.).

[384] ПСЗ. - № 2036, 2050.

[385] ПСЗ. - № 2078.

[386] Д и ПС. Т. 2. – № 333.

[387] П и БПВ. Т. 4. – С. 943.

[388] РГАДА. Ф.248. Кн. 694. Л. 74.

[389] РГАДА. Ф.248. Кн. 694. Л. 74.

[390] РГАДА. Ф.248. Кн. 694. Л. 74; ПСЗ. - № 2885, 3110.

[391] РГАДА. Ф.248. Кн. 694. Л. 74.

[392] РГАДА. Ф.248. Кн. 694. Л. 74.

[393] ПСЗ. - № 3110.

[394] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 447.

[395] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 448 – 449.

[396] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 449.

[397] П и БПВ. Т. 4. – С. 1038.

[398] П и БПВ. Т. 4. – С. 734.

[399] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 452 - 453.

[400] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 453.

[401] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 454.

[402] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 454.

[403] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 455.

[404] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 455.

[405] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 456.

[406] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 458.

[407] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 459.

[408] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 459.

[409] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 455.

[410] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 461.

[411] П и БПВ. Т. 4. – С. 846.

[412] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 463.

[413] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 449.

[414] П и БПВ. Т. 7. – С. 894.

[415] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 451.

[416] П и БПВ. Т. 9. – С. 576.

[417] П и БПВ. Т. 11. – №№ 4444, 4455.

[418] П и БПВ. Т. 9. – С. 1080.

[419] П и БПВ. Т. 10. – № 3934.

[420] П и БПВ. Т. 10. – С. 734.

[421] П и БПВ. Т. 11. – № 4235.

[422] ПСЗ. - № 2374.

[423] Д и ПС. Т. 1. – № 135.

[424] Д и ПС. Т. 1. – № 237.

[425] Д и ПС. Т. 1. – № 164.

[426] Д и ПС. Т. 1. – № 226.

[427] Д и ПС. Т. 1. – № 464.

[428] П и БПВ. Т. 11. – С. 372.

[429] Д и ПС. Т. 2. – № 754, 717.

[430] Д и ПС. Т. 2. – № 754; Т. 3. - № 378.

[431] Д и ПС. Т. 3. – № 378.

[432] Петровский С. О Сенате … .

[433] Д и ПС. Т. 1. – № 519.

[434] Д и ПС. Т. 2. – № 120.

[435] ПСЗ. - № 2693 (приговор от 6 июля 1713 г.); 762; 1146; 1219; 1294.

[436] Д и ПС. Т. 2. – № 75.

[437] Д и ПС. Т. 1. – № 549.

[438] Д и ПС. Т. 2. – № 333.

[439] Д и ПС. Т. 2. – № 333.

[440] Д и ПС. Т. 3. – №№ 473, 762, 189.

[441] П и БПВ. Т. 13. – С. 254.

[442] П и БПВ. Т. 11. – № 4257; ПСЗ. - №2437.

[443] ПСЗ. - № 2728.

[444] ПСЗ. - № 2740 (23 ноября 1713 г.).

[445] ПСЗ. - № 2813, 2859, 2883, 2980.

[446] ПСЗ. - № 2876.

[447] ПСЗ. - № 3134 (приговор Сената).

[448] РГАДА. Ф. 248. Кн. 694. Л. 76 (доклад канцелярии рекрутского счёта А. И. Ушакова Сенату от 24 января 1722 г.)

[449] ПСЗ. - № 2678 (приговор Сенат от 26 мая 1713 г.).

[450] П и БПВ. Т. 13. – № 6371.

[451] ПСЗ. - № 2467 (именной указ от 16 января 1712 г.), № 2532 (сенатский приговор от 19 мая 1712 г.), 2876 (именной указ от 18 января 1715 г.); Александров Г. Н. Печать Антихриста (Письмо Петра Великого к князю Я.

Ф. Долгорукому // Русский архив. 1873. Т. 2. № 10. Стб. 2068-2073; Он же. Еще о печати Антихриста // Русский архив. 1873. Т. 2. № 11. Стб. 02296 - 02297.

[452] ПСЗ. - № 2566 (5 августа 1712 г.).

[453] ПСЗ. – № 2608.

[454] ПСЗ. - № 2716.

[455] ПСЗ. - № 2901.

[456] ПСЗ. - № 2783.

[457] ПСЗ. - № 3006 (30 марта 1716 г.), 3136 (20 декабря 1717 г.).

[458] ПСЗ. - № 3110.